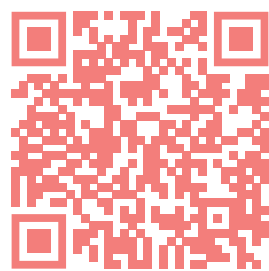

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

ПРО СВЕТ

ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

KEY ISSUES
OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

№ 3 | 2023

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

ISSN 2949-5075 (online)

№ 4 / 2023

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. — д-р филол. наук, доц., ГУП

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. — д-р филол. наук, проф., ГУП

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. — канд. филол. наук, ГУП

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викулова Л. Г. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Гринев-Гриневич С. В. — д-р филол. наук, проф., Университет в Белостоке (Республика Польша);

Епифанцева Н. Г. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Жирова И. Г. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Иванов Н. В. — д-р филол. наук, проф., МГИМО МИД России;

Калинин О. И. — д-р филол. наук, проф., Военный университет Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. — д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Малюга Е. Н. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. — д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Николаева О. В. — д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Ощепкова В. В. — д-р филол. наук, проф.;

Пан Кё Ён — д-р филол. наук, проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея);

Пешкова Н. П. — д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. — д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Прошина З. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Скуратов И. В. — д-р филол. наук, доц., ГУП;

Сулейманова О. А. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. — д-р филол. наук, доц., ГУП;

Хухуни Г. Т. — д-р филол. наук, проф., ГУП;

Чеснокова О. С. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40713

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.journals-gup.ru, www.linguamgou.ru);

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. — 2023. — № 4. — 168 с.

© Государственный университет просвещения, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

сайты: www.linguamgou.ru; www.journals-gup.ru

Founder:
State University of Education

———— Issued 6 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), SUE

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

S. V. Grinev-Grinevich – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bialystok University (Poland);

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

N. V. Ivanov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

Kosta Peter – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Potsdam (Germany);

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

V. V. Oshchepkova – Dr. Sci. (Philology), Prof.;

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

Z. G. Proshina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., SUE;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., SUE;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key issues of contemporary linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key issues of contemporary linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key issues of contemporary linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's sites (www.journals-gup; www.linguamgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2023. – № 4. – 168 p.

© State University of Education, 2023.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru;

sites: www.linguamgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Абросимова Е. А.</i> Концептуализация мира растений в ветеринарной клинической терминологии	6
<i>Алексеев А. Б., Сорокина Э. А.</i> Дискурс смешанных единоборств в аспекте изучения мягкой силы	17
<i>Габеев А. А.</i> Местоимение как параметр прагмалингвистической связности англоязычного экономического дискурса	33
<i>Диттрих А. Г.</i> Современные области прагмалингвистических исследований	42
<i>Дубровченко Е. М.</i> Реакции на изменение коммуникативной дистанции в англоязычном общении	53
<i>Липгарт А. А., Вишнякова Е. А., Самборук Л. А.</i> Языковая экономия в обучении английскому языку русскоязычной аудитории	63
<i>Николаева О. В.</i> Медианарратив «Азиатский Век» сквозь призму национальных нарративов Востока и Запада	73
<i>Филясова Ю. А.</i> Репрезентация эмотивных коннотаций английских новостных заголовков при переводе на русский язык	87
<i>Черкасова И. П., Черкасова А. С.</i> Кристаллизация аксиологических доминант <i>time</i> и <i>soulmate</i> в романе Р. Баха «Мост через вечность»	102
<i>Шестопалова А. М.</i> Определение типа субъекта в квазисубъектных моделях типа <i>Книга легко читается</i>	116
<i>Ярыгина Н. Ю.</i> Квантитативно-лингвистические характеристики публичных выступлений (на материале открытого экономического дискурса)	125

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

<i>Говорова Л. А.</i> Лингвокультурологические параметры идентичности пуэрториканцев	136
<i>Евсеева М. В.</i> Французские юридические неологизмы в смарт-контрактах	144
<i>Чеснокова О. С.</i> Песенный дискурс аргентинских футбольных болельщиков сквозь призму национальной идентичности	154
<i>Памяти Новодрановой Валентины Фёдоровны</i>	166

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>E. Abrosimova.</i> Conceptualization of the Plant World in Veterinary Clinical Terminology.	7
<i>A. Alexeyev, E. Sorokina.</i> Mixed Martial Arts Discourse in Connection with the Study of Soft Power.	17
<i>A. Gabets.</i> Pronoun as the Parameter of English Economic Discourse Pragmalinguistic Cohesion	33
<i>A. Dittrikh.</i> The Modern Fields of Pragmalinguistics Research	42
<i>E. Dubrovchenko.</i> Reactions to Changes in Communicative Distance in English Communication.	53
<i>A. Lipgart, E. Vishnyakova, L. Samboruk.</i> Linguistic Economy and Teaching English to Russian-Speaking Audience.	63
<i>O. Nikolaeva.</i> The “Asian Century” Media Narrative Through the Lens of National Narratives of the East and the West	73
<i>Yu. Filyasova.</i> Representation of English News Headlines Emotive Connotations in Russian Translations	87
<i>I. Cherkasova, A. Cherkasova.</i> Crystallization of Axiological Dominants Time and Soulmate in R. Bach's Novel “The Bridge Across Forever”.	102
<i>A. Shestopalova.</i> Defining the Subject in Quasi-Subject Constructions Such as Kniga Legko Chitaetsja	116
<i>N. Yarygina.</i> Quantitative and Linguistic Characteristics of Public Speeches (Based on the Material of Economic Discourse)	125

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC AND ROMANCE)

<i>L. Govorova.</i> Linguistic and Cultural Parameters of the Identity of Puerto Ricans	136
<i>M. Evseeva.</i> French Legal Neologisms in Smart Contracts	144
<i>O. Chesnokova.</i> Song Discourse of Argentine Football Fans Through the Prism of National Identity	154
In memory of Valentina Fedorovna Novodranova	166

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'373

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-6-16

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА РАСТЕНИЙ В ВЕТЕРИНАРНОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Абросимова Е. А.

*Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина
644008, г. Омск, Институтская пл., д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности миромоделирования в ветеринарной клинической терминологии на основе анализа метафорических и метонимических концептуальных моделей со сферой-источником «растение».

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ концептуальных моделей со сферой-источником «растение» в ветеринарных терминах, обозначающих патологические процессы и способы/средства лечения. Материал исследования – профессиональные ветеринарные справочники, словари и пособия, а также направления на гистопатологическое исследования, в которых указаны клинические данные больного животного.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в клинической ветеринарной терминологии воплощаются как метафорическая, так и метонимическая концептуальные модели со сферой-источником «растение». Концептуальные метафоры «патология – это растение», «больной организм – это растение» включают три фрейма: жизненный цикл растения, части растения, разновидности растений; метонимические модели «причина болезни / средство для её лечения – это растение» представлены в виде фреймов «материал», «части растения», «виды растений».

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье поднимается вопрос о специфике миромоделирования в ветеринарной терминологии. Результаты исследования могут быть использованы при составлении глоссариев к разделам клинических ветеринарных дисциплин.

Ключевые слова: ветеринарная терминология, концептуальная модель, метафорическая модель, метонимическая модель, растительная концептуальная модель

CONCEPTUALIZATION OF THE PLANT WORLD IN VETERINARY CLINICAL TERMINOLOGY

E. Abrosimova

*Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin
Institutskaya Ploshchad 1, Omsk 644008, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify specific features of world modeling in clinical veterinary terminology based on the analysis of the metaphorical and metonymic conceptual models with the source domain “plant”.

Methodology. The main content of the study is the analysis of conceptual models with the source domain “plant” in veterinary terms denoting pathological processes and methods of treatment. The material of the study is professional veterinary dictionaries and manuals, as well as referrals for histopathological examination, which indicate the clinical data of an animal.

Results. The analysis showed that both metaphorical and metonymic conceptual models with the source domain “plant” are embodied in clinical veterinary medicine. Conceptual metaphors “pathology is a plant”, “diseased organism is a plant” – includes three frames: plant life cycle, plant parts, plant species; metonymic models “plant as the cause of the disease / a remedy for its treatment” are presented in the form of frames “material”, “parts of a plant”, “plant species”.

Research implications. The article raises the problem of the specifics of world modeling in veterinary terminology. The results of the study can be used in compiling glossaries for sections of clinical veterinary disciplines.

Keywords: conceptual model, metaphorical model, metonymic model, plants conceptual model, veterinary terminology

Введение

Исследование терминологии в аспекте когнитивного подхода позволяет зафиксировать процессы «образования новых знаниевых структур ... в рамках специализированных областей» [16, с. 10], вывести на первый план проблемы «соотношения языковых структур с ментальными структурами, отражающими особенности человеческого опыта и деятельности» [4, с. 5]. Такой подход раскрывает процессы терминообразования, соотнесённые с особенностями мышления и категоризации понятий в дискурсивном ключе, в связи со спецификой познания и коммуникации в той или иной профессиональной сфере [3; 7 и др.].

Структуры, отражающие как процесс, так и результат познания действительно, так и повторяющиеся, но наполняемые новым языковым содержанием схемы, могут быть представлены в виде метафорических и метонимических когнитивных мо-

делей. По Дж. Лакоффу и М. Джонсону, данные модели имеют близкую природу и основаны на сопоставлении познаваемого объекта с уже известным, что связано со стремлением к экономии мыслительных усилий. При этом «метафора – это прежде всего способ постижения одной вещи в терминах другой, и таким образом ее основная функция заключается в обеспечении понимания» [9, с. 62], метонимия же «позволяет точнее сконцентрироваться на определенных сторонах того, что обозначается» [там же]. Иными словами, метафорическая модель строится на воображаемой связи между сферой-источником и сферой-мишенью, метонимия же – на объективной, рациональной связи [10; 11]; по замечанию Т. В. Казариной, «метонимия отождествляет, например, представляет часть как целое и не видит различий; метафора видит различия и представляет одно через другое, отличное» [цит. по 17, с. 134].

Среди частотных когнитивных моделей, реализуемых терминосистемами различных областей знания, может быть названа модель со сферой-источником «растительный мир» [5; 12; 14; 16 и др.]. Одной из сфер человеческой деятельности, в которой наблюдается регулярное языковое воплощение растительной/ботанической/фитоморфной модели, является медицина.

Так, С. Г. Дудецкая рассматривает несколько стратегий реализации растительной метафорической модели в терминосистемах стоматологии и челюстно-лицевой хирургии: отсутствие антропогенного воздействия на растение, слабое антропогенное воздействие и сильное антропогенное воздействие. Исследователь отмечает, что в первом случае с помощью метафорической модели «растительность», соотнесённой с моделью «ландшафт», реализуется концепт «здоровье/норма», и приводит в качестве примеров в основном анатомические термины, такие как *ствол мозга*, *корень языка*. Стратегия сильного антропогенного воздействия на растения связана с метафорическими моделями кулинарной обработки (например, *болезнь кленового сиропа*), которые выражают концепт «болезнь/патология» [5, с. 65]. М. В. Озингин в диссертации, посвящённой метафоре в медицинской терминологии, делает заключение о том, что в образах, связанных со стадиями развития растения и его частями, проявляется «представление о человеке как о едином биологическом организме и части биосферы» [14, с. 20]. В исследованиях отмечаются также отдельные образы, связанные с растением или его частями, например, *ствол* в терминологии медицины становится частотным источником метафоризации при «номинации терминов, дефиниции которых содержат информацию о внутренних сосудах» [16, с. 111]: перенос происходит на основе формы и функционального назначения данной части растения.

В целом распространённость метафорической ботанической модели объясняется, с одной стороны, глубинной исторической связью всего живого, когда «растение могло выступать как источник всего сущего» [8, с. 125]; с другой же стороны, растения и их части издавна использовались как своеобразные шкалы для разностороннего описания предметов и явлений: «В силу стабильности собственных характеристик растительные объекты оказываются очень удобными эталонами для измерения и представления формы и размера, количества, причинности, времени, качества и оценки различных объектов» [2, с. 132]. «Фитоморфная модель является одной из наиболее востребованных для отображения различного рода иерархий и представлений отношений зависимости или близости в науке» [13, с. 155].

Обзор публикаций показывает, что исследователи сосредоточивают внимание на метафорической ботанической модели, тогда как метонимическая концептуальная модель со сферой-источником «растение» остаётся практически не рассмотренной. При этом важными для выявления представления о фитонимии являются работы, посвящённые анализу метонимической модели, в которой растение, наоборот, выступает как сфера-мишень. Так, в исследовании И. В. Лукьяновой демонстрируется разнообразие зафиксированных в сознании людей семантических признаков, среди которых *животное*, *орган*, *болезнь*, *эффект*, *блюдо*, *время*, *место*, *расстояние* [10, с. 186]. В диссертации Е. П. Ковалевич рассматриваются такие разновидности функционирования метонимической модели концепта Flower («Цветок»), как пространственная, отражающая структуру самого растения и его цветка, а также место произрастания; временная, отражающая жизненный цикл растения, особенности его выращивания и использования; смешанная (пространственно-временная) [6]. Л. В. Бабина, исследуя

английские сложные фитонимы, отмечает, что метонимическая концептуальная модель WHOLE → PART реализуется на основе таких интерпретирующих характеристик, как «'part – seed': chickpea, cowpea, etc. ..., 'part – wood': corkwood, cottonwood, ironwood, etc. ..., 'part – berry': cowberry, crowberry, Juneberry, etc.» [1, с. 8–9], и приходит к выводу о том, «сложные фитонимы в переносных значениях передают представления о частях растений» [1, с. 9].

Наше исследование посвящено языку профессиональной сферы, которая объективно тесно связана с растительным миром: терминология ветеринарной медицины содержит обозначения патологий, вызванных растениями, а также лекарственных средств, кормов, добавок, получаемых из растений. По-видимому, можно предположить, что в таких терминах будут реализовываться не только метафорические, но и метонимические концептуальные модели, связанные с растительным миром.

Быстрое развитие ветеринарии, наблюдаемое в настоящее время, привлекает внимание исследователей к её терминологии. При этом в большинстве работ, выполненных в когнитивном ключе, по сути рассматриваются концептуальные модели, характерные для медицины в целом, что обусловлено единством учения о болезнях людей и животных, уходящего своими корнями в античность. Между тем, ветеринарная терминология имеет свою специфику, во многом связанную с объективным различием как самих организмов человека и животного, так и протекающих в этих организмах патологических процессов.

Исследователи отмечают разнородность ветеринарной терминологии, сочетающей «два совершенно разных явления: 1. точно разработанная и международно-стандартизированная анатомическая номенклатура и 2. быстро разработанная нестандартная терминология отдельных клинических отраслей» [15, с. 13].

В нашей статье акцент сделан на клинической ветеринарной терминологии, так как именно она, очевидно, в большей степени отражает специфику ветеринарной сферы, формировавшейся в тесной связи с сельскохозяйственной деятельностью, в отличие от анатомической и гистологической терминосистем, исторически тесно связанных с общемедицинскими исследованиями. На терминологию ветеринарии, таким образом, кроме собственно медицинского языка, оказывали влияние номинации кузнечного дела, животноводства, охоты и т. д. По-видимому, это объясняет тот факт, что одной из особенностей ветеринарной терминологии является сочетание народно-разговорных названий и терминов, представляющих собой транслитерацию латинских и греческих наименований.

Материалом исследования стали ветеринарные словари¹, справочники и пособия². Кроме того, в материал исследования были включены направления на исследования биопсийного материала, в которых приводятся клинические дан-

¹ Орлов Ф. М. Словарь ветеринарных клинических терминов; изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Россельхозиздат, 1983. 368 с. (далее – Орлов Ф. М. Словарь ветеринарных клинических терминов); Словарь ветеринарных терминов [Электронный ресурс] // Зоовет: [сайт]. URL: <https://www.zoovet.ru/stati/slovar-veterinarnykh-terminov> (дата обращения: 10.02.2023), далее – Словарь ветеринарных терминов; Лэйн Д., Гутри С. Краткий толковый словарь ветеринарных терминов / пер. с англ. Ю. М. Кеда. М.: Софион, 2007. 512 с. Далее – Лэйн Д., Гутри С. Краткий толковый словарь ветеринарных терминов.

² Частная патология: краткий курс лекций для аспирантов направления подготовки 36.06.01 «Ветеринария и зоотехния» / сост.: И. Ю. Домницкий. Саратов: ФГБОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2014. 95 с. (далее – Частная патология: краткий курс лекций для аспирантов); Медведев Г. Ф., Гавриченко Н. И., Долин И. А. Акушерство и репродукция сельскохозяйственных животных: методические указания по изучению дисциплины, выполнению контрольных работ и тесты для сдачи экзамена. В 2 ч. Ч. 2. Горки: БГСХА, 2014. 76 с. (далее – Акушерство и репродукция сельскохозяйственных животных); Белименко В. В. Протозойные болезни домашних животных. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2022. 176 с. Далее – Белименко В. В. Протозойные болезни домашних животных.

ные животного-пациента (87 направлений, выданных в омских, новосибирских и московских ветеринарных клиниках). Методом сплошной выборки были отобраны номинации, воплощающие концептуальные модели со сферой-источником «растение», причём рассматривались как традиционные сельскохозяйственные наименования, так и транслитерированные латинские и греческие термины. В словарях номинация исследовалась вместе с дефиницией, а в руководствах и пособиях – в контексте употребления. Из названных источников было выделено около 300 наименований, включающих как собственно термины, вынесенные в отдельные словарные статьи (*крапивница, акантоз*), так и принятые в клинической ветеринарии обозначения-характеристики патологических процессов (*экзофитный рост, прорастание, напоминает цветную капусту*). При этом количество патологий, наименование которых связано с растениями, безусловно, во много раз больше: так, болезней, вызванных, например, отравлением тем или иным видом растений насчитывается более 10000¹. Мы не ставили перед собой цель определить частотность терминов, воплощающих ту или иную модель: интерес представляла специфика означивания патологических процессов в организме животного при помощи растительной метафоры и метонимии.

Попытаемся представить фитоморфную модель, реализуемую в ветеринарной клинической терминологии, в виде фреймо-слотовой структуры, то есть рассмотреть концептуальную модель со сферой-источником «растение» через относящиеся к ней фреймы (фрагменты картины мира, структурирующие соответствующую понятийную область) и слоты, уточняющие те или иные аспекты фрейма [18].

Метафорические модели со сферой-источником «растение»

В клинической терминологии основными сферами метафоризации оказываются сам патологический процесс (болезнь) и организм, подверженный этому процессу, что позволяет выделить две метафорические модели со сферой-источником «растение»: «патология – это растение» и «больной организм – это растение». Фреймо-слотовая структура данных моделей, как это будет показано ниже, во многом сходна и включает три фрейма: «жизненный цикл растения», «части растения», «разновидности растений». В связи с этим мы будем рассматривать данные модели вместе и при необходимости делать комментарии относительно специфики той или иной модели.

«Жизненный цикл растения»

При обозначении патологий частотно представление о процессах и явлениях, особенно связанных с новообразованиями, с точки зрения их роста²: *рост (новообразования) неактивный, медленный; уменьшение роста, возобновление роста*. Рост характеризуется обозначением направления: *экзофитный рост, эндофитный рост*; интенсивности: *экспансивный рост опухоли в полость органа*, а также временем: *давность роста около года*. В модели со сферой-мишенью «организм или его часть» в клинической терминологии обозначений процесса роста меньше: *самозаращение (раны)*, (долгое/быстрое) *сращение (перелома)*.

Жизненный цикл растения представлен метафорическими терминами, характерными для каждого из его этапов:

– посев: *диссеминация, или обсеменение* – «распространение в организме

¹ См.: Арестов И. Г., Толкач Н. Г. Ветеринарная токсикология. Минск: Урожай, 1999. С. 93.

² Примеры, связанные с *ростом*, взяты из направлений на гистопатологическое исследование, содержащих клинические данные больного животного. В 80% рассмотренных направлений содержатся метафоры, входящие в слот «Жизненный цикл растения».

клеток злокачественной опухоли; рассеивание возбудителя болезни в организме или среди окружающих животных»¹; *отсев* (клеток опухоли) – для модели «патология – это растение»; *замерший засев* (пчёл) – «болезнь, проявляющаяся замиранием зародышей пчел ...»² – для модели «организм / его часть – это растение»;

– появление ростков (для модели «патология – это растение»): *прорастание* (опухоли); *бластома* (от гр. *blastos* – росток, вырос и *ома* – опухоль), буквально «ростковая опухоль», – «опухоль из новообразующихся клеточных элементов»; в термине *остефит* (от гр. *oste* – кость и *phyton* – растение) – «ограниченное воспалительное костное новообразование, исходящее из надкостницы»³ – можно наблюдать образ субстрата, почвы для патологического процесса, представленного в виде прорастающего из этого субстрата растения;

– цветение (для модели «патология – это растение»): *бутоны* (плотные образования, появляющиеся в слизистой оболочке толстого отдела кишечника)⁴; «Их строение резко отличается от *бутонов* при чуме»⁵; *эффлоресценция*⁶ (от лат. *ex* – наружу и *flos, floris* – цветок) – сыпь;

– появление и созревание плодов/семян: *патология плодоношения у животных*⁷ – модель «организм / его часть – это растение»; *катаракта зрелая, незрелая, перезрелая; зрелые доброкачественные опухоли* – модель «патология – это растение».

«Части растения»

Модель «организм / его часть – это растение»

¹ Орлов Ф. М. Словарь ветеринарных клинических терминов. С. 98.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 180.

⁴ Частная патология: краткий курс лекций для аспирантов. С. 67.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Орлов Ф. М. Словарь ветеринарных клинических терминов. С. 342.

⁷ Акушерство и репродукция сельскохозяйственных животных. С. 10.

Как отмечает в своём исследовании С. Г. Дудецкая, части растений, как правило, реализуют концепт «здоровье» [5]. Однако в клинической терминологии те же самые части растения (*листья, ветви, корни, кора, стебель*) являются источниками метафоризации при обозначении патологических процессов: *сращение серозных листков*⁸, *сдавливания разветвлений воротной вены*⁹, *катаракта корковая, или кортикальная* (катаракта, при которой помутнение возникает на коре хрусталика)¹⁰, *радикулит* (буквально «воспаление корешков»), *асептическое воспаление корневой оболочки*¹¹. По-видимому, в таких случаях уместно говорить о вторичной образности, своеобразной метонимизации метафоры: в анатомической терминологии *листья, ветви, кора, корни и т. д.*, безусловно, являются метафорами, но в патологии речь идёт об объективных процессах *сдавливания, воспаления, помутнения и т. д.* анатомических структур, названных с помощью метафорического переноса «орган или его часть – растение»). При этом возникают образы, связанные с испорченными болезнью растениями.

Кроме того, части растения могут выступать как метафорические обозначения структур организма, предназначенных для *сшивания, переноса* (особенно в трансплантологии: сам термин «трансплантология» образован от латинского *planta* – растение и буквально обозначает «наука о пересадке растений»): *лоскут на стебле, или филатовский стебель* – «участок кожи с подлежащей тканью, не отделенный от тела ...; используется для пересадки кожи»¹², *сальниковый листок* – в хирургии «участок сальника, прикрепляемый к кишке или простате ...»¹³.

⁸ Частная патология: краткий курс лекций для аспирантов. С. 6.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Там же.

¹¹ Словарь ветеринарных терминов.

¹² Лэйн Д., Гутри С. Краткий толковый словарь ветеринарных терминов. С. 174.

¹³ Там же. С. 284.

Модель «патология – это растение»

С другой стороны, наименования частей растения в ряде терминов являются метафорами, обозначающими сами патологические процессы, например *акантоз*, (от гр. *Akantha* – шип) – «болезнь эпидермиса, проявляющаяся увеличением слоя шиловидных клеток кожи в виде эпителиальных отростков, иногда глубоко проникающих в кожу»¹, *листовидная пузырчатка* (болезнь названа по внешнему виду образующихся на коже корочек, напоминающих сухие листья); *липогранулёма* (от лат. *granulitum* – зёрнышко) – «ограниченное зернистое образование на месте некроза подкожного жира в связи с ранением, воспалением»².

«Разновидности растений»

Метафорические обозначения патологических проявлений могут опираться на сходство проявления заболевания с результатом контакта с растением: *крапивница*, или *утрикария* (от лат. *urtica* – крапива) – заболевание, которое «проявляется внезапным высыпанием на разных участках кожи волдырей, похожих на ожоги крапивой»³; с каким-то качеством самого растения, например, твёрдостью дерева: *одеревенение* (тела, конечностей). В метафоризации участвуют названия плодов или соцветий конкретных растений, что обычно создаёт наглядный образ формы патологического явления: *стафилома роговицы* (от гр. *staphyle* – виноградная гроздь) – «частичное или полное выпячивание роговой оболочки глаза в результате проникающих ран или язв»⁴, «в эритроцитах больных животных преобладают парные *грушевидные формы* ...»⁵, «поверхность его может ...

напомянуть *цветную капусту*»⁶; а также позволяет уточнить размер: «Большие афты, размером с *грецкий орех* ... На венчике копытец и в межкопытной щели сначала образуются папулы величиной с *горошину*»⁷.

Метонимическая модели со сферой-источником «растение»

Метонимические модели со сферами-мишенями «патология», «средство от болезни» и сферой-источником «растение» в ветеринарной медицине, по-видимому, обусловлены рациональной причинно-следственной связью болезни и её лечения и контакта животного с миром растений: растение может вызывать болезнь или излечивать от неё. Эти модели могут быть представлены в виде фреймов «материал», «части растения», «виды растений».

«Материал»

Субстанция, сформированная из растения, может, с одной стороны, приносить вред, а с другой – являться лечебным средством, однако в любом случае на организм воздействует нечто, действительно образованное из растения: *фитоконкремент* (а также *фитобезорар*) – камень, сформировавшийся из растительных волокон⁸, *фитосорбционный комплекс*, *фитокомпонент* (например, корма), *фитотоксин* (яд растительного происхождения). В некоторых терминах сферой-источником метонимического переноса становится растительный корм (сено, трава, силос), который может либо вызывать болезнь, как в терминах *сенный живот*, *сенная болезнь*, *травяная болезнь*, *силосная болезнь* (одно из обозначений листериоза), а с другой – способствовать выздоровлению: *сенная диета*. Наименование *сенная лихорадка* также построено

¹ Орлов Ф. М. Словарь ветеринарных клинических терминов. С. 10.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 301.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Белименко В. В. Протозойные болезни домашних животных. С. 3.

⁶ Частная патология: краткий курс лекций для аспирантов. С. 33.

⁷ Там же. С. 74.

⁸ Орлов Ф. М. Словарь ветеринарных клинических терминов. С. 308.

на метонимическом переносе, но не напрямую (корм на основе растений – причина болезни), а на опосредованном: данная патология, представляющая собой «аллергическое заболевание человека и животных (преимущественно декоративных собак), обусловленное повышенной чувствительностью к цветочной пыльце и пыльце трав»¹, не связана именно с поеданием сена, а обусловлена контактом с растениями, из которых обычно делают сено.

«Части растения»

Определённые фрагменты растений могут вызывать патологию, что реализуется в терминах *нектарный токсикоз пчел* – «отравление пчел нектаром ядовитых растений. Болеют пчелы-сборщицы»²; *пыльцевой токсикоз пчел* – «пыльцевое отравление пчел, отравление пчел-сборщиц пыльцой ядовитых растений»³, *поллиноз* (от лат. *pollen, pollinis* – цветочная пыльца).

«Виды растений»

В данную группу были отнесены термины, которые отражают связь определённого вида растения с вызываемой им болезнью: *ковыльная болезнь*, или *стипаноз* (от лат. *stipa* – ковыль) – «ранение различных тканей и органов животных, чаще овец, остями плода (зерновки) различных видов ковыля сем. злаков (Gramineae)»⁴, *отравление гречихой*, или *фагопиротоксикоз, фагопиризм* (от *Fagopyrum sagittatum* – гречиха посевная) – «интоксикация, возникающая у животных при поедании ими в яркие солнечные дни гречихи или гречишной соломы и мякины»⁵, *клеверная болезнь*, или *трифолиитоксикоз* (от лат. *trifolium* – трилистник, клевер) – «интоксикация, возникающая у животных при поедании большого количества розового клеве-

ра ...»⁶, *лупиноз* – «острое или хроническое отравление с.-х. животных различными видами растений рода *Lupinus* L.»⁷, *триходесмотоксикоз* (от лат. названия растения *Trichodesma incanum* – триходесма седая) – «отравление многолетним растением триходесмой»⁸, *эквишетоз* (от лат. *equisetum* – хвощ) – «хроническое отравление лошадей и крупного рогатого скота хвощами (топьяным, болотным, луговым, полевым и зимним)»⁹.

Заключение

В клинической ветеринарной терминологии, реализующей концептуальные модели со сферой-источником «растение», по-видимому, нашли своё отражение как общемедицинские метафорические переносы по форме, функции, действию, так и особенно распространённые в ветеринарии метонимические наименования, устанавливающие рациональные связи между растительным миром и болезнью, а также лечением от этой болезни.

В метафорике клинической терминологии растение может представлять как вредоносный объект, в процессе своего роста и развития захватывающий организм (фрейм «жизненный цикл растения»); при этом в процессе заболевания структуры организма животного становятся похожими на те или иные растения и их части (фреймы «разновидности растений», «части растения»). С другой стороны, сам организм представлен как объект с вегетативными свойствами (фрейм «части растений»). При этом наименования, реализующие метафорические модели «патология / больной организм – это растение», по большей части являются общими для ветеринарии и человеческой медицины.

¹ Орлов Ф. М. Словарь ветеринарных клинических терминов. С. 211.

² Там же. С. 167.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 275.

⁵ Там же. С. 303.

⁶ Орлов Ф. М. Словарь ветеринарных клинических терминов. С. 294.

⁷ Там же. С. 148.

⁸ Там же. С. 294.

⁹ Там же. С. 327.

Метонимические модели, устанавливающие рациональную связь между растением и заболеванием или лекарственным средством, по-видимому, получают особую продуктивность именно в ветеринарной медицине: взаимодействие животных с растительным миром объективно гораздо более тесное, чем у человека, что связано с питанием, средой обитания. Так, растение становится субстанцией, вызывающей болезнь или, напротив, средством против болезни (фрейм «материал»). В некоторых случаях на первый план выводится патогенный характер определённой части растения (фрейм «части растения»). Особенно частотны наименования, во внутренней форме которых на первый план выводится связь патологии с конкретным видом растения (фрейм «виды растений»): только в исследуемом материале было выделено 39 таких наименований (если же анализировать специализированные руководства, например, по ветеринарной токсикологии, подобных терминов окажется гораздо больше, причём с постоянным пополнением знаний о токсичных видах и свойствах растений количество названий патологий увеличивается). По-видимому, метонимические термины характеризуют продуктивные способы терминообразования: прилагательное, образованное от обобщённого или родового/видового названия растения или кормового продукта, согласованное со словом «болезнь» (*травяная болезнь, клеверная болезнь, сеновая болезнь*); основа латинского названия растения и терминологические элементы *токс(ик)* - (*toxic* -) со значением «отравление» и - *оз* (лат. - *osis*) с общим значением «заболевание» (*трифолитоксикоз, лупиноз*).

Таким образом, анализ концептуальных моделей со сферой-источником «растение» позволяет говорить об определённой специфике миромоделирования в ветеринарной клинической терминологии, заключающейся в преобладании рационально установленных связей между болезнями, их лечением и растительным миром, что выражается в продуктивности метонимических моделей.

Несмотря на то что отечественная ветеринарная терминология соединяет в себе международные номинации греко-латинского происхождения и традиционные названия патологий, характерные для сельскохозяйственной деятельности (причём ветеринарные словари и справочники фиксируют эти названия наряду с международными), с одной стороны, можно говорить об определённой универсальности обозначенных концептуальных моделей, что соответствует и выводам исследователей, рассматривающих ботанические метафоры и метонимии на материале английского, латинского, русского языков. С другой стороны, если разделять традиционные сельскохозяйственные наименования болезней и латинские универсальные обозначения, принятые в мировой практике, безусловно, будут наблюдаться определённые различия, касающиеся реализации данных моделей. Кроме того, в настоящее время на терминологию ветеринарии оказывает влияние английский язык. Описание межъязыковых различий при воплощении метафорических и метонимических переносов в ветеринарных номинациях может стать перспективой данного исследования.

Дата поступления в редакцию 14.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабина Л. В. Когнитивный аспект изучения развития многозначности сложных слов (на материале английских сложных зоонимов и фитонимов) // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 8-4 (110). С. 6–10. DOI: 10.23670/IRJ.2021.110.8.115.
2. Биджиева А. А. Флористическая метафора в поэзии первой половины XIX века: концептуальные сферы приложения // Metaphor as means of knowledge. Communication: International Symposium: book of abstracts. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016. С. 130–132.

3. Великова Л. Н. Лексические маркеры цифрового таможенного дискурса (уровень словосочетания) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 6–15. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-6-15.
4. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
5. Дудецкая С. Г. Функционирование метафорических терминов подъязыка стоматологии и черепно-челюстно-лицевой хирургии в английском и русском языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2/3. С. 60–67.
6. Ковалевич Е. П. Метонимическая модель концепта «цветок» в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. 22 с.
7. Коваленко А. С. Реализация образного компонента в терминологии клинических нейронаук // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 6. С. 16–24. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-16-24.
8. Кондратьева О. Н. Фитоморфная метафора как средство репрезентации концепта «Душа» в русской лингвокультуре // Лингвокультурология. 2015. № 9. С. 124–142.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Лукьянова И. В. Диалектная фитонимика в когнитивно-ономасиологическом аспекте: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 255 с.
11. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование; 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2011. 370 с.
12. Мисходжева Ф. А. Концептуальная метафора и метонимия в отраслевой лексике: лингвистический и дидактический аспекты (на материале англоязычной медицинской терминологии) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 2. № 11. С. 303–308.
13. Мишанкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
14. Озингин М. В. Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 22 с.
15. Рожков Ю. Г. Структурно-семантические особенности терминов ветеринарной медицины // Образовательный процесс. 2019. № 9 (20). С. 12–18.
16. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности (на материале метафорических фрагментов естественных, технических и гуманитарных терминосистем): коллективная монография / под ред. Н. А. Мишанкиной. М.: Флинта, 2018. 272 с.
17. Сериков А. Е. Метафора и метонимия в практическом действии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2007. № 1. С. 132–142.
18. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.

REFERENCES

1. Babina L. V. [Cognitive aspect of studying the development of polysemy in compound words (based on the English compound zoonyms and phytonyms)]. In: *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2021, no. 8-4 (110), pp. 6–10. DOI: 10.23670/IRJ.2021.110.8.115.
2. Bidgieva A. A. [Floristic metaphor in the poetry of the 2nd part of the XIX century: conceptual domains of use]. In: *Metaphor as means of knowledge. Communication: International Symposium: book of abstracts*. Perm, Perm State National Research University, 2016, pp. 130–132.
3. Velikova L. N. [Lexical markers of digital customs discourse (word-combination level)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 6, pp. 6–15. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-6-15.
4. Golovanova Ye. I. *Vvedeniye v kognitivnoye terminovedeniye* [Introduction to cognitive terminology]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011. 224 p.
5. Dudetskaya S. G. [Functioning of metaphor terms used in dentistry and cranio-maxillofacial surgery in Russian and English]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2004, no. 2/3, pp. 60–67.
6. Kovalevich Ye. P. *Metonimicheskaya model' kontsepta «tsvetok» v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Metonymic model of the concept “flower” in modern English: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Belgorod, 2004. 22 p.

7. Kovalenko A. S. [Figurative component in the terminology of clinical neuroscience]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 6, pp. 16–24. DOI: 10.18384/2310-712x-2022-6-16-24.
8. Kondratyeva O. N. [Phitomorphic metaphor as means of concept "soul" representation in Russian linguoculture]. In: *Lingvokulturologiya* [Linguistic Culturology], 2015, no. 9, pp. 124–142.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 256 p.
10. Lukyanova I. V. *Dialektnaya fitonimika v kognitivno-onomasiologicheskom aspekte: diss. ... kand. filol. nauk* [Dialectal phytonymy in the cognitive-onomasiological aspect: PhD thesis in Philological Sciences]. Tomsk, 2018. 255 p.
11. Malysheva Ye. G. *Russkiy sportivnyy diskurs: lingvokognitivnoye issledovaniye* [Russian sports discourse: linguocognitive research]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 370 p.
12. Miskhodzheva F. A. [Conceptual metaphor and metonymy in lexis for specific purposes: linguistic and didactic aspects (on the basis of medical terminology)]. In: *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanities, social-economic and social sciences], 2015, vol. 2, no. 11, pp. 303–308.
13. Mishankina N. A. *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: paradox or norm?]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2010. 282 p.
14. Ozingin M. V. *Rol' metafory v strukturirovani i funktsionirovani russkoy meditsinskoy terminologii: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The role of metaphor in the structuring and functioning of Russian medical terminology: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Saratov, 2010. 22 p.
15. Rozhkov Yu. G. [Structural and semantic features of the terms of veterinary medicine]. In: *Obrazovatel'nyy protsess* [Educational process], 2019, no. 9 (20), pp. 12–18.
16. Mishankina N. A., ed. *Russkiye terminosistemy v aspekte semanticheskoy izbiratel'nosti (na materiale metaforicheskikh fragmentov yestestvennykh, tekhnicheskikh i humanitarnykh terminosistem)* [Russian terminological systems in terms of semantic selectivity (based on metaphorical fragments of natural, technical and humanitarian terminological systems)]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 272 p.
17. Serikov A. Ye. [Metaphor and metonymy in practical action]. In: *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology], 2007, no. 1, pp. 132–142.
18. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2007. 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абросимова Екатерина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина; e-mail: abrosimova@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Abrosimova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin; e-mail: abrosimova@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Абросимова Е. А. Концептуализация мира растений в ветеринарной клинической терминологии // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 6–16.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-6-16

FOR CITATION

Abrosimova E. A. Conceptualization of the plant world in veterinary clinical terminology. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 6–16.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-6-16

УДК 811'А

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-17-32

ДИСКУРС СМЕШАННЫХ ЕДИНОБОРСТВ В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ

Алексеев А. Б.¹, Сорокина Э. А.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
119606, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84, стр. 1, Российская Федерация

² Государственный университет просвещения
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описание дискурса смешанных единоборств через призму термина «мягкая сила», нахождение способов реализации мягкой силы в дискурсе смешанных единоборств.

Процедура и методы. Ключевым методом исследования служит дискурс-анализ, представленный критическим (КДА) и лингвопрагматическим – контекстуальным и лингвостилистическим – разновидностями дискурсивного методологического подхода. Используются также общенаучные методы. В их числе: наблюдение, сравнение, индукция. В качестве материала исследования избраны спортивные трансляции на видеоплатформе YouTube. В ходе изучения определяются те дискурсивные фрагменты, которые могут быть признаны трансляторами мягкой силы. Обозначаются языковые (лингвостилистические) и дискурсивные, в том числе невербальные, средства, употребляемые для создания «мягких» аттракторов.

Результаты. Доказано, что термин «мягкая сила» применим к анализу спортивной коммуникации и её частных разновидностей (субдискурсов), к которым и может быть отнесена анализируемая коммуникативная среда. Обосновано видение мягкой силы как, с одной стороны, категории, относящейся к взаимоотношениям стран и культур, что соответствует классической найевской интерпретации этого термина, а с другой – представлена более широкая интерпретация мягкой силы, могущей увеличивать привлекательность личности бойца для аудитории. Достигается это различными способами, как правило, связанными с вплетением в спортивную профессиональную коммуникацию элементов других дискурсов. В статье обращено внимание на то, как обсуждается внешность бойца, приведены примеры мотивационного дискурса. Последний может также включать религиозные мотивы.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в описании относительно малоизученного, узкопрофессионального дискурса, а также раскрытии актуальности понятия «мягкая сила» для спортивной лингвистики.

Ключевые слова: мягкая сила, мотивационный дискурс, политика, спортивный дискурс, смешанные единоборства, татуировки

MIXED MARTIAL ARTS DISCOURSE IN CONNECTION WITH THE STUDY OF SOFT POWER

A. Alexeyev¹, E. Sorokina²

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prospect Vernadskogo 84 build. 1, Moscow 119606, Russian Federation*

² *State University of Education
ulitsa Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe mixed martial arts (MMA) discourse through the prism of the term 'soft power'. To find the methods of soft power realization in MMA discourse.

Methodology. The key method used in the research is discourse analysis which is represented by critical (CDA) and linguopragmatic (contextual and linguostylistic) methodological variations of discursive approach. General scientific methods such as observation, comparison and induction are also used. Sport broadcasts on YouTube video platform are selected as the research material. In the process of the study, discursive fragments which can be seen as translators of soft power are determined. Linguistic (linguostylistic) and discursive means, including the non-verbal ones which are employed for the creation of 'soft' attractors, are singled out.

Results. It is proven that the term 'soft power' is applicable to the analysis of sport communication and its variations (subdiscourses), to which the analyzed communicative sphere can be referred. The view on soft power as a versatile category is postulated: on the one hand, in accordance with the Nye's classical interpretation, it has to deal with relationships between countries and cultures but, on the other, the article presents a wider outlook on soft power as a tool that can increase the attractiveness of the MMA fighter's personality for the audience. The latter projection of soft power is achieved through different methods usually connected with the inclusion of the elements of other discourses in the MMA professional communication. The article pays attention to the ways the MMA fighter's appearance is discussed and provides some examples of motivational discourse that can also include religious motives.

Research implications. The research describes a relatively understudied, narrow professional discourse and reveals the importance of the notion of soft power for sports linguistics in general.

Keywords: soft power, motivational discourse, politics, sport discourse, mixed martial arts, tattoos

Введение

Термин «мягкая сила» (англ. soft power) принадлежит Дж. Наю, хотя сама концепция, можно даже сказать философия, мягкой силы возникла во многом и благодаря трудам итальянского революционера-неомарксиста А. Грамши, обогатившего учение К. Маркса, уделив особое внимание «надстройке» – в классическом марксизме структуре, подчинённой экономическому базису, – разработав ключевые положения теории культурной гегемонии. Некоторые основополагающие идеи о преимуществах непринуждённого, обольщающего воздействия орга-

нически включены, пусть и не в строго научном виде, в ряд древнейших религиозно-философских течений, таких как даосизм.

Профессиональный спорт, будучи неотъемлемой частью глобальной и национальной культуры, несомненно, – фактор мягкой силы, оказывающий прямое или, как минимум, косвенное влияние на многие сферы человеческой деятельности, включая детальность политическую. Отметим педагогические, воспитательные функции спорта, ведь он позволяет привить детям любовь к здоровому образу жизни, выработать у них силу характера

и выносливость, и вообще лучшие моральные качества, в том числе патриотизм [10, с. 177].

Профессиональный спорт репрезентирован внушительным количеством видов спорта. Смешанные единоборства (англ. mixed martial arts, сокращённо ММА), иногда не совсем корректно именуемые боями без правил, уже никак не могут быть названы малоизвестным, маргинальным занятием небольшой группы «эксцентричных» людей, коим они могли казаться на этапе своего формирования – в конце прошлого столетия. Напротив, современные смешанные единоборства, несмотря на свою относительную новизну, контрастирующую с богатой историей различных боевых искусств, так или иначе положенных в их основу, до сих пор сохраняющееся неоднозначное отношение к ним со стороны социума, не всегда готового приветствовать жестокость и травмоопасность поединков, особенно в области женского ММА, вошедшего в моду лишь в начале XXI в., а также достаточное количество зрелищных и традиционно популярных разновидностей спорта, включая боевые – бокс, муай-тай, кикбоксинг, – превращаются в один чуть ли не самый узнаваемый и широко любимый, если и не всеми, то очень многими, тип спортивных состязаний.

Вопреки росту общественных симпатий к смешанным единоборствам, филологических изысканий, посвящённых им, по имеющимся у нас сведениям, немного. Новизна настоящего исследования детерминирована не только анализом сравнительно малоизученной дискурсивной среды, но и переносом критического лингвистического подхода, актуального прежде всего в лингвополитологии, на рассмотрение общения в мире спорта, что в связи с темой исследования предполагает подчёркивание мягкой силы спорта и в особенности спортивной коммуникации и процессов, имеющих место в ней, результирующих в формирование сложной сети дискурсов. В статье доказывает-

ся, что современные ММА, обладая мягкой силой, способствуют продвижению определённых социально и культурно значимых смыслов, тем самым становясь, по сути, гибридным дискурсом.

Материалом исследования служат англоязычные поединки ММА, за исключением иностранных вкраплений в речи бойцов, как правило, переводимых. Примеры приводятся из 6 интернет-передач разной длины, в общей сложности занимающих более 10 часов просмотра. Тематически все они посвящены соревнованиям в области смешанных единоборств.

Методами исследования являются техники дискурс-анализа – то, что А. Леонард в своей книге “Political poetry as discourse ...” называет мета-междисциплинарным и мета-методологическим (англ. meta-(inter)disciplinary and meta-methodological) подходом, внутри которого необходимо различать конкретные пути достижения исследовательской цели [22, p. 11] – в нашем случае описания дискурса смешанных единоборств через призму понятия «мягкая сила».

Одним из востребованных методов можно считать критический дискурс-анализ (КДА), тоже весьма неоднородное научное направление, в своей классической версии разработанное Т. Ван Дейком, предполагающее уделение внимания прежде всего тем аспектам коммуникации, которые связаны с трансляцией и злоупотреблением властью и, как следствие, установлением дискурсивных практик, способствующих процветанию расизма, сексизма, эйджизма и прочих негативных идеологических течений. Нормативная и эксплицитная критика, употребляемая в КДА, позволяет «вскрыть», разоблачить – согласно принципу «осознание – первый шаг к освобождению» [20, p. 1], – многочисленные манипуляции, используемые в ходе социального общения, и в конечном итоге оказать поддержку агентам перемен, борющимся против вредных «измов» нашего времени [4, с. 24]. В этой связи в ста-

ть подчёркнута не просто мягкая сила дискурса смешанных единоборств, но и, к примеру, его соотнесённость с антирасистскими, а также – в широком смысле – мотивационными идеями.

Помимо обращения к методологическому инструментарию политической и критической лингвистики, в статье применяются и лингвопрагматические / лингвостилистические концепции, без которых немислим контекстуальный анализ, по словам Г. А. Копниной, «позволяющий сделать выводы об изменении коннотации слова в том или ином контексте и определить прагматическую функцию выявленных речевых фактов» [9, с. 248]. В ходе исследования актуализируются и общенаучные методы, такие, как наблюдение, сравнение, индукция.

Теоретические предпосылки исследования

Исходной теоретической установкой для нас является постулат, согласно которому спортивные и коммуникативно-дискурсивные, в том числе экстралингвистические, аспекты смешанных единоборств взаимосвязаны и вписаны в культурно-идеологические структуры, ведь идеология – это, по словам зарубежного исследователя, «не искажение коммуникации, а риторика базовой коммуникации» [19, p. 5].

О том, что спорт – инструмент мягкой силы, известно, пожалуй, с самого возникновения концепции мягкой силы. Наряду с институтами СМИ, образованием, наукой, искусством, музыкой, киноиндустрией, модой, спорт относится исследователями к основным механизмам создания культурной аттрактивности, принимающей различные формы, в том числе спортивной дипломатии. О значимости спорта и образующегося на его основе дискурса говорят не только применительно к общенациональному, но и региональному уровням [11].

В рамках филологического исследования важно подчеркнуть, что спорт, в осо-

бенности профессиональный, во многом конструируется посредством коммуникативной, прежде всего спортивно-журналистской деятельности [11, с. 84], поскольку «немой» спорт не выполнит и доли социальных функций, возложенных на него. Именно в данной связи видится актуальным обращение к спортивному и спортивно-медийному дискурсам и их многочисленным субдискурсам, в числе которых – (суб)дискурс смешанных единоборств, по имеющимся у нас данным, остающийся в лингвистической литературе неосвещённым и лишь начинающий привлекать внимание исследователей.

Во избежание неопределённости отметим, что употребление терминологической единицы «субдискурс», на наш взгляд, является факультативным – она лишь подчёркивает существующую иерархию спортивных дискурсивных пространств, которую в нашем случае можно представить следующей триадой: «спортивный дискурс – бойцовский (суб) дискурс – (суб)дискурс смешанных единоборств». Синонимичный термин «дискурс» предпочитается нами ввиду его конвенциональности.

Дискурс – при всей многозначности и неоднозначности этого понятия – связывался М. Фуко с властью (фр. *pouvoir*), интерпретируемой учёным широко, несомненно репрезентированной мягкой силой, хотя сам термин *'soft power'* возник несколько позже. В фукианской концепции дискурс – важнейший инструмент власти, её результат, но наряду с этим и препятствие любым гегемонистическим устремлениям [21, p. 101].

В современном понимании мягкая сила – это ценный ресурс, позволяющий добиться поставленных целей не с помощью навязывания своего образа жизни и мыслей другим людям или репрессивных мер, но привлечения, в международной политике берущий начало в притягательности национальной культуры, предпочтительности идеологических и политических практик [23].

При этом, как видится, важно принимать во внимание, что сам термин «мягкая сила», особенно в условиях широкомасштабной гибридной войны между Западом и Россией, не однозначен и всё чаще наделяется негативным коннотативным содержанием. Так, после поворотного в современной международной политике 2014 г. в отечественной науке обозначилась алармистская тенденция рассматривать 'soft power' в качестве эвфемизма, маскирующего манипулятивные технологии, применяемые США. Корни проблемы, по свидетельству Н. В. Юдина, уходят ещё к трудам Дж. Ная, который, введя в политологию свой термин, часто использовал его и в публицистике, трансформируя научную категорию, им же предложенную, в своеобразный политический лозунг [18, с. 56].

Проблема мягкой силы активно исследуется в лингвистике и соотносится, например, с изучением явления языковой манипуляции, которое, хоть и успело уже «набить оскомину» [16, с. 42], отнюдь не может быть признанным завершённым ввиду, во-первых, широкой представленности манипулятивных техник и приёмов в самых различных дискурсивных средах и прежде всего политике, а во-вторых, постоянного их приращения, что соотносится с концепцией ускорения развития в XXI в., когда наука едва успевает осмыслить масштаб происходящих социальных изменений, в том числе в области коммуникации, то подверженной медиализации и ещё большей виртуализации в связи с пандемией [3, с. 85], то возвращающейся в русло острой конфронтации между ведущими мировыми державами, что вызывает к жизни не просто политическую лингвистику, но её новый подраздел – лингвистику информационно-психологической войны [9, с. 248], то подвергающуюся воздействию иных, трудно поддающихся систематизации коммуникативных процессов. Сейчас учёные фиксируют такие тренды, как агрессивизация, людизация (лат. ludo –

играю), медиализация, информационно-дискурсивная конвергенция (гибридизация) [17], ювенилизация и американизация общения [5, с. 98].

В каждом типе дискурса упомянутые коммуникативные тенденции преломляются по-своему. Например, изучая политический дискурс, имеет смысл выделить алармизацию, реализуемую среди прочих тактик через «нагнетание информации» [12, с. 10], и зачастую манипулятивную маргинализацию – по моделям самоидентификации «я не не-политик», «я женщина» и т. п., в принципе соотносящимся с тактикой саморекламы [12, с. 10]. Исследовательский интерес вызывает и формирование (полу)развлекательного политического контента – политейнмента или инфотейнмента [6]. Наблюдается также рост употребления политических неологизмов [14, с. 194], критическое отношение к политкорректности [8, с. 146], а зачастую и элементарной вежливости. Как следствие, активно применяется стратегия дисфемизации [15, с. 105]. Всё это сопровождается дигитализацией (от англ. digital – цифровой) и становлением глобального интернет-дискурса, исследуемого в рамках интернет-лингвистики [2, с. 8].

Дигитализация и людизация общения ведут, в свою очередь, к распространению тейнмент-коммуникации, представленной как минимум шестью дискурсами (бизнестейнмент, инфотейнмент, политейнмент, сайенсейнмент, спортейнмент, эдьютейнмент), во многом остающейся неизученным явлением. Так, понятие «спортейнмент» [13, с. 280], которое представляется весьма актуальным в связи с аттракционной, мягкой силой любого интерактивного дискурса и его органической включённостью в иные дискурсы (музыкальные, молодёжные, субкультурные), не исключая спортивный, в филологической литературе пока встречается нечасто.

В целом можно констатировать, что тема «спортивный дискурс и мягкая сила» в основном затрагивается в рамках по-

литологии и лингвополитологии, но сам факт того, что в последнее время появляется большое количество лингвистических исследований спорта, хотя ещё и редко, если вообще когда-либо, выделяющих дискурс смешанных единоборств, многозначителен. В соответствии с принципом экспансионизма успехи в области спортивной лингвистики могут послужить условием расширения её первоначальных границ и поиска точек соприкосновения этой языковедческой дисциплины с критической и лингвополитологической оптиками исследования. Широкое понимание политики и обращение к термину «мягкая сила» для этого представляются абсолютно необходимыми.

При интерпретации дискурса смешанных единоборств мы во многом следуем модели дискурса, изложенной в работе Н. А. Ахреновой и А. А. Орловой «Дискурсивные характеристики fashion-блогинга» [1]. В ней авторы выделяют такие компоненты (институционального) дискурса, как участники, хронотоп, цель, ценности, разновидности и жанры, стратегии, материал [1, с. 9]. Учитывая лимитации предпринимаемого исследования, а также его специфику, здесь невозможно осветить все перечисленные элементы – основной акцент в статье делается на раскрытии целей и в особенности ценностей дискурсивного сообщества бойцов смешанных единоборств, поскольку именно в них манифестируется мягкая сила.

Трансляция мягкой силы в дискурсе смешанных единоборств

Учитывая культурную и социальную нагруженность терминологической единицы «мягкая сила», можно сказать, что она представляет собой нечто большее, чем просто (лингво)политологический термин или, как мы имели возможность убедиться, – в иной исследовательской традиции – политический лозунг, способствующий продвижению интересов Запада. Найевское понятие ‘soft power’ – это ещё многогранный концепт, изучение

которого актуально для многих дискурсов, включая спортивный.

Часто о мягкой силе говорят применительно к международной политике. В подобного рода контекстах ведут речь о мягкой силе той или иной страны, об отсутствии или недостатке ресурса мягкой силы у конкретного государства, его увеличении или уменьшении. Почти всегда мягкая сила понимается в этом случае культурной или идеологической составляющей, принадлежащей влиятельным игрокам на мировой политической арене, претендующим если и не на гегемонию собственных социальных практик, то, как минимум, на их признание и уважение со стороны прочих, возможно, менее доминантных агентов международных отношений.

В дискурсе смешанных единоборств тоже отражено такое или близкое ему видение мягкой силы, соотносимое в анализируемой коммуникативной среде, к примеру, со смысловым выделением культурной значимости мест проведения спортивных состязаний:

Commentator 1: ... For the top fighters in the world there is no doubt about it. This is the Mecca of martial arts.

Commentator 2: The West might have Madison Square Garden. But here in the East we have Lumpinee Boxing Stadium. Some of the most iconic Muay Thai matches in history have gone down in this very building. And every time I set foot inside this historic arena, chills sends shivers (sic.) right down my spine.

Commentator 1: How about for you, Rich, what does this venue mean?

Commentator 3: You talk about this venue being iconic but actually to the people here in Thailand it's sacred. There's a rich history here and I'll tell you, anyone that's familiar with martial arts or Muay Thai for that matter, whether you're local or foreigner, you want to have the bragging rights of actually having grazed the ring inside the stadium¹.

¹ ONEFightNight7:Linekervs.AndradeII//ONEChampionship: YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=uBfIL1Wr5RQ&ab_channel=

Ведя речь о стадионе Лумпхини в Бангкоке, сравнивая его с Мэдисонсквер-гарден в Нью-Йорке, комментаторы ММА-соревнований характеризуют это место с помощью таких положительных эпитетов, как 'iconic', 'historic', 'sacred', усиливаемых синонимичными выражениями, в том числе метафорическими. Так, метафора 'the Mecca of martial arts' подчёркивает именно сакральный, священный (sacred) характер стадиона для тайцев, равно как и для всех любителей муай-тай и смешанных единоборств. Транслируются в дискурсе и эмоции говорящих, которые они испытывают (chills sends shivers ...), находясь в историческом здании. Даже прикоснуться (graze) к рингу в Лумпхини – большая честь для спортсмена или туриста. По словам журналистов, употребляющих переносный эпитет, Лумпхини гордо (proudly) возвышается, как Мекка смешанных единоборств, – данная метафора неоднократно повторяется в анализируемом материале:

*There are very few places in the world where everyone who enters stares in awe... More than 7 decades later Lumpinee Boxing Stadium stands proudly as the Mecca of martial arts*¹.

*Ср.: Here inside the Mecca of martial arts ...*²

Отмечается и то, что люди восторженно, почти зачарованно (in awe) смотрят на стадион, не отрывая глаз.

Места проведения ММА-поединков в принципе наделяются позитивными характеристиками – даже когда речь не идёт о таких крупных объектах, как Лумпхини:

*We're in super Singapore. You know, in the distance that you can just about see where we are now. This is the Singapore indoor stadium in all its glory*³.

*Ср.: Athletes looking to state their claim on a world's stage but the respect they have for each other is undying*⁴.

Фраза 'a world's stage' здесь использована метафорически.

Выделение культурной важности Лумпхини сопровождается нарративом о тех воспоминаниях и, как следствие, эмоциональных переживаниях, которые возникают у конкретных людей, особенно если они выросли в Таиланде:

*Chatri Sityodtong: Something that my father gave me as a child is incredible memory of Lumpinee*⁵.

*Ср.: Chatri Sityodtong: Man, I'll tell you I had goosebumps all day like literally cuz this is just, you know, this is the greatest fighting arena. You know, the West has Madison Square Garden, we have Lumpinee stadium. I grew up here as a kid. My father brought me here. You know, I saw the greatest fights in the world. So for me, this is an incredible, incredible historic moment to be able to come back to my hometown and be out in this iconic stadium*⁶.

Лингвопрагматическое воздействие оказывается здесь главным образом посредством использования эпитетов, выражаемых в том числе с помощью прилагательных в превосходной степени (greatest), усиливаемых и повторами (incredible, incredible). Эмоции передаёт фраза 'I had goosebumps' (ср. с рус. «мурашки по коже бегут»). Эксплицитно указывается, что для говорящего Бангкок – родной город, связанный с памятью об отце.

В плане изучения концепта мягкой силы имеет смысл обратить внимание на уже встречавшееся нам противопоставление Запада, представленного такой достопримечательностью, как Мэдисонсквер-гарден, Востоку, которому тоже

ONE Championship (дата обращения: 19.03.2023). Далее – ONE Fight Night 7: Lineker vs. Andrade II.

¹ ONE Fight Night 7: Lineker vs. Andrade II.

² ONE Fight Night 7: Lineker vs. Andrade II.

³ ONE: BAD BLOOD | Full Event // ONE Championship : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=61hj9Ybkuds&ab_channel=ONE

watch?v=61hj9Ybkuds&ab_channel=ONE Championship (дата обращения: 19.03.2023). Далее – ONE: BAD BLOOD.

⁴ ONE: BAD BLOOD.

⁵ ONE Fight Night 7: Lineker vs. Andrade II.

⁶ ONE Fight Night 7: Lineker vs. Andrade II.

есть чем гордиться – Лумпхини. Всё это в совокупности создаёт имидж Бангкока как одной из главных столиц боевых искусств, сопоставимой по масштабу с Нью-Йорком, – неслучайно тайский бокс (муай-тай) занимает почётное место в ряду боевых разновидностей спорта. В этом, собственно, и проявляется себя мягкая, креативная сила рассматриваемого дискурса, способного увеличить притягательность Таиланда для туриста. Более того, ассоциировать себя с Бангкоком и Лумпхини для любого человека, интересующегося, а тем более занимающегося боевым спортом, становится знаком престижа. В свою очередь тайские спортсмены отмечают, что они становятся непобедимыми в здании Лумпхини, – родной город, родной стадион придают им силы:

Tawanchai: Fighting in my home country in Lumpinee Stadium, I know I can't be beaten here¹.

Уверенность спортсмена передаётся фразой 'I know'.

Участники соревнований нередко посвящают победы своей стране, как в следующем примере:

Tang Kai: I dedicate this victory to my country².

Иногда выступления бойцов смешанных единоборств метонимически переносятся на противостояния между государствами. В дискурсе боец ММА и его страна вообще неотделимы друг от друга: победа спортсмена – победа конкретной страны, их совместная победа. Как следствие, участник ММА-соревнований и его страна вместе идут в бой:

*I have to add that **el Burro** has not only his fans and following but **he has a great nation of Columbia that he is carrying on his back**³.*

Ср.: *And now, ladies and gentlemen, after 3 rounds we go to the scorecards. All three judges have scored 29-28. You winner by unanimous decision, **there is the Bogota, Colombia, Sayury Canon**⁴.*

Обращаясь к кличке бойца Эдуардо Мора 'El Burro' (исп. ослик), используя зооморфную метафору, которая в анализируемой коммуникативной среде лишена каких-либо отрицательных коннотаций, комментатор соревнований отмечает, что на своей спине колумбийский спортсмен «везёт» всю нацию. При этом последняя наделяется эпитетом 'great' – великая. Этот, по сути, жанр похвалы, адресованный колумбийцам, продолжается и далее:

*And we've been to Columbia a couple of times. We've briefed Combat Federation lines around the blocks into the stadium. **It is an incredible atmosphere in Columbia. They really deserve it, Phil** ...⁵*

Таким образом, мягкая сила дискурса смешанных единоборств в этих речевых фрагментах реализуется через создание журналистами позитивного имиджа не просто одному отдельно взятому спортсмену из Колумбии, но и фактически всем представителям латиноамериканской нации.

В спортивный комментарий могут быть инкорпорированы и иностранные слова, и даже целые предложения, в нашем случае передающие уважение и восхищение жителями Колумбии:

*But what he has is a unique opportunity to go into the Lion's den, to put the pressure on the home town favorite. Then, to steal that momentum, to write his name in the history books, as an outsider, the invader, if you will, who came in, **he has the entire nation of Columbia behind him**. And as you know, 'La*

¹ Ibid. Оригинальная фраза произносится на тайском языке. Перевод представляется по ходу трансляции.

² Ibid. Эта реплика, принадлежащая спортсмену из Китая, в оригинале произносится на китайском языке.

³ BRAVE CF 65 Re-live. Free MMA Fight Event // BRAVE Combat Federation : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0tpAnhtWZ9Q>

(дата обращения 08.11.2022). Далее – BRAVE CF 65 Re-live.

⁴ Sayury Canon vs. Amanda Macioce | Invicta FC 52 - Full Fight // Invicta Fighting Championships : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WDIajKISNsk> (дата обращения 08.11.2022).

⁵ BRAVE CF 65 Re-live.

corazón de la gente en Colombia es muy, muy grande'. They have a huge heart¹.

Выходец из Латинской Америки избражён аутсайдером, бесстрашным человеком, идущим в логово льва, готовым вопреки всему победить фаворита поединка – и за ним следует вся Колумбия. Эта гипербола, далее усиливаемая позитивной ремаркой в адрес соответствующей нации, приводимой вначале на её родном языке – испанском – и лишь затем переводимой на язык трансляции соревнований – английский. Комплимент колумбийцам построен на основе эпитета (*muy, muy grande*), а также метонимии: *La corazón* – здесь означает не сердце, а доброту людей, их особую сердечность.

В контекстах подобного рода раскрываются антирасистские мотивы спортивной коммуникации. В следующем примере, приводимом нами, Хамза Кухежи – боец из небольшой арабской страны Бахрейн – представлен человеком, бросившим вызов социальной несправедливости, ещё в юном возрасте решившим для себя, что он докажет людям: какие бы ни существовали предрассудки насчёт ближневосточных государств и культур, арабы умеют драться и побеждать.

When he was growing up, he was told over and over again: 'You're Bahraini. You cannot be a professional athlete'. And he thought to himself: 'Why can't I? Someday I'm gonna change it'. And now he has changed it. He's fought for the world title. It was a controversial split decision. It didn't go his way. But now he's gonna bounce back, harder than ever ...²

Для оказания наиболее эффективного прагматического воздействия на аудиторию журналист использует диалогическую форму подачи информации, предпочтительность которой кроется в её интерактивности – создании эффекта реального общения, даже если оно на самом деле протекает в виде моноло-

га. Мягкая сила даёт о себе знать в ходе конструирования маргинального национального дискурса: Хамза Кухежи представлен в нём спортсменом, который изначально не мог надеяться на какое-либо признание в своей профессиональной карьере – поскольку он родом из маленькой, малоизвестной страны Бахрейн и к тому же араб, он подвергался дискриминации. Тем не менее боец смешанных единоборств верил в себя – и благодаря упорному труду и сопутствующему ему успеху – навсегда изменил уничижительный для его сограждан расистский нарратив. Во многом оставаясь недооценённым бойцом, проиграв титул чемпиона мира в результате спорного раздельного решения судей, спортсменов, по мнению комментатора соревнований, вернётся к победам и ещё покажет, на что способен он и его страна, превратившаяся в процветающее государство, Мекку смешанных единоборств – не в последнюю очередь благодаря деятельности таких энтузиастов, как Хамза Кухежи.

Термин «мягкая сила» используется не только, когда речь идёт об отношениях между культурами и странами, но и применительно к интеракции между индивидами и социальными группами, тоже могущими обладать *soft power*. Поскольку подобная интерпретация мягкой силы, изначально предложенной в качестве политологического термина и политического лозунга, не является конвенциональной, остановимся на ней чуть подробнее.

Уникальность смешанных единоборств заключается в том, что они предоставляют спортсменам платформу не просто для спортивной, но и иных видов деятельности – рекламно-пропагандистской, мотивационной, актёрско-развлекательной, даже политической (в её широком толковании), – что высвечивает иное понимание ресурса мягкой силы – создание элементов аттракции не на уровне взаимоотношений государств, но личностей, когда участники соревнований используют доступ к дискурсу как ин-

¹ BRAVE CF 65 Re-live.

² Ibid.

струмент власти для продвижения своего имиджа или выгодной им повестки дня, как правило, не изолированной от социально-культурных тенденций XXI в., на самом деле в определённом смысле выкристаллизовывающей эти тенденции. Одним из примеров в данной связи может быть миссия, избранная себе американским бойцом ММА Оди Делани. Для него смешанные единоборства – это способ помочь молодым людям, которые подвергаются дискриминации:

Odie Delaney: ... I'm here to represent my God, Jesus Christ. I'm here to represent family, my martial art ... I mean, I'm not really in this for the glory or the money. I wanna help people. I've been in some really dark places in my life. I've been on the edge of suicide and I wanna bring and shed light on that stuff to maybe save some lives. So I'm here to, I'm here to wrap that¹.

Ср.: *We're looking at Odie Delaney, a man who has had quite a ride in his life, who was bullied as a kid. He likes to advocate for kids who are bullied, who may be considering such awful things as suicide. He is a mental health advocate. He feels that there is not enough people in mixed martial arts who was supporting this line of thinking and are adequate role models and that, Mitch, above all else, I believe when I listen to his story is his main aim here. He wants to be a role model for people who have a similar experience to him when he was struggling. What a guy!²*

Как видно из приведённых речевых фрагментов, ММА-коммуникация не лишена выразительности, которая достигается говорящими прагматическим использованием тропов и риторических фигур. Отметим в этой связи анафору (*I'm here to represent ... I'm here to represent...*; *I've been ... I've been ...*), параллельные конструкции, лексические повторы (*life, lives; advocate for kids, mental health advocate*), восклицания (*What a guy!*).

Однако насколько можно говорить о реализации в данных контекстах мягкой силы? Как нам представляется, имидж, который прагматически создаёт для себя участник ММА-соревнований, основывается в том числе на «мягких» аттракторах: в дискурсе конструируется видение бойца ММА в качестве образца для подражания (*role model*), даже не потому что он самый сильный и непобедимый – хотя это, несомненно, тоже присутствует в личности Оди Делани, – но скорее потому, что он близок многим болельщикам, которые могут самоидентифицироваться с ним³. Перед зрителем предстаёт реальный человек – человек, прошедший через большие жизненные трудности, побывавший на грани самоубийства (*on the edge of suicide*) и тем не менее, несмотря на всё, сумевший добиться внушительных успехов в спорте, открывший для себя Бога и теперь стремящийся оказать поддержку другим, таким же, как он, людям, подвергающимся травле (*bullying*), возможно, думающим свести счёты с жизнью. Стратегия самопрезентации, избираемая Оди Делани, усиливается ремарками комментаторов ММА-соревнований, которые по сути развивают мотивационный дискурс, складывающийся вокруг личности спортсмена.

Подчеркнём, что религиозный аспект составляет немаловажную часть нарратива, излагаемого спортсменом, транслируемого не только вербально, но и без слов, например, с помощью того, что можно охарактеризовать термином «телесность» [7]. В анализируемой про-

³ Ср.: *Michael Chandler: I don't think the general fan really needs to see us talk about how tough we are because we know that we are tough – we fight in a cage for a living. So to be able to break it down and humanize myself and humanize, I think the best thing fighters can do is to humanize themselves, to say 'Hey, just like you, you know, the average fan base – 18 to 35, male, whatever, like I'm just like you. You know, let's do this thing together'* (источник: UFC 262: Michael Chandler Octagon Interview // UFC : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=O5XIWdzNQ3U&ab_channel=UFC-UltimateFightingChampionship (дата обращения: 19.03.2023)).

¹ ONE: BAD BLOOD.

² Ibid.

фессиональной среде язык тела (body language) передаётся в том числе посредством татуировок (см. рис. 1).

Рис. 1 / Fig. 1. Оди Делани / Odie Delanie

Источник: Martin D. To hell and back: ONE heavyweight's harrowing journey from near suicide to becoming a champion for mental health [Электронный ресурс] // MMA Fighting : [сайт]. URL: <https://clck.ru/35BMif> (дата обращения: 18.03.2023).

На фото О. Делани на рис. 1 чётко различим крест – символ христианской веры, что вполне соотносится с миссией, избираемой для себя бойцом – представлять своего Бога, Иисуса Христа (I'm here to represent my God, Jesus Christ ...)¹. Одновременно татуировка изображает некоего окрылённого зверя. Есть в ней и отдалённое сходство с гербом США, изображающим орлана, – страны, которую представляет спортсмен.

Норвежский боец Томас Нармо – противник Оди Делани – тоже сторонник мотивационного дискурса. О том, что это так, свидетельствуют хотя бы некоторые из татуировок на теле спортсмена: на предплечьях норвежца написаны ла-

тинские фразы 'Non Desistas' (никогда не отказываться) и 'Non Exieris' (никогда не сдаваться), на груди – 'Amor Vincit Omnia' (любовь всё побеждает), а на правой руке поверх рисунка высечено изречение на английском языке 'The Strong Survive', что даёт представление о принципах, которым Томас Нармо следует в своей профессиональной карьере и жизни (см. рис. 2).

Рис. 2 / Fig. 2. Томас Нармо / Thomas Narmo

Источник: Thomas "The Last Viking" Narmo [Электронный ресурс] // ONE Championship : [сайт]. URL: <https://www.onefc.com/athletes/thomas-narmo/> (дата обращения: 19.03.2023).

В целом в рассматриваемом дискурсе, по понятным причинам, уделяется повышенное внимание внешним данным спортсменов (рост, вес и т. п.), но коммуникация смешанных единоборств нередко выходит далеко за рамки профессионального интереса к телу бойцов. Для демонстрации этого приведём следующий диалог, в котором обсуждается внешность Томаса Нармо:

Commentator 1: The tallest man on the One Championship rostrum throughout – Thomas Narmo against Odie Delaney. Biggest man in One Thomas Narmo returns to action ... it will be no easy task to take down the hulking 6 foot 7 Norwegian. Former pro-

¹ Ср.: Beneil Dariush: *First things first, I wanna thank my Lord and Savior Jesus Christ. That's number one* (источник: UFC 262: Beneil Dariush Octagon Interview // UFC : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yDDCji7sarc&ab_channel=UFC-UltimateFightingChampionship (дата обращения: 19.03.2023)).

professional hockey player's fired up after his last fight was cut short. And tonight, the Last Viking plans to keep the fight standing... So the big boys back, a precursor if you like to our main event of the evening. ...

Commentator 2: Thomas Narmo needs to move, he cannot stay still for one minute. He plants his feet, Odie Delaney is gonna try to shoot in there and get that takedown. ... 1 meter 93, so he isn't tiny, is he? But he's not quite tall as this guy. Thomas Norma, 2 meters dead even. ...

Commentator 1: ... Look at him! He is, should be in every single Viking movie there is right now!

Commentator 2: Yeah, exactly. We've got our own Netflix content. It would be Apprentice One Championship edition. But yes, you're right. He's appeared on the Norwegian Netflix series ... He appeared as a bodybuilder there which seems suitable to me.

Commentator 1: A 100% meet, he fits the mold to the T. And we know that the last Viking is gonna go out on his shield whenever he competes and really he wants to put on good performance here ... I mean everything that the word Viking conjures up, he fits the build precisely, doesn't he? Every inch the Viking and he is about to throw down in a few seconds from now.

Commentator 2: ... This could be over quickly. Two enormous athletes and they aren't looking to hang about.

Commentator 1: Narmo, the 2-meter-tall Viking in the black trunks ...¹

Для описания внешнего вида спортсмена используются прилагательные в превосходной степени (*tallest, biggest*), которые затем повторяются и в своей исходной форме (*tall, big*), а также эпитеты с семантикой «огромный» (*hulking*). Для характеристики Оди Делани, который при своём росте 1 м 93 см несколько меньше 2-метрового скандинавского спортсмена, иронически применяется эпитет '*tiny*' – «крошечный», – хотя комментатор соревнований и вынужден признать, что

американец тоже не «маленький». В ходе разговора рост норвежца несколько раз конкретизируется (6 foot 7 Norwegian, 2 meters dead even, the 2-meter-tall Viking).

Речь в диалоге идёт не только о ММА. Журналисты активно употребляют кличку бойца 'The last Viking', признавая внешнее сходство между ним и раннесредневековыми викингами, что только подчёркивает национальную принадлежность спортсмена². Много говорится и о его актёрской карьере: норвежец уже снимался в фильмах и играл в них роль бодибилдера, что, по мнению комментаторов поединка, имело несомненный успех. Отмечается, что Томас Нармо, обладая уникальными внешними данными, должен продолжать работу в киноиндустрии и в особенности принимать участие в съёмках фильмов о викингах. Параллельно рассказывается и о том, что организация смешанных единоборств One Championship' выпускает серии "Apprentice" – название является аллюзией на популярное одноимённое американское реалити-шоу, ведущим которого на протяжении многих лет был никто иной, как Д. Трамп.

Заключение

Дискурс смешанных единоборств, являясь разновидностью или, если угодно, субдискурсом спортивной коммуникации, несомненно, транслирует мягкую силу, хотя бы в плане того, что понятия «спорт» и «мягкая сила» могут изучаться вместе. Однако в рамках лингвистики особое внимание следует уделять даже не тому факту, что любой вид спорта, практикуемый более или менее широко, соотносим с найевским термином '*soft power*' – это скорее предмет социологического или политологического изыскания, – но мягкой силе самой дискурсивной деятельности и её манифестациям в конкретных типах институциональных

¹ ONE: BAD BLOOD.

² История викингов неразрывно связана с Норвегией – родиной спортсмена. По одной из версий сама лексема «викинг» произошла от древноревежского слова '*vikingr*' (досл. «человек из бухты»).

дискурсов. В статье проделана работа в отношении относительно малоизученной и достаточно узкопрофессиональной среды общения – дискурса смешанных единоборств.

В ходе исследования установлено, что мягкая сила транслируется посредством референции к таким понятиям, как «культурная ценность», «страна» и «нация». Спортсмен часто не просто репрезентирует государство на международной арене, но в дискурсе создаётся образ человека, идущего в бой вместе со своей страной, вместе со своей нацией. Как следствие, его победа – это в определённом смысле не столько личная, сколько коллективная победа, о чём некоторые участники ММА-соревнований говорят прямо. В этой связи анализируемая коммуникативная среда способна противостоять расистским нарративам, поскольку даже крохотные и беднейшие страны получают шанс заявить о себе благодаря спортивным успехам их представителей.

Важным аспектом повышения аттрактивности боевых искусств, наряду с увеличением притягательности мест проведения ММА-событий, может быть под-

чёркивание богатой истории, присущей определённым стадионам и спортивным центрам. В таких контекстах нередко выделяется культурная значимость, а порой и сакральность последних для жителей того или иного города, той или иной страны.

Концепт «мягкая сила», по нашему мнению, не редуцируем к глобальным вопросам взаимоотношений государств и культур. Он также применим к описанию личности бойцов, которые формируют себе позитивный имидж отнюдь не только громкими победами. Прагматически используя доступный им дискурс, спортсмены способны вплетать в него элементы мотивационного, религиозного, развлекательного, идеологического и др. дискурсов, проецируя тем самым мягкую силу, не ограничивающуюся профессиональной сферой спорта. На уровне коммуникации это ведёт к гибриднему характеру общения, освещение которого может служить вектором дальнейших лингвистических исследований в области дискурса смешанных единоборств.

Дата поступления в редакцию 11.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахренова Н. А., Орлова А. А. Дискурсивные характеристики fashion-блогинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 6. С. 6–19. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-19.
2. Блох М. Я., Молчанова Е. С. Метафоры и сравнения в жанрах интернет-дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14.
3. Булгакова А. А. Создавая новый мир: принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19 // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3 (42). С. 82–90.
4. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
5. Галичкина Е. Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (135). С. 97–100.
6. Грошева А. В. Политейнмент-дискурс: к определению понятия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4 (46). С. 31–37. DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10404.
7. Каримова Д. Х. Единицы вербализации телесности в драматургическом дискурсе (на примере американской драмы первой половины XX века) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 263–268.
8. Кондакова Е. А., Принципалова О. В. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19. № 2. С. 143–

156. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-143-156.
9. Копнина Г. А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 11. С. 248–253. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.52.
10. Мальцева И. А. Манипулятивные способы воздействия на аудиторию в контексте спортивного медиадискурса (на примере федерального телеканала «Матч-ТВ») // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 177–187.
11. Мальцева И. А., Лебединская В. Г. Развитие киберспортивной журналистики в контексте становления спортивного дискурса: опыт анализа медиатекста регионального сетевого издания «Юга.ру» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 1 (114). С. 84–90. DOI: 10.26293/chgpn.2022.114.1.012.
12. Мощева С. В. Речевое поведение в манипулятивно маркированном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 4. С. 6–12. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-6-12.
13. Пономарев Н. Ф. Реакретизация и маркетинг впечатлений // E-SCIO (электронный журнал). 2019. № 10 (37). С. 279–286. URL: http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2019/05/E-SCIO-10_2019.pdf (дата обращения: 11.03.2023).
14. Самойлова А. В. Лингвопрагматика англоязычных политических неологизмов // Язык и социум: динамика взаимоотношений: монография / под ред. В. В. Катерминой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 194–212.
15. Филиппова И. Н., Вековищева С. Н. Псевдодисфемия судебного дискурса средневекового Китая в зеркале литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-1. С. 104–112. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-104-112.
16. Фефелов А. Ф. Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12. № 2. С. 40–49.
17. Шибут И. П. Формирование профессиональных компетенций современного журналиста в условиях информационной и коммуникационной конвергенции // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: Журналистика. 2022. № 2. С. 4–9.
18. Юдин Н. В. Секьюритизация дискурса «мягкой силы» в российских международно-политических исследованиях // Коммуникация. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 2. С. 56–72.
19. Brown W. P. Structure, role, and ideology in the Hebrew and Greek texts of genesis 1:1-2:3. Atlanta: Scholars Press, 1993. 268 p.
20. Fairclough N. Language and power. London: Longman Group, 1989. 259 p.
21. Foucault M. The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth: Penguin, 1978. 168 p.
22. Leonard A. Political poetry as discourse. Rereading John Greenleaf, Whittier, Ebenezer Elliott, and hip-hop-ology. Oxford: Rowman & Littlefield publishers, Inc., 2010. 357 p.
23. Nye J. Soft Power. The means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.

REFERENCES

1. Akhrenova N. A., Orlova A. A. [Discourse characteristics of fashion blogging]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 6, pp. 6–19. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-19.
2. Blokh M. Y., Molchanova E. S. [Metaphors and similes in the genres of internet-discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 3, pp. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14.
3. Bulgakova A. A. [Creating a new world: transmedia storitelling principles in the COVID-19 pandemic news discourse]. In: *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual issues of modern philology and journalism], 2021, no. 3 (42), pp. 82–90.
4. van Dijk T. A. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM» Publ., 2013. 344 p.

5. Galichkina Ye. N. [Typology of speech genres of network computer communication]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 2 (135), pp. 97–100.
6. Grosheva A. V. [Politainment discourse: to the definition of the concept]. In: *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya* [Sign: problematic field of media education], 2022, no. 4 (46), pp. 31–37. DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10404.
7. Karimova D. Kh. [Units of verbalizing corporality in discourse of drama (on the basis of American drama of the first half of the 20th century)]. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2015, no. 2-2, pp. 263–268.
8. Kondakova E. A., Printsipalova O. V. [Discourse on the linguistic implementation of the principles of political correctness in German political linguistics]. In: *Vestnik Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 143–156. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-143-156.
9. Kopnina G. A. [Verbal resistance to political labelling as a defensive means in information-psychological war]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, vol. 13, no. 11, pp. 248–253. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.52.
10. Maltseva I. A. [Manipulative ways of influencing the audience in the context of sports media discourse (on the example of the federal TV channel "Match-TV")]. In: *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 177–187.
11. Maltseva I. A., Lebedinskaya V. G. [Development of esports journalism in the context of formation of sports discourse: experience of analyzing the media text of the regional online publication "yuga.ru"]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2022, no. 1 (114), pp. 84–90. DOI: 10.26293/chgpu.2022.114.1.012.
12. Moshcheva S. V. [Speech behavior in manipulative discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 4, pp. 6–12. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-4-6-12.
13. Ponomarev N. F. [Recreation and marketing of impressions]. In: *E-SCIO (elektronnyy zhurnal)* [E-SCIO (e-journal)], 2019, no. 10 (37), pp. 279–286. URL: http://e-scio.ru/wp-content/uploads/2019/05/E-SCIO-10_2019.pdf (accessed: 11.03.2023).
14. Samoylova A. V. [Linguistic pragmatics of Russian-language manifestations of neologisms]. In: *Yazyk i sotsium: dinamika vzaimootnosheniy* [Language and society: meeting dynamics]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2022, pp. 194–212.
15. Filippova I. N., Vekovishcheva S. N. [Pseudodisphemy of the judicial discourse of medieval China in fiction]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3-1, pp. 104–112. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-104-112.
16. Fefelov A. F. [Dialectics of race and racism markers in "The adventures of Tom Sawyer" and "The adventures of Huckleberry Finn"]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2014, vol. 12, no. 2, pp. 40–49.
17. Shybut I. P. [Formation of professional competencies of a modern journalist in the context of information and communication convergence]. In: *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Zhurnalistika* [Journal of the Belarusian State University. Journalism], 2022, no. 2, pp. 4–9.
18. Yudin N. V. [Russian International Relations Studies: Securitization of the 'Soft Power' Discours]. In: *Kommunikatsiya. Media. Dizayn* [Communications. Media. Design], 2019, vol. 4, no. 2, pp. 56–72.
19. Brown W. P. Structure, role, and ideology in the Hebrew and Greek texts of genesis 1:1-2:3. Atlanta, Scholars Press, 1993. 268 p.
20. Fairclough N. Language and power. London, Longman Group, 1989. 259 p.
21. Foucault M. The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth, Penguin, 1978. 168 p.
22. Leonard A. Political poetry as discourse. Rereading John Greenleaf, Whittier, Ebenezer Elliott, and hip-hop-ology. Oxford, Rowman & Littlefield publishers, Inc., 2010. 357 p.
23. Nye J. Soft Power. The means to success in world politics. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Александр Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы;

e-mail: neuausstatten@mail.ru;

Сорокина Эльвира Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Государственного университета просвещения;

e-mail: ellasor@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander B. Alexeyev – Cand. Sci. (Philology), Associate Prof., Department of English Language, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

e-mail: neuausstatten@mail.ru;

Elvira A. Sorokina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of the English Philology, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, State University of Education;

e-mail: ellasor@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеев А. Б., Сорокина Э. А. Дискурс смешанных единоборств в аспекте изучения мягкой силы // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 17–32.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-17-32

FOR CITATION

Alexeyev A. B., Sorokina E. A. Mixed martial arts discourse in connection with the study of soft power. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 17–32.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-17-32

УДК 811.111/81`42

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-33-41

МЕСТОИМЕНИЕ КАК ПАРАМЕТР ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Габец А. А.*Московский государственный институт международных отношений (университет)**Министерства иностранных дел Российской Федерации**119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Выявление функций местоимений в организации дискурса и параметров, определяющих выбор местоимений, осуществляющих внутреннюю и внешнюю когезию экономического дискурса.

Процедура и методы. В работе применяются методы описательного, дискурсивного и контекстуального анализа. Материалом для исследования послужили скрипты речей представителей Международного валютного фонда, отчёты, блоги, новости и публикации в журнале *Finance and Development* за 2022 год, отобранные методом сплошной выборки.

Результаты. Проведённый анализ показал, что местоимения принимают активное участие в процессах построения дискурса и его организации: формируют текст и обретают внутри этого текста семантику и прагматику. Выбор местоимения обусловливается параметрами коммуникативной ситуации, коммуникативной стратегией, принятым или стереотипным речевым поведением.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения результатов в целях обучения эффективному деловому общению.

Ключевые слова: местоимение, прагмалингвистика, прагматика дискурса, связность дискурса, экономический дискурс

PRONOUN AS THE PARAMETER OF ENGLISH ECONOMIC DISCOURSE PRAGMALINGUISTIC COHESION

A. Gabets*Moscow State Institute of International Relations (University)**of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation**prospekt Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation***Abstract**

Aim. To identify the functions of pronouns in discourse organization and the parameters defining the choice of pronouns that are responsible for inner and outer economic discourse cohesion.

Methodology. Methods of descriptive, discourse and contextual analysis are applied in the research. The study is based on the scripts of International Monetary Fund representatives' speeches, reports, blogs, news and publications in *Finance and Development Magazine* in 2022 chosen by the method of continuous sampling.

Results. The conducted analysis revealed that pronouns take an active part in the processes of discourse creation and organization: making text formation possible they gain their semantics and pragmatics. The choice of pronoun results from communicative situation parameters, the speaker's communicative strategy, accepted or stereotypical speech behaviour.

Research Implications. The significance of the research lies in the possibility of applying the results to teaching efficient business communication.

Keywords: pronoun, pragmalinguistics, discourse pragmatics, discourse cohesion, economic discourse

Введение

Несмотря на то, что вопросы о реализации категории связности в тексте уже на протяжении многих лет поднимаются в отечественных и зарубежных исследованиях, тема восприятия элементов высказывания как одного целого всё ещё относится к ряду наиболее дискуссионных в науке о языке и не теряет своей актуальности. Во фрагментах речевой реальности регулярно возникают дополнительные смыслы, которые не заложены исключительно в семантике языковых единиц, суть высказывания всегда шире суммы значений его элементов, следовательно, связность как фактор прагматического единства является наиважнейшей категорией текста и дискурса и требует внимательного изучения. В рамках системно-структурной парадигмы учёные анализировали элементы текста, обеспечивающие грамматическую, структурную и семантическую когезию, изучая обеспечивающие её языковые средства. С переключением фокуса внимания исследователей с объекта познания на субъекта в антропоцентрической парадигме научного знания, связность дискурса стала особенно интересна исследователям в когнитивно-функциональном и коммуникативно-прагматическом аспектах. Ввиду субъектоцентрического принципа организации дискурса одним из важнейших инструментов, обеспечивающих когезию на всех уровнях, являются местоимения, выстраивающие вокруг говорящего его собственную систему координат. Способность этих языковых средств формировать грамматические и структурные связи была неоднократно исследована и доказана, однако функционирование местоимений в роли именно прагматических маркеров и параметров прагматической связности в

разных видах дискурса всё ещё требует внимательного анализа.

Традиционно функциональная парадигма местоимений анализируется на базе фрагментов политического и художественного дискурсов, тогда как связи, формируемые указанными единицами в экономическом дискурсе, остаются за пределами внимания исследователей. Изучение местоимений как инструментов когезии в экономическом дискурсе обусловливает научную новизну исследования, так как позволяет выявить закономерности механизмов референции на ещё более обширном материале, поскольку значительное количество разножанровых и разноплановых текстов и фрагментов дискурсивных практик могут быть включены в поле данного вида дискурса, который определяется социальной сферой экономики.

Материал и методы исследования

Экономический дискурс в работе понимается как класс жанров, объединённых одной социальной сферой, и как поле, обладающее ядром и периферией. В целях изучения механизмов референции, обеспечиваемых парадигмой местоимений, представляется логичным исследовать тексты разных регистров, находящиеся в разных точках обозначенного поля. В связи с этим в качестве источника материала был выбран сайт международного валютного фонда, содержащий скрипты речей представителей МВФ, отчёты, блоги, новости и публикации в журнале *Finance and Development*. Тексты для анализа были отобраны методом сплошной выборки из материалов, опубликованных на сайте в 2022 году. В работе применяются методы описательного, дискурсивного и контекстуального анализа, что в комплексе позволяет получить представ-

ление об особенностях грамматической, коммуникативной и прагматической связности экономического дискурса, которую обеспечивают местоимения.

Теоретические основы и ход исследования

В рамках структурно-семантического подхода большинством учёных связность трактовалась как центральная структурная и содержательная категория текста, сам текст при этом анализировался в линейном плане развёртывания, а основными задачами постулировались выделение и классификация единиц, категорий и способов тексто- и смыслообразования (работы И. Р. Гальперина, О. Л. Каменской, Н. Д. Зарубиной, З. Я. Тураевой и других). Господствующая на сегодняшний день в науке коммуникативно-когнитивная парадигма перевела фокус внимания исследователей на динамическую, коммуникативную текстопорождающую структуру дискурса, продуктом которой в результате взаимодействия огромного количества языковых и неязыковых элементов является цельный связный текст. В работах, анализирующих текст как результат дискурсивного взаимодействия, связность изучается как когнитивно-прагматическая категория, а научный поиск направлен на изучение и анализ функционального поля средств выражения этой категории (работы Т. В. Милевской, О. И. Таюповой, Ф. У. Фарраховой, Ф. У. Жаббаровой и других).

Трактуя дискурс как «совокупность тематически соотнесённых текстов» [12, с. 137] и как «способ отражения некоторого фрагмента действительности с помощью определённой знаковой системы, как коммуникативное, завершённое, цельное, связное и эмотивное образование, диалогически адресованное кому-либо, имеющее смысл и ориентированное на понимание и интерпретацию» [4, с. 148], учёные исследуют связность как элементов внутри высказывания, так и высказывания с его контекстом через

референцию – отношение актуализированных выражений к объектам действительности. «Референтом связного текста становится такая модель ситуации действительности, которая осмыслена автором текста как связная. Таким образом, связность устанавливается автором уже на начальной стадии создания текста» [5, с. 102]. Главным основанием референции является личность коммуниканта, которая раскрывает в дискурсе «соотнесённость с ситуацией – конкретной или абстрактной» [6, с. 19]. Вся система высказывания строится вокруг говорящего, а самыми важными параметрами коммуникативной ситуации являются компоненты дейктического триединства «я – здесь – сейчас». Дейксис является одним из центральных понятий прагматики, поскольку его средства выступают инструментами когезии элементов дискурса между собой и дискурса с окружающим миром. Являясь дейктическими средствами, местоимения представляют собой системообразующие факторы речевой деятельности, обеспечивающие определённые координаты для позиционирования дискурса и текста. Дейктические маркеры отражают важнейшие связи объективной действительности, а значит «играют существенную роль в порождении связного текста как симбиоза речевых тактик, направленных на обеспечение успешной интеракции» [3]. Функции местоимения как дейктического средства заключаются, во-первых, в актуализации референциального статуса единицы, во-вторых, в отсылке к конкретному речевому акту, высказыванию или коммуникативной ситуации в целом и, в-третьих, в замещении антецедентных референтных словоформ [7, с. 28-29].

В англоязычном тексте и дискурсе координаты системы высказывания говорящего и связи фрагментов действительности наиболее явно отражены на уровне грамматики. Основным способом выражения отношений грамматической когезии, охватывающим все виды объе-

динения предикативных единиц, является местоименная референция, формирующая сопряжённую последовательность высказываний. Ввиду обязательности использования первичного дейксиса в англоязычном дискурсе местоимения являются основополагающим условием его связи, соединяя отрезки высказываний. «Местоимения в англоязычном тексте почти всегда эксплицитны... Английский язык характеризуется как *non-pro-drop* в синтаксическом и в дискурсном отношении» [8, с. 67].

Из грамматического статуса местоимений в системе координат говорящего следует их текстопорождающая функция. С одной стороны, местоимения позволяют формировать текст, с другой же – обретают внутри этого текста свою семантику и прагматику.

Прагматические аспекты и функции языковой единицы невозможно рассматривать вне больших фрагментов дискурса. Все элементы в дискурсивной системе связаны и оказывают влияние друг на друга. Прагматика местоимений помогает реципиенту понять суть речи в целом и уловить оттенки значений, но и всё высказывание целиком влияет на смыслы отдельных его частей. В связи с тем, что жанры экономического дискурса предполагают осуществление эффективного речевого воздействия на адресата, а именно прагматический аспект содержания знака признаётся наиважнейшим для осуществления такого воздействия [10], представляется необходимым рассмотреть способы связности текста, продуцируемые прагмалингвистическим потенциалом местоимений, и изучить непосредственно функционирование местоимений в этом виде дискурса в прагмалингвистическом аспекте.

Вне реальных условий коммуникации местоимения не имеют своего конкретного значения, для обретения смысла им нужен контекст, создающий референтные, а, следовательно, и прагмалингвистические связи. Содержание местоиме-

ния в реальном дискурсе – это указание, субституция, анафора и прагматический аспект, обусловленный экстралингвистическими факторами. Несмотря на то, что в целом учёные относят указательные, притяжательные и вопросительные местоимения к совокупности нейтральных референтных сигналов [11, с. 58], зачастую посредством местоимений говорящий не только передаёт объективную информацию, но и выражает своё отношение к называемым фактам или к собеседнику. По мнению учёных, в дискурсе местоимения подвергаются также и специфическому жанровому прагматическому воздействию [13]. Так, например, местоимения в художественном тексте часто используются в качестве источника речевой экспрессии, и являются лексическими средствами выразительности речи [1], такие выводы легко экстраполируются на другие виды дискурса: политический, экономический и т. д. Помимо эмоционально-экспрессивной функции местоимений выделяются функции сближения или сплочённости, объективизации, включения и невключения адресата, отождествления и ролевая функция [9]. Благодаря большинству этих функций средствами дейксиса, в частности противопоставлением «я» – «не я», в дискурсе выстраивается архетипическая оппозиция «свой» – «чужой», являющаяся фундаментальной для любого языка и наиважнейшим прагмалингвистическим маркером дискурса в целом. Иллюстрацией данной оппозиции, например, в англоязычном дискурсе становится существование инклюзивного и эксклюзивного местоимения «we». «В зависимости от контекста и личного восприятия ситуации говорящим и слушающим, местоимение *we* может подразумевать как единение лиц определенной группы, так и различия между представителями разных групп» [2, с. 7]. Довольно распространённым приёмом вовлечения адресата в конструируемый говорящим дискурс является осознанное сопережи-

вание эмоциональному состоянию коммуниканта, в этом случае используется инклюзивное местоимение, которое рассматривается как сигнал взаимодействия говорящего с целевой аудиторией [12].

Результаты исследования

Анализ разножанровых фрагментов экономического дискурса позволил выявить, что уже сам выбор местоимения и дальнейшее его использование в тексте говорящим формирует прагмалингвистическую связность элементов дискурса.

Выбор местоимения определяется параметрами коммуникативной ситуации и характеризует её, что само по себе является отсылкой к объектам действительности. Указание на какой-либо объект фоновых знаний участников коммуникации или повторяющаяся в дискурсе референция в отношении уже названных ранее личностей, предметов или явлений на грамматическом и коммуникативном уровне формируют связанные цепочки высказываний, которые в свою очередь отвечают за создание целостной взаимосвязанной системы – семантически и прагматически единого дискурса. Таким образом, местоимения принимают активное участие в осуществлении процесса построения дискурса и его организации.

Ещё одним параметром, определяющим выбор местоимения, является предпочитаемая говорящим коммуникативная стратегия. Преобладание некоторых групп местоимений может свидетельствовать о готовности коммуниканта к сотрудничеству, к кооперативному поведению или наоборот к дистанцированию. Например, инклюзивное или эксклюзивное местоимение “we” используется в целях расстановки ориентиров для определения ролей и статусов участников коммуникативной ситуации в коллективе. Местоимения могут наделяться оценочными коннотациями и способны быть инструментом манипулирования мнением реципиентов. Выстраивание

разнообразных стратегий требует прагмалингвистической наполненности элементов высказывания и их связи между собой, в противном случае коммуникативная цель не будет достигнута, так как семантика сообщения останется непонятой. Осуществляемая посредством местоимений референция по отношению как к ближним, так и удалённым объектам в речи говорящего, является гарантией связи элементов дискурса как с реальностью, так и внутри системы дискурсивных формаций.

Выбор местоимения также может быть обусловлен принятым или стереотипным речевым поведением в рамках определённого жанра, что указывает на связность текста, которую обеспечивают жанровые законы. В таком случае местоимения являются привычным инструментом создания прагмалингвистического потенциала текста, их контекстуальные значения обладают меньшей вариативностью, но также апеллируют к фоновым знаниям реципиента и связывают элементы высказывания между собой.

Для иллюстрации влияния выбора местоимения на формирование прагмалингвистической связности рассмотрим фрагменты интервью, которое британский экономист и президент центра глобального развития Ахмед Масуд берёт у директора-распорядителя МВФ Кристаллины Георгиевой. Беседа состоялась 13 сентября 2022 года и посвящена способам борьбы с многоаспектным экономическим кризисом последних лет.

MD Georgieva: What are the key elements that *we* are looking at? *We* are looking at precautionary facilities. Much better for a country to come to the front early. And actually, *I* praise *those* that are using the precautionary instruments of the Fund. And *I* wish more countries would say, hey, “the world seems to be in trouble, let *me* build stronger buffers”. Please come! Secondly, *we* are looking at how *we* provide this financing, what are the modalities of it? And thirdly, *we* are looking also at the different financial aspects

of how the Fund functions. *I* am very keen to go to the Annual Meetings with a sense that there is work to be done and there is a plan how *we* are going to do this work. So, stay tuned at *that*.

В количественном отношении в речи директора-распорядителя преобладает инклюзивное местоимение “*we*”, которое выступает инструментом солидаризации с подразумеваемыми сотрудниками фонда и причастными к работе фонда людьми. В таком контексте указанное местоимение приобретает значение обобщённой множественности: Кристалина Георгиева обозначает и подчёркивает единство своих взглядов, позиций и ценностей с теми, с кем она работает. Описываемая коммуникативная стратегия кооперации придаёт и новый смысл местоимению “*those*”, которое в этом контексте получает значение отличных от говорящего людей, которые не противопоставлены ему, а также разделяют взгляды той группы, к которой он себя относит. Логичным и корректным представляется переход от использования местоимения “*we*” к “*I*”: говорящий безусловно является частью сообщества, но в то же время его социальная роль в этом сообществе главная, следовательно, некоторые обозначаемые идеи и планы принадлежат лишь ему одному. Связи в данном фрагменте дискурса обеспечиваются повторением местоимений, антецеденты которых уже понятны слушающему и являются апелляцией к социальной структуре общества, персоналиям, политическим событиям и т. д. Антецедент местоимения “*that*” – вся описанная говорящим ситуация, данное местоимение выступает обобщающим словом для всего фрагмента дискурса, объединяя все предыдущие элементы высказывания.

MD Georgieva: *We* had a very good discussion with *our* board of directors informally yesterday, and *I* came out of it very positive that there is a sense that *it* is a necessity, and *we* have urgency to act, which *we* will do. So, why a food shock window in *our* emergency financing?... What *we*

are proposing is to increase access to emergency financing for a year to countries that are most vulnerable, either because *they* are importers of food with low income and the cost of import has skyrocketed for *them*, or because *they* are affected by other factors... When *I* look into the likely beneficiaries, *we* see about 50 countries that meet the criteria of vulnerability... Let *me* stress that *we* don't want to substitute for grant financing. ... *I* am very hopeful that *we* would have the stamp of approval of *our* Board of Directors and *we* would move swiftly to support countries that turn to *us*.

Местоимения, используемые Кристалиной Георгиевой в этом фрагменте дискурса, демонстрируют архетипическое противопоставление «я» – «не я», причём из контекста становится очевидно, что личность говорящего и общность, к которой она себя относит, выступают с позиций силы, предлагая покровительство и помощь референтам, находящимся на дейктической периферии, актуализированным в речи средствами экстремального дейксиса “*they*”, “*them*”. Несмотря на преобладание в тексте местоимения первого лица множественного числа, которое выступает средством не только грамматической, но и прагматической когезии, так как связывает, во-первых, речевую личность с местом её работы, во-вторых, предмет разговора людей, участвующих в интервью, а в-третьих, также вовлекает в контекст дискурса воспринимающих информацию, то есть является инклюзивным, наличие местоимения первого лица вновь утверждает доминирующую роль спикера в принятии важнейших экономических решений и даже важность её персональных эмоциональных оценок (*I* came out of it very positive). Чередование местоимений “*I*” и “*we*”, относящихся к дейктическому центру, связывает элементы высказывания, задавая участникам коммуникации определённую систему координат и фиксируя внимание на референте. Частое повторение местоимений 1 лица, наличие

притяжательных местоимений “our”, объектных местоимений “me”, “us” подчёркивает, что речь осуществляется с позиции власти, возможно осуществление давления на слушающего.

Рассмотрим и высказывания интервьюера Ахмеда Масуда.

Masood Ahmed: So now let's just talk a little bit about the risk to the resilience and sustainability trust set up. *I think people initially had questions about how it functioned. That got clarified to a large extent. There was an issue of how the IMF and the World Bank would work together, because this is you have to draw their expertise. I think that there's more clarity on that. So, what I'd like to get a little bit of a sense of is sort of how far advanced are you? How far advanced do you expect to be? We're not quite sure whether people have actually put money into the RST yet. Has somebody signed up on it? I hear three countries have asked for assistance. So, anything more specific? And maybe just a small plea from somebody who watches the fund is that, you know, the IMF is really quite remarkable in being transparent on many, many fronts, I think. And it's a great tribute to you and to your predecessors that the Fund has become that way.*

Использование местоимения “us” в первом же предложении свидетельствует о выборе кооперативной речевой стратегии и призывает к диалогу. Однако выбор местоимений “I” и “we” в дальнейшем противопоставляет интервьюера, а также людей, от лица которых он задаёт вопросы, директору-распорядителю. В данном фрагменте местоимение “we” не объединяет коммуникантов и является эксклюзивным, однако объединяет интервьюера и его необозначенных сторонников. Использование неопределённых местоимений “somebody”, “anything” ещё больше разделяет участников диалога, выражает некоторое недоверие интервьюируемому. Более широкая парадигма используемых местоимений речи президента центра глобального развития объясняется, во-первых, его коммуникативной ролью

задающего вопросы, во-вторых, ролью представителя определённого сообщества, в-третьих, вниманием и уважением к собеседнику в рамках жанра интервью.

Фрагмент хорошо иллюстрирует формируемые местоимениями связи элементов дискурса. Антецедентами местоимений “that” и “this”, которые часто актуализируются в речи британского экономиста, являются описанные до этого ситуации. Связывают текст также повторы и параллельные конструкции с использованием местоимений в анафорической позиции (*I think*).

Местоимения в речи Кристаллины Георгиевой не так разнообразны, поскольку у неё есть чёткая и понятная позиция, которую она выражает посредством наиболее ёмких и наполненных смыслами языковых средств.

Выводы

Анализ местоимений во фрагментах экономического дискурса позволил выявить, что они являются обязательным условием создания логически и синтаксически связанного текста, так как являются средствами репрезентации предметной референции. Прагматическое значение местоимений определяется контекстом, но внутри дискурса местоимения способствуют адекватному созданию, транслированию и пониманию значений речевых характеристик. Прагмалингвистический потенциал местоимений также служит инструментом когезии дискурса, поскольку выводит смыслы высказывания за рамки отдельного значения слов и помогает воздействовать на реципиента. Связи в дискурсе формируются в том числе и повторением местоимений. При использовании указанных частей речи всегда происходит апелляция к фоновым знаниям, пресуппозиции и когнитивным моделям всех участников коммуникации, что в свою очередь является отсылкой к объектам реальности. Вербализованные образы этих объектов в дискурсе помогают говорящему конструировать своё

высказывание, являясь основанием для связности сообщения, а слушающему декодировать его в системе своих коорди-

нат, учитывая связь элементов дискурса и референцию.

Дата поступления в редакцию 14.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина Е. С. Функции личных местоимений я и мы в дневниковом жанре (на материале художественных дневников И. А. Бунина «Воды многие» и «Окаянные дни») // Известия высших учебных заведений. Серия: «Гуманитарные науки». 2012. Т. 3. Вып. 3. С. 196–200.
2. Беляев А. С., Лазовская Н. В. Роль личных местоимений I, you, we и they в англоязычном политическом дискурсе // Язык науки и профессиональной коммуникации. 2021. № 3 (4). С. 5–10.
3. Голик Н. А. О влиянии персональных дейктических единиц на построение связного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-1 (78). С. 79–82.
4. Егоршина Н. В. Изучение дискурса как символа культуры для последующей методической работы преподавателя // Научно-методический бюллетень Военного университета МО РФ. 2020. № 1 (13). С. 146–152.
5. Калашникова Е. А., Кремер И. Ю. Репрезентация категории локальной связности в рамках политического комментария // Современные концепции романо-германской филологии, лингводидактики и межкультурной коммуникации: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Е. С. Чернявской, Н. К. Костиной, И. Ю. Кремер. Рязань: Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В. Ф. Маргелова, 2022. С. 102–106.
6. Кожина Н. М. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стил: сборник научных статей / отв. ред. В. Е. Чернявская. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С. 9–33.
7. Милевская Т. В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 43 с.
8. Муковский О. Л. Дейксис и анафора в русском, английском и испанском языках: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 185 с.
9. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск: БГУ, 2009. 183 с.
10. Стернин И. А. Эффективное речевое воздействие // Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Избранные работы. Воронеж: Истоки, 2008. С. 253–293.
11. Таюпова О. И., Фаррахова Ф. У. Репрезентация связности в текстах различных дискурсов // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1. С. 54–64. DOI: 10.15643/libartrus-2021.1.5.
12. Hyland K. Bringing in the Reader: Addressee Features in Academic Articles // Written Communication. 2001. Vol. 18. Iss. 4. P. 549–574.
13. The Pragmatics of Personal Pronouns / ed. by L. Gardelle, S. Sorlin. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. 337 p. (Studies in Language Companion Series, 171).

REFERENCES

1. Antipina Ye. S. [Functions of the personal pronouns 'I' and 'We' in the Ivan Bunin's works ("Waters Aplenty" and "Cursed Days")]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya: «Gumanitarnyye nauki»* [News of Higher Schools. Series "Humanities"], 2012, vol. 3, iss. 3, pp. 196–200.
2. Beljaye A. S., Lazovskaya N. V. [The role of personal pronouns I, you, we and they in English political discourse]. In: *Yazyk nauki i professional'noy kommunikatsii* [Language of science and professional communication], 2021, no. 3 (4), pp. 5–10.
3. Golik N. A. [On the influence of personal deictic units on coherent text formation]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2017, no. 12-1 (78), pp. 79–82.
4. Egorshina N. V. [Study of discourse as the culture symbol for the further methodic work of the instructors]. In: *Nauchno-metodicheskiy byulleten' Voennoy universiteta MO RF* [Scientific and methodological bulletin of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation], 2020, no. 1 (13), pp. 146–152.

5. Kalashnikova Ye. A., Kremer I. Yu. [Representation of the category of local connectivity within the framework of political commentary]. In: *Sovremennyye kontseptsii romano-germanskoj filologii, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii: materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern concepts of Romano-Germanic philology, linguodidactics and intercultural communication: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ryazan, Ryazan Higher Airborne Command School named after General of the Army V. F. Margelov Publ., 2022, pp. 102–106.
6. Kozhina N. M. [Discourse analysis and functional stylistics from speech studies positions]. In: *Tekst – Diskurs – Stil'* [Text – Discourse – Style]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2004, pp. 9–33.
7. Milevskaya T. V. *Svyaznost' kak kategoriya diskursa i teksta (kognitivno-funktsional'nyy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Connectivity as a category of discourse and text (cognitive-functional and communicative-pragmatic aspects): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Rostov-na-Donu, 2003. 43 p.
8. Mukovskii O. L. *Deixis i anafora v russkom, angliiskom i ispanskom yazykakh: diss. ... kand. filol. nauk* [Deixis and anaphora in Russian, English and Spanish: PhD thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2015. 185 p.
9. Norman B. Yu. *Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov): kurs lektsiy* [Linguistic pragmatics (based on Russian and other Slavic languages): a course of lectures]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2009. 183 p.
10. Sternin I. A. [Effective speech impact]. In: *Teoreticheskiye i prikladnyye problemy yazykoznaniya. Izbrannyye raboty* [Theoretical and applied problems of linguistics. Selected works]. Voronezh, Istoki Publ., 2008, pp. 253–293.
11. Tayupova O. I., Farrakhova F. U. [Representation of coherence in the texts of various discourses]. In: *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [The Liberal Arts in Russia], 2021, vol. 10, no. 1, pp. 54–64. DOI: 10.15643/libartrus-2021.1.5.
12. Hyland K. Bringing in the Reader: Addressee Features in Academic Articles. In: *Written Communication*, 2001, vol. 18, iss 4, pp. 549–574.
13. Gardelle L., Sorlin S., eds. *The Pragmatics of Personal Pronouns*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2015. 337 p. (Studies in Language Companion Series, 171).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Габец Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 4, Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России;
e-mail: gabets.a.a@inno.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Gabets – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Language No. 4, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: gabets.a.a@inno.mgimo.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Габец А. А. Местоимение как параметр прагмалингвистической связности англоязычного экономического дискурса // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 33–41.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-33-41

FOR CITATION

Gabets A. A. Pronoun as the parameter of English economic discourse pragmalinguistic cohesion. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 33–41.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-33-41

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-42-52

СОВРЕМЕННЫЕ ОБЛАСТИ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Диттрих А. Г.*Санкт-Петербургский государственный университет**199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель работы заключается в том, чтобы охарактеризовать современные области и направления в лингвистической прагматике, определить их специфику и основные исследовательские задачи.

Процедура и методы. В работе используется описательный метод, представляющий собой систему процедур сбора фактического материала, его описание на основе наблюдения. Проведён анализ современных исследовательских направлений в лингвопрагматике с выявлением их особенностей и определением основных исследовательских вопросов.

Результаты. Дан комплексный обзор современных исследовательских областей и направлений в прагматической лингвистике, охарактеризованы основные исследовательские вопросы каждого направления.

Теоретическая значимость. Данный обзор даёт комплексное представление о современных областях и направлениях прагмалингвистических исследований.

Ключевые слова: историческая прагматика, критический дискурс-анализ, прагмалингвистика, прагматика, скрытая прагмалингвистика, функциональная прагмалингвистика

THE MODERN FIELDS OF PRAGMALINGUISTICS RESEARCH

A. Ditttrikh*Saint-Petersburg State University**Universitetskaya naberezhnaya 7–9, St. Petersburg 199034, Russian Federation*

Abstract

Aim is to characterize modern fields and trends in pragmalinguistics, to determine their specifics and main research problems.

Methodology. The paper uses the descriptive method, which is a system of procedures for collecting factual material and its description based on observation. The analysis of modern research trends in pragmalinguistics is carried out with the identification of their features and the definition of the main research problems.

Results. A comprehensive overview of modern research fields and trends in pragmalinguistics is given, the main research problems of each trends and fields are characterized.

Research implications. This review provides comprehensive understanding of modern fields and trends in pragmalinguistic research.

Keywords: historical pragmatics, critical discourse analysis, pragmalinguistics, pragmatics, hidden pragmalinguistics, functional pramalinguistics

Введение

Прагматика (в отечественном языкознании именуемая также лингвистической прагматикой, лингвопрагматикой или прагмалингвистикой) является одной из дисциплин, занимающихся изучением языка как средства общения. Современная лингвопрагматика не представляет собой единого течения с чётко очерченными границами. Отмечается, что «[о]пределение прагматики в значительной мере зависит от исходных позиций исследователя и значительно разнится в трудах лингвистов, исследующих проблемы: синтаксиса ... ; семантики ... ; стилистики и риторики ... ; речевой деятельности ...»¹. Нет у исследователей и единого мнения относительно определения самого термина «прагматика». Над разработкой данной проблематики трудились и продолжают трудиться различные учёные, как, например, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, А. Е. Кибрик, Г. Г. Матвеева, Г. Грайс, Дж. Лич, Ю. Хабермас, Т. Левандовски, Д. Вундерлих, Ж. Мёшлер, И. М. Кобозева, Ю. С. Степанов, И. П. Сусов, и многие другие.

В связи с разнообразием исследовательских позиций касательно объекта лингвистической прагматики выделяют различные области и направления прагмалингвистических исследований. Среди наиболее устоявшихся исследовательских областей можно выделить лексическую прагмалингвистику, формальную и экспериментальную прагматику, сопоставительную прагмалингвистику, историческую прагмалингвистику, критический дискурс-анализ, а также два направления – функциональную и скрытую прагматику. В существующих работах, посвящённых обзору прагмалингвистических направлений, даётся разрозненное представление об отдельных областях лингвопрагматических исследований.

Цель данной статьи – дать комплексный обзор актуальных исследовательских направлений в прагматике, определить их специфику и основные исследовательские задачи.

Исследовательские области современной прагмалингвистики

Изначально прагмалингвистические исследования базировались на анализе высказываний или речевых актов, однако постепенно наметились тенденции изучения прагмалингвистического компонента других единиц и уровней языка, в частности, лексических единиц. *Лексическая прагмалингвистика* занимается исследованиями, связанными с прагмалингвистическим потенциалом отдельных лексических единиц того или иного языка, поскольку прагматический компонент значения слова выражает отношение говорящего к содержанию высказывания, к адресату, к самому себе, к ситуации общения и т. д. Среди исследователей лексики в прагматическом аспекте стоит упомянуть Ю. Д. Апресяна [1; 2; 3], О. С. Ахманову, Н. Д. Арутюнову, Ю. С. Степанову, В. Н. Телию [15; 16], Н. И. Формановскую и др.

Исследователи в области лексической лингвопрагматики подчёркивают, что «[п]рагматический компонент значения слова содержит указание на предмет коммуникации, ситуацию общения и взаимоотношения, роли коммуникантов. Информация об участниках коммуникации, входящая в прагматический аспект значения слова, может включать также указание на возраст коммуникантов (например, маленький ребёнок обращается к матери – *мамочка*, подросток – *мам*, взрослый – *мама*), на их пол (женщины скорее называют отца своего отца или матери *дедушка*, мужчины – *дед*), образование, социальный статус и т. д.» [12, с. 110]. Любые лексические единицы обладают прагматическим потенциалом, поскольку в зависимости от контекста могут приобретать прагматическую

¹ Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие; 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. С. 33.

окраску. В связи с этим выделяют несколько групп лексики, в зависимости от её прагматического потенциала. К первой группе относятся прагматически нейтральные слова. Они не несут в себе явного прагматического компонента, не выражают эмоционально-оценочного отношения говорящего, но в определённых контекстах и ситуациях могут получать прагматическую окраску. Вторую группу лексики составляют слова, обладающие явным прагматическим компонентом, который, однако, не является ведущим, т. е. это такие лексические единицы, которые обладают определённым ценностным значением, вызывающим эмоции и оценку (например, *радоваться, плакать, герой, преступник* и др.). Третью группу формируют слова с доминирующим прагматическим компонентом, т. е. экспрессивно-эмоциональная или стилистически окрашенная лексика. Четвёртую группу представляют междометия как лексика с исключительно прагматическим компонентом [14].

Основными феноменами, исследуемыми лексической прагматикой, являются сужение и расширение значения. В рамках расширения значения выделяют феномен аппроксимации и метафорического расширения [19, S. 107].

Другая область прагмалингвистических исследований представлена исследованиями в области *формальной прагматики*. Одним из родоначальников формальной прагматики является американский математик и философ Ричард Монтегю. Данная область прагматики характеризуется тем, что исследователи стремятся построить строгие формальные (математические и логические) модели для описания прагматических феноменов. Качество моделей и теорий зависит от адекватности их описания и объяснения, что тесно связано с эмпирией. В рамках формальной прагматики выделяются три основных направления: собственно лингвистическое, берущее своё начало из формальной семанти-

ки – дисциплины, изучающей языковую семантику путём её формального описания в математических терминах, и два направления из социальных и когнитивных наук: вероятностное и базирующееся на теории игр (понятие «языковой игры» (*Sprachspiel*) введено Л. Витгенштейном). Исследованиями в области формальной прагматики занимаются такие учёные, как Г. Егер [23], Н. Кадмон, К. Робертс, Дж. Кьеркья, Р. ван Руйи, М. Рут и др. Формальная прагматика активно используется аппаратом теории игр для описания целого ряда прагматических феноменов (от дискурсивной анафоры до прагматики вежливости). Таким образом, формальная прагматика – это область прагматических исследований, в которой модели и теории различных аспектов языковых действий и языкового взаимодействия разрабатываются и оцениваются с помощью математических или логических представлений и оперирующих с ними процедур вывода.

Ещё одно прагмалингвистическое направление – *экспериментальная прагмалингвистика* – рассматривает своей целью «определение процесса освоения языка коммуникантом с использованием теории конверсационных имплицатур, теории речевых актов, а также данных психо- и нейролингвистики» [10, с. 92]. Суть эксперимента в прагмалингвистике заключается в наблюдении над текстами (письменными или устными), их восприятием носителем языка, который выступает информантом для исследователя. Различают такие виды экспериментов, как *моделирующие* (по определённым социальным параметрам), *имитационные* (имитация естественной ситуации в лабораторных условиях) и *натурные* [9, с. 83]. В последнее время приобрели популярность исследования, привлекающие данные разных языков. Кроме того, в экспериментальной прагматике помимо (прагма)лингвистических методов применяются, в том числе, методы из смежных дисциплин (психолингвистики,

нейролингвистики, психологии, нейро-биологии и пр.): многие характеристики восприятия речи, зависящие от временного фактора, могут быть зафиксированы при помощи технологии отслеживания движения глаз при чтении (*eye tracking*), а нейроанатомическая локализация прагматических процессов осуществляется с помощью таких методов визуализации, как функциональная магнитно-резонансная томография или магнитоэнцефалография.

Основную сферу научных интересов экспериментальной прагматики составляют такие прагматические явления и теории, как скалярные импликатуры, теория сознания (также именуемая как *понимание чужого сознания, теория намерения, теория разума – Theory of Mind (ToM)*), восприятие метонимий и метафор (пересечение с лексической прагматикой), теория референции и пр. Среди исследователей в данной области прагматики стоит упомянуть таких учёных, как Д. Уилсон и Д. Спербер [28], С. Глаксберг, Р. Карстон, И. Новек [25], П. Шумахер, Ф. Шварц, Н. А. Зевахина [7] и др. Экспериментальная прагматика обладает яркой междисциплинарной направленностью и продолжает устанавливать связи с самыми разнообразными исследовательскими областями.

Сопоставительная прагмалингвистика, как следует из названия, занимается сопоставлением прагматических единиц в разных языках. Основными исследовательскими вариантами данного направления можно считать сопоставление языковых вариантов, способных выполнять одну и ту же прагматическую функцию или производить один и тот же перлокутивный эффект в разных языках, а также изучение перлокутивных эффектов одного и того же языкового варианта в разных языках. В результате анализа языкового материала разных языков может быть установлено одно из следующих соотношений: одно и то же прагматическое содержание может выражаться

аналогичными языковыми средствами или иметь различное языковое выражение, а также в одном из языков могут отсутствовать языковые средства для выражения прагматического содержания, присутствующие в другом языке, или может отсутствовать сама прагмема (в терминологии В. Г. Гака). Сопоставительная прагмалингвистика также изучает обстоятельства и условия применения тех или иных речевых актов в разных языках с целью выявления различий, способных приводить к коммуникативным неудачам. Это сближает её с *межкультурной прагмалингвистикой*, в рамках которой также исследуются различия в употреблении тех или иных речевых актов и потенциальных коммуникативных неудач, связанных с неумением собеседников взаимодействовать друг с другом в соответствии с конкретными ожиданиями партнера, основанными на нормах его культуры [13, с. 87]. Как в сопоставительной, так и в межкультурной прагмалингвистике большое внимание уделяется изучению категорий вежливости, выявлению универсальных черт и национальной специфики функционирования различных речевых актов. Исследования в области сопоставительной прагматики ведутся такими учёными, как М. Б. Бергельсон [5], А. Вежицкая [6; 31], К. Годдard и др.

Историческая прагмалингвистика представляет собой самостоятельный раздел прагматики, который активно развивается с конца XX века. Первые попытки применения прагмалингвистического понятийного и методологического аппарата для анализа исторических текстов были предприняты немецкими исследователями Б. Шлибен-Ланге [27], Х. Хенне [22], А. Беттен [18], П. фон Поленцем, С. Зондерреггером, Д. Херубимом [20] и др. Историческое направление в прагмалингвистике занимается преимущественно вопросами прагматики на историческом языковом материале, а основной целью является изучение

коммуникативных аспектов языка предшествующих эпох. Вопросы языкового употребления сближаются с вопросами исторической лингвистики о более ранних формах языка, о развитии языка и языков и, таким образом, с вопросами изменения языка вообще.

Среди основных задач исторической прагматики выделяют: «1) описание и осмысление общепринятого использования языка в сообществах, существовавших ранее и недоступных в настоящее время для непосредственного наблюдения; 2) описание и объяснение развития речевых конвенций (общепринятого речевого употребления) во временной протяженности; 3) использование данных исторической прагматики как инструмента филологии в трактовке литературных памятников прошлого, что включает освещение разнообразия отношений между соответствующими лингвистическими знаками, между языковым знаком и его пользователем, между создателем знака и его получателем» [4, с. 18].

В исторической прагматике можно выделить два основных направления. В первом направлении (микроподход), которое можно описать как прагматическую историю языка, развитие языка рассматривается как результат коммуникативных действий в социальном контексте. Во втором (макроподход), которое можно охарактеризовать как собственно историческую прагмалингвистику, в центре исследовательского интереса стоит употребление самого языка. Помимо данных двух направлений существуют также историческая прагматика текста и исторический анализ дискурса. Вопросы прагматики, рассматриваемые обычно на уровне современного языка, переносятся на исторический уровень, будь то вопросы об употреблении речевых актов или дискурсивных частиц, категория вежливости и т. д. Однако такой перенос имеет свои особенности в виду различия языкового материала и применяемых методов исследования.

Кроме того, в исторической прагмалингвистике различают синхронный, сопоставительный и диахронный подходы [24, S. 132]. Синхронная историческая прагмалингвистика описывает использование языка в конкретный исторический момент времени и в конкретном языковом материале без сравнения результатов с более ранними или более поздними языковыми этапами. Для сопоставительной исторической прагмалингвистики, напротив, основной задачей является сравнение различных исторических срезов одного языка. В данном подходе историческая прагмалингвистика имеет множество точек соприкосновения с сопоставительной прагмалингвистикой, занимающейся сравнением разных языков. В обоих случаях речь идёт о вопросах сопоставимости. Существенным же отличием сопоставительного подхода в исторической прагмалингвистике от собственно сопоставительной прагмалингвистики является то, что в первом случае часто предполагается одна линия развития от более ранних к более поздним формам, во втором же общая линия развития отсутствует. В диахронной исторической прагмалингвистике речь как раз идёт об этих линиях развития, но уже не в сопоставительном аспекте, что было ранее и что было потом, а в содержательном аспекте, как то, что было ранее, стало тем, что было позднее, какие коммуникативные силы сделали это изменение возможным и как это изменение распространилось в соответствующем языковом сообществе. В этом плане диахронный подход сближает прагматическую историю языка и историческую языковую прагматику.

Касательно методов, применяемых в исторической прагмалингвистике, необходимо отметить, что основным языковым материалом в данных исследованиях служат исторические письменные тексты, а следовательно экспериментальные методы в данном случае неприменимы. В связи с этим историческая прагмати-

ка пользуется преимущественно методами анализа и интерпретации текста. Это могут быть качественные методы, следующие филологической традиции и основанные на тщательном изучении и анализе ограниченного объема текста, или количественные методы, основанные на оценке больших корпусов текстов посредством специализированного компьютерного обеспечения. Причём применение корпусных методов в исторической прагмалингвистике пользуется в последнее время наибольшей популярностью. На сегодняшний день существуют различные исторические текстовые корпуса, которые либо представляют материалы по конкретным типам текста (например, *Old Bailey Corpus*, содержащий англоязычные судебные протоколы с 1674 по 1913 гг., *Corpus of Middle English Prose and Verse*, содержащий фрагменты письменных памятников английской прозы и поэзии XI–XV вв., *Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов*, содержащий тексты русской агиографической литературы XV–XVII вв.), либо охватывают материалы по определённому историческому периоду того или иного языка (*Corpus of Historical American English*, охватывающий тексты за период с 1810 по 2009 гг., *Регенсбургский диахронический корпус русского языка*, содержащий древнерусские тексты, *Historisches Korpus IDS* – объединённый исторический корпус немецкого языка Института немецкого языка (IDS), включающий в себя различные тематические подкорпуса (например, *Mannheimer Korpus Historischer Zeitungen, repräsentatives Korpus des geschriebenen Deutsch aus den Jahren 1650–1800* и т. д.)).

В настоящее время историческая прагмалингвистика вполне оформилась в самостоятельную дисциплину. Аспектуальное исследование речи в диахронии, проводившееся изначально преимущественно на материале немецкого языка, сегодня распространилось и на другие различные языки. С 2000 года существу-

ет специальный научный журнал, *Journal of Historical Pragmatics*, посвящённый исключительно вопросам исторической прагматики.

Критический дискурс-анализ как «прикладная прагматика»

Касательно критического дискурс-анализа (КДА) необходимо отметить, что данное направление не относится непосредственно к прагмалингвистике. Однако он имеет множество точек пересечения с лингвопрагматикой, поскольку КДА активно использует теоретические подходы и категории, разработанные и разрабатываемые в прагматике, являясь, таким образом, «прикладной прагматикой». Возникновение и разработка данного направления связана в первую очередь с именем британского лингвиста Нормана Фэрклафа (в некоторых работах также Фэркло) [21], также большой вклад в развитие КДА внесли Т. ван Дейк [29], Т. ван Леувен [30], Г. Кресс, Р. Водак, З. Егер и др. В настоящее время КДА представляет собой целый ряд различных подходов к исследованию использования языка. Мартин Рейзигль выделяет следующие подходы и школы КДА: подход Нормана и Изабелы Фэрклафов, Дуйсбургская школа КДА, дискурсивно-исторический подход (*Discourse Historical Approach*, также известный как Венская школа КДА), Ольденбургская школа КДА, социально-когнитивный подход Т. ван Дейка, социосемиотический подход Т. ван Леувена, феминистический КДА [26, S. 164–166]. Он отмечает, что данные подходы обладают множеством сходных черт, а основные различия заключаются в направленности анализа (социологический, исторический, прагматический, когнитивный и др.), категориальной и тематической специфике (например, феминистический КДА занимается дискурсивно-аналитической критикой гендерного неравенства и дискриминации), а также в степени обращения к теоретическому аппарату прагматики (от

минимального обращения к категориям прагматики в рамках Дуйсбургской школы КДА до полноценного использования всех функционально-прагматических категорий в рамках Венской школы КДА). Л. Филлипс и М. Йоргенсен сформулировали цель критического анализа дискурса следующим образом: «Цель критического дискурс-анализа – пролить свет на лингвистико-дискурсивное измерение социальных, культурных феноменов и современных процессов изменений. Критический дискурс-анализ распространяется на такие сферы, как организационный анализ, педагогика, массовая коммуникация и проблемы расизма, национализма, формирование идентичностей, массовая коммуникация и экономика, рыночные отношения и массовая коммуникация, демократия и политика» [8, с. 110].

Исследовательские направления в лингвопрагматике

Помимо разделения на конкретные исследовательские области, прагмалингвистику можно представить в виде двух направлений, охватывающих вышеобозначенные области и перемежающиеся с ними, а именно как функциональную и скрытую прагмалингвистику.

В *функциональной прагмалингвистике* исследуется осознаваемый, продуманный выбор слов, выражений, предложений, которые использует говорящий в речевом общении, то есть изучается речевая деятельность. В трактовке Н. И. Формановской в поле исследовательских интересов функциональной прагматики попадает «отношение человека к языковым знакам, зафиксированным в языке, а также выбор наиболее уместных единиц ... для производства высказываний/дискурсов, с помощью которых говорящий достигает поставленных целей, принципы и постулаты общения» [17, с. 29]. В зависимости от научной прагмалингвистической школы в проблемное поле включаются различные аспекты и

вопросы (например, проблемы дейксиса, речевых актов или анализ разговора).

В противовес функциональной прагмалингвистике, в *скрытой прагмалингвистике* изучается неосознаваемый, автоматический, привычный и мгновенный выбор слов, выражений, предложений, которые употребляет говорящий в речевом общении, в данном случае речь идёт о речевом поведении. В таких случаях говорят об особых привычках, которые можно заметить в речи говорящего.

По своей сути функциональная и скрытая прагмалингвистика обладают множеством сходств, в частности, объектом их исследований является речевой материал (в функциональной прагмалингвистике – речевая деятельность, в скрытой – речевое поведение), а предметом служит выбор отправителем текста тех или иных средств языка для наилучшего воздействия. Основными же различиями служат параметр осознаваемости в выборе языковых средств говорящим/пишущим и анализируемые единицы: в функциональной прагмалингвистике такой единицей выступает речевой акт, в скрытой – речевой поступок [11].

Заключение

Приведённый обзор основных современных областей прагмалингвистических исследований показывает, что относительно молодая дисциплина – прагмалингвистика – уже представляет собой вполне состоявшееся, самостоятельное лингвистическое направление. Современная лингвопрагматика исследует реальное использование языка в различных сферах коммуникации в синхронии и диахронии. Она обладает выработанной междисциплинарностью, взаимодействуя с науками социального, когнитивного и естественнонаучного циклов. Существование различных исследовательских областей и направлений внутри самой прагмалингвистики показывает, насколько многообразно и обширно исследовательское поле ком-

муникативных изысканий, при этом, как представляет приведённое описание данных направлений, они не являются изолированными и между каждым направлением можно найти точки пересечения и соприкосновения. Прагматическая лингвистика, развивающаяся в рамках

антропоцентрической научной парадигмы, представляется одним из наиболее актуальных и перспективных направлений современных наук о человеке.

Дата поступления в редакцию 10.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Русский язык. Проблема грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М.: Наука, 1992. С. 45–64.
2. Апресян Ю. Д. Прагматика и лексикография: прагматическая информация для толкового словаря // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы рабочего совещания. М.: Институт языкознания АН СССР, 1987. С. 6–10.
3. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности / Институт языкознания АН СССР; Проблемная группа «Логический анализ языка». М.: Наука, 1988. С. 7–44.
4. Баева Г. А. Историческая прагмалингвистика как особое направление в изучении языков // Очерки по исторической прагматике германских языков / отв. ред. Г. А. Баева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. С. 7–19.
5. Бергельсон М. Б. Кросс-культурная прагматика // Введение в науку о языке / под ред. О. В. Федоровой, С. Г. Татевосова. М.: Буки Веди, 2019. С. 374–386.
6. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
7. Зевахина Н. А. Экспериментальные исследования в области прагматических импликатур (как одно из направлений лингвистической прагматики) // Проблемы языка: сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (20–22 сентября 2012 г.). М.: Институт языкознания РАН, 2012. С. 76–91.
8. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ.; 2-е изд., испр. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. 352 с.
9. Лингвопрагматика в исследованиях зарубежных ученых / Г. П. Курчаткина, Ю. А. Николаева, Е. А. Смелкова, С. Б. Стручкова, О. В. Трошина // Альманах мировой науки. 2018. № 1 (21). С. 70–88.
10. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики: монография. М.: ФЛИНТА, 2013. 232 с.
11. Матвеева Г. Г., Самарина И. В., Селиверстова Л. Н. Два направления в современной прагмалингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 1-2. С. 50–57.
12. Пурицкая Е. В. Прагматический компонент лексического значения слова и его отражение в словаре прагматики // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе: материалы Международной научной конференции (Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 14 октября 2016 г.): в 2 ч. Ч. 1. / сост. и науч. ред. П. А. Якимов. Оренбург: ООО «Издательство „Оренбургская книга“», 2016. С. 109–112.
13. Рзазаде Г. Ч. Межкультурное общение и причины коммуникативных социально-прагматических неудач в вопросах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 86–91. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-86-91.
14. Ружицкий И. В. Прагматический компонент значения слова (на материале русских модальных частиц и междометий) // Reosiahag (Journal of Institute of Russian Studies, Chungbuk National University). 2007. № 3. Р. 65–79.
15. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

16. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // *Языковые механизмы экспрессивности* / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 5–36.
17. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 408 с.
18. Betten A. Zum Verhältnis von geschriebener und gesprochener Sprache im Frühneuhochdeutschen // *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, 2. vollst. neu bearb. u. erw. Aufl. 2. Teilb / hrsg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. S. 1646–1666.
19. Blutner R. Lexikalische Pragmatik // *Handbuch Pragmatik* / ed. F. Liedtke und A. Tuchen. Stuttgart: J. B. Metzler, 2018. S. 106–112.
20. Cherubim D. Zum Programm einer historischen Sprachpragmatik // *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. Züricher Kolloquium 1978* / Hrsg. von H. Sitta. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 3–21.
21. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Longman, 1995. 265 p.
22. Henne H. Probleme einer historischen Gesprächsanalyse // *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. Züricher Kolloquium 1978* / Hrsg. von H. Sitta. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 89–102.
23. Jäger G. Evolutionary game theory and typology: A case study // *Language*. 2007. Vol. 83. No. 1. P. 74–109. DOI: 10.1353/lan.2007.0020.
24. Jucker A. H. Historische Pragmatik // *Handbuch Pragmatik* / ed. F. Liedtke und A. Tuchen. Stuttgart: J. B. Metzler, 2018. S. 132–139.
25. Noveck I. *Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 274 p.
26. Reisigl M. Kritische Diskursanalyse // *Handbuch Pragmatik* / ed. F. Liedtke und A. Tuchen. Stuttgart: J. B. Metzler, 2018. S. 163–174.
27. Schlieben-Lange B. Für eine historische Analyse von Sprechakten // *Sprachtheorie und Pragmatik. Akten des 10. Linguistischen Kolloquiums. Bd. 1* / hrsg. von H. Weber, H. Weydt. Tübingen: Niemeyer, 1976. S. 113–119 (*Linguistische Arbeiten* 31).
28. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 279 p.
29. Van Dijk T. A. *Critical Discourse Studies: a sociocognitive approach* // Ruth Wodak R., Meyer K. *Methods of Critical Discourse Analysis*; 2nd edition. London: Sage, 2009. P. 62–86.
30. Van Leeuwen T. *Discourse and Practice. New Tools for Critical Discourse Analysis*. New York: Oxford University Press, 2008. 172 p.
31. Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009. 502 p.

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. [Connotations as part of the pragmatics of the word (lexicographic aspect)]. In: *Russkij yazyk. Problema grammaticheskoy semantiki i otsenochnyye faktory v yazyke* [Russian language. The problem of grammatical semantics and evaluative factors in language]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 45–64.
2. Apresyan Yu. D. [Pragmatics and lexicography: pragmatic information for an explanatory dictionary]. In: *Propozitsional'nyye predikaty v logicheskom i lingvisticheskom aspekte. Tezisy rabochego soveshchaniya* [Propositional predicates in the logical and linguistic aspect. Abstracts of the workshop]. Moscow, Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR, 1987, pp. 6–10.
3. Apresyan Yu. D. [Pragmatic information for an explanatory dictionary]. In: *Pragmatika i problemy intensional'nosti* [Pragmatics and problems of intensionality]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 7–44.
4. Baeva G. A. [Historical pragmalinguistics as a special direction in the study of languages]. In: *Ocherki po istoricheskoy pragmatike germanskikh yazykov* [Essays on the historical pragmatics of Germanic languages]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2012, pp. 7–19.
5. Bergelson M. B. [Cross-cultural pragmatics]. In: *Vvedeniye v nauku o yazyke* [Introduction to the science of language]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2019, pp. 374–386.

6. Vezhbitskaya A. *Sopostavleniye kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 272 p.
7. Zevakhina N. A. [Experimental research in the field of pragmatic implicatures (as one of the areas of linguistic pragmatics)]. In: *Problemy yazyka: sbornik nauchnykh statey po materialam Pervoy konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» (20–22 sentyabrya 2012 g.)* [Problems of language: a collection of scientific articles based on the materials of the First Conference-School "Problems of language: the view of young scientists" (September 20–22, 2012)]. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2012, pp. 76–91.
8. Jorgensen M. V., Phillips L. J. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Kharkov, "Gumanitarnyy Tsentr" Publ., 2008. 352 p.
9. Kurchatkina G. P., Nikolaeva Yu. A., Smelkova E. A., Struchkova S. B., Troshina O. V. [Linguopragmatics in the studies of foreign scientists]. In: *Al'manakh mirovoy nauki* [Almanac of world science], 2018, no. 1 (21), pp. 70–88.
10. Matveeva G. G., Lenets A. V., Petrova E. I. *Osnovy pragmalingvistiki* [Fundamentals of pragmalinguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 232 p.
11. Matveyeva G. G., Samarina I. V., Seliverstova L. N. [The two directions in modern pragmalinguistics]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy], 2009, no. 1–2, pp. 50–57.
12. Puritskaya Ye. V. [The pragmatic component of the lexical meaning of the word and its reflection in the dictionary of pragmatics]. In: *Yazykovaya norma i rechevaya praktika v Orenburgskom regione: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Orenburg, Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 14 oktyabrya 2016 g.): v 2 ch. Ch. 1.* [Language norm and speech practice in the Orenburg region: materials of the International Scientific Conference (Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, October 14, 2016): in 2 parts. Part 1]. Orenburg, „Orenburgskaya kniga“ Publ., 2016, pp. 109–112.
13. Rzazade G. Ch. [Cross-cultural communication and the causes of communication socio-linguistic failures in questions]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 6, pp. 86–91. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-86-91.
14. Ruzhitsky I. V. [The pragmatic component of the meaning of the word (based on Russian modal particles and interjections)]. In: *Reosiahag (Journal of Institute of Russian Studies, Chungbuk National University)*, 2007, no. 3, pp. 65–79.
15. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 288 p.
16. Teliya V. N. [Expressiveness as a manifestation of the subjective factor in language and its pragmatic orientation]. In: *Yazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti* [Language mechanisms of expressiveness]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 5–36.
17. Formanovskaya N. I. *Rechevoye vzaimodeystviye: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow, IKAR Publ., 2007. 408 p.
18. Betten A. Zum Verhältnis von geschriebener und gesprochener Sprache im Frühneuhochdeutschen. In: von Besch W., Betten A., Reichmann O., Sonderegger S., hrsg. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung, 2. vollst. neu bearb. u. erw. Aufl. 2. Teilb.* Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2000, S. 1646–1666.
19. Blutner R. Lexikalische Pragmatik. In: Liedtke F., Tuchen A., eds. *Handbuch Pragmatik*. Stuttgart, J. B. Metzler, 2018, S. 106–112.
20. Cherubim D. Zum Programm einer historischen Sprachpragmatik. In: von Sitta H., hrsg. *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. Züricher Kolloquium 1978*. Tübingen, Niemeyer, 1980, S. 3–21.
21. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London, Longman, 1995. 265 p.
22. Henne H. Probleme einer historischen Gesprächsanalyse. In: von Sitta H., hrsg. *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. Züricher Kolloquium 1978*. Tübingen, Niemeyer, 1980, S. 89–102.
23. Jäger G. Evolutionary game theory and typology: A case study. In: *Language*, 2007, vol. 83, no. 1, pp. 74–109. DOI: 10.1353/lan.2007.0020.

24. Jucker A. H. Historische Pragmatik. In: Liedtke F., Tuchen A., eds. *Handbuch Pragmatik*. Stuttgart, J. B. Metzler, 2018. S. 132–139.
25. Noveck I. Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 274 p.
26. Reisigl M. Kritische Diskursanalyse. In: Liedtke F., Tuchen A., eds. *Handbuch Pragmatik*. Stuttgart, J. B. Metzler, 2018. S. 163–174.
27. Schlieben-Lange B. Für eine historische Analyse von Sprechakten. In: hrsg. von Weber H., Weydt H., hrsg. *Sprachtheorie und Pragmatik. Akten des 10. Linguistischen Kolloquiums. Bd. 1*. Tübingen, Niemeyer, 1976, S. 113–119 (Linguistische Arbeiten 31).
28. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Oxford, Basil Blackwell, 1986. 279 p.
29. Van Dijk T. A. Critical Discourse Studies: a sociocognitive approach. In: Ruth Wodak R., Meyer K. *Methods of Critical Discourse Analysis*; 2nd edition. London, Sage, 2009, pp. 62–86.
30. Van Leeuwen T. Discourse and Practice. New Tools for Critical Discourse Analysis. New York, Oxford University Press, 2008. 172 p.
31. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin, New York, De Gruyter Mouton, 2009. 502 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Диттрих Артём Геннадьевич – аспирант кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: artjom.dittrich@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artem G. Dittrikh – Postgraduate Student, Department of German Philology, Saint-Petersburg State University;
e-mail: artjom.dittrich@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Диттрих А. Г. Современные области прагмалингвистических исследований // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 42–52.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-42-52

FOR CITATION

Dittrikh A. G. The modern fields of pragmalinguistics research. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 42–52.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-42-52

УДК 81.41

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-53-62

РЕАКЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ДИСТАНЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕНИИ

Дубровченко Е. М.

Минский государственный лингвистический университет
220034, г. Минск, ул. Захарова, д. 21, Республика Беларусь

Аннотация

Цель. Анализ коммуникативных реакций на изменение дистанции в англоязычном общении.

Процедура и методы. Отобранный материал изучался при помощи метода дискурсивного анализа, метода контекстуального анализа, интерпретативного анализа и интроспекции.

Результаты. Установлены основные компоненты коммуникативной ситуации, в которой происходит изменение коммуникативной дистанции. Выделены основные типы реакций на изменение коммуникативной дистанции: 1) на эмоциональном уровне можно выделить позитивные и негативные реакции; 2) по критерию использования речи – вербальные и невербальные. Позитивные реакции указывают на готовность коммуниканта перевести отношения на новый уровень, негативные – выражают несогласие коммуниканта с попыткой изменить установленную дистанцию. Негативные реакции на изменение коммуникативной дистанции являются преобладающими (недовольство, дискомфорт, беспокойство, раздражение и др.). Невербальные реакции выражаются посредством невербальных средств: движений, жестов, взгляда, покраснения лица, интонации, пауз. Вербальные реакции представляют собой речевые действия: требование объяснить своё поведение, ответная угроза, попытка прервать собеседника, выяснение источника информации, уход от ответа и отказ. К лексическим средствам выражения реакций относятся вопросительные слова, междометия, существительные, прилагательные, глаголы, описывающие речевое поведение, и идиомы.

Теоретическая значимость заключается в уточнении понятия «коммуникативная дистанция», в расширении знаний о коммуникативных процессах и факторах, влияющих на них.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в курсах по дискурсологии, прагмалингвистике, социалингвистике и теории коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативная дистанция, приватность, публичность, вербальная реакция, невербальная реакция

REACTIONS TO CHANGES IN COMMUNICATIVE DISTANCE IN ENGLISH COMMUNICATION

E. Dubrovchenko

Minsk State Linguistic University
ulitsa Zakharova 21, Minsk 220034, The Republic of Belarus

Abstract

Aim. To analyse communicative reactions to changes in distance in English communication.

Methodology. The selected material was studied using discourse analysis, contextual analysis, interpretive analysis, and introspection.

Results. The main components of the communicative situation in which a change in communicative distance occurs were identified. The main types of reactions to changes in communicative distance were distinguished: 1) on the emotional level, positive and negative reactions can be distinguished; 2) according to the criterion of speech use – verbal and nonverbal. Positive reactions indicate the willingness of the communicator to move the relationship to a new level, while negative reactions express the communicant's disagreement with the attempts to change the established distance. Negative reactions to changes in communicative distance are predominant (displeasure, discomfort, concern, irritation, etc.). Nonverbal reactions are expressed through nonverbal means: movements, gestures, gaze, blushing, intonation, pauses. Verbal reactions are speech acts: demanding an explanation for one's behaviour, threatening, attempting to interrupt the interlocutor, clarifying the source of information, evading the answer, and refusing. Lexical means of expressing reactions include interrogative words, interjections, nouns, adjectives, verbs describing speech behaviour, and idioms.

Research implications. The theoretical significance lies in clarifying the concept of "communicative distance", expanding knowledge of communicative processes and factors influencing them. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in courses on discourse analysis, pragmalinguistics, sociolinguistics, and communication theory.

Keywords: communicative distance, privacy, publicity, verbal reaction, nonverbal reaction.

Введение

Данная статья посвящена выявлению и описанию реакций на изменение коммуникативной дистанции в англоязычном общении. Актуальность исследования обусловлена значимостью человеческого общения и необходимостью изучения факторов, влияющих на коммуникативный процесс. Насколько нам известно, реакции на изменение коммуникативной дистанции ещё не являлись предметом лингвистического исследования.

Цель исследования заключается в анализе коммуникативных реакций на изменение дистанции в общении. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: 1) уточнить понятие «коммуникативная дистанция»; 2) выделить типы коммуникативных реакций на изменение дистанции в общении; 3) определить компоненты коммуникативной ситуации, в которой изменяется величина дистанции; 4) установить роль выделенных реакций в коммуникативном процессе; 5) рассмотреть языковые средства репрезентации реакций на изменение дистанции общения.

Материалом исследования послужили тексты художественных произведений американских писателей (S. Sheldon, L. Weisberger) и американские фильмы

(“Disturbia”, “How to Get Away with Murder”, “Tiffany’s Breakfast”, “The Undoing”, “Wednesday”). Единицей описания выступает коммуникативная ситуация, в которой один из участников сокращает или увеличивает коммуникативную дистанцию.

Обзор работ по теме

Коммуникативная дистанция является важным компонентом межличностного взаимодействия, который оказывает влияние на процесс речевого общения, а также его результат. Взаимное расположение участников коммуникации привлекло внимание американского психолога и антрополога Эдварда Холла. Он выделил четыре типа дистанции, которые могут использоваться в различных ситуациях и культурах. Интимное расстояние (от 0 до 45 см) соответствует близким отношениям между людьми, таким как встречи с семьёй, близкими друзьями или романтическими партнёрами. Это расстояние используется для проявления эмоций и создания более интенсивной связи между людьми. Персональное расстояние (от 45 до 120 см) используется в повседневных ситуациях между коллегами, друзьями и знакомыми. Это расстояние позволяет людям поддерживать более формальные,

но всё же близкие отношения. Социальное расстояние (от 120 до 400 см) используется в более формальных ситуациях, таких как встречи с коллегами на работе или в учебном заведении. Это расстояние может быть использовано для поддержания профессиональных отношений. Публичное расстояние (от 400 до 750 см) соответствует большим собраниям, выступлениям и другим публичным мероприятиям. Это расстояние позволяет людям сохранять большое пространство между собой и другими людьми. Кроме того, каждый тип дистанции имеет две фазы: ближнюю и дальнюю, которые также могут иметь различную величину в зависимости от культурных и индивидуальных особенностей коммуникантов [14, р. 116–125]. В социологии используется термин «социальная дистанция», предложенный Г. Зиммелем в 1903 г. Социальная дистанция – «понятие, характеризующее размещение социальных групп и индивидов в социальном пространстве и устанавливающее степень близости или отчуждённости их между собой как задаваемую институционально, так и ощущаемую самими агентами социальных взаимодействий»¹. В психологии этот термин используется «для сравнительного описания психологической близости между людьми и механизмов симпатии-антипатии» [14, р. 116–125]. О. И. Калмыкова анализирует психологическую дистанцию и определяет её как «двусторонний социально-психологический феномен», который регулирует межличностные отношения [4, с. 7–8]. Психологическая дистанция включает два содержательных компонента: проксемический и эмоциональный [4, с. 7–8]. Дистанция общения рассматривается и учёными-лингвистами. В. И. Карасик

считает, что показателем дистанции выступает «мера имплицитности смысла в тексте» [7, с. 192]. Он утверждает, что чем больше дистанция между коммуникантами, тем больше говорящий вынужден явно выражать то, что получатель речи может неправильно понять. В свою очередь, чем меньше коммуникативная дистанция, тем большая часть информации передаётся неявно с учётом общности жизненного опыта и словарного запаса участников общения, а также однозначной интерпретации темы и цели текста [7, с. 192]. С лингвистической точки зрения, по мнению учёного, наиболее интересно изучение дружественной и социальной дистанции общения [5, с. 93]. М. Л. Макаров считает, что степени социальной дистанции между говорящим и адресатом или говорящим и теми, о ком идёт речь, могут коррелировать с отношениями солидарности, власти и подчинения, которые могут быть вызваны различными факторами, такими как межличностное и эмоциональное воздействие, статусно-ролевая и институциональная иерархия, различия в знаниях и другие. Социальная дистанция, как отмечает учёный, «задается набором феноменологически интерпретируемых переменных» [10, с. 214]. В рамках дискурсивного подхода можно говорить о двух типах информации о социальной дистанции: относительной социально-дейктической и абсолютной информации социально-дейктического свойства. Относительная социально-дейктическая информация описывает уровень социальной дистанции в четырёх аспектах: отношение к референту, адресату, присутствующим слушателям и обстановке в целом. Абсолютная информация социально-дейктического свойства символизирует социальные роли коммуникантов [10, с. 214]. Л. Г. Ефанова указывает на то, что коммуникативная дистанция – векторная величина, поскольку она имеет свойство направленности, и, следовательно, может быть увеличена или

¹ См.: Новейший философский словарь (А. А. Грицанов, 1999): Социальная дистанция [Электронный ресурс] // Научная библиотека : [сайт]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/321/socialnaya-distanciya.htm> (дата обращения: 12.01.2023).

уменьшена [2, с. 8–9]. Речевая дистанция, по мнению исследователя, соблюдается строже, чем геометрическая, поскольку геометрическая дистанция может быть изменена случайными внешними факторами [2, с. 6]. С позиции когнитивного подхода В. Н. Пилатова определяет дистанцию в диалоге как «природное ощущение человека возможных границ доверия по отношению к собеседнику» [12, с. 47]. В данном исследовании коммуникативная дистанция рассматривается как «область пересечения физического, социального и психологического пространства» [1, с. 70]. Коммуникативную дистанцию можно представить в виде шкалы, на противоположных концах которой находится зона приватности, или личного пространства, и зона публичности. Анализ коммуникативной дистанции предполагает изучение взаимосвязи и взаимовлияния геометрического расстояния между участниками общения, их социального положения и степени психологической близости. Особый интерес, на наш взгляд, представляет изучение коммуникативных реакций на изменение коммуникативной дистанции, которые позволяют делать выводы о нормах и правилах коммуникативного поведения, характерных для определённого социума. Нормы поведения выступают в качестве механизма, регулирующего межличностные и статусные отношения в обществе. Человек ведёт себя в соответствии с ожиданиями участников общения и в соответствии с принятыми в обществе стереотипами поведения [6, с. 42]. Нормы поведения отражают как моральные и утилитарные стереотипы поведения, так и правила, принятые в определённой группе людей [6, с. 43]. Нарушения коммуникативных норм представляют собой отступления от коммуникативных стандартов и правил общения. Изменение коммуникативной дистанции в сторону уменьшения приводит к вторжению в приватную сферу собеседника. Изменение коммуникативной дистанции

в сторону увеличения означает отдаление, которое проявляется в сокращении количества и качества межличностных контактов. По мнению О. А. Прохвачевой, типичная ситуация нарушения приватности включает в себя следующие компоненты: участники ситуации, действие со стороны одного из участников (вербальное или невербальное), реакция участника-«жертвы» на это действие, реакция первого участника на реакцию участника-«жертву» [3, с. 103]. Анализ коммуникативных ситуаций, в которых изменяется коммуникативная дистанция, позволяет дополнить данный список компонентов и добавить в него участников – свидетелей коммуникативной ситуации. Таким образом, ситуация изменения коммуникативной дистанции может быть представлена следующей моделью: 1) участник-инициатор изменения коммуникативной дистанции; 2) участник-«жертва», реагирующий на изменение; 3) участник-свидетель изменения дистанции общения; 4) действие (вербальное или невербальное), с помощью которого участник-инициатор изменяет дистанцию; 5) реакция коммуниканта-«жертвы» на действие участника-инициатора; 6) реакция коммуниканта-инициатора на реакцию коммуниканта-«жертвы». Следует отметить, что третий компонент данной модели (участник-свидетель) присутствует не во всех проанализированных ситуациях, т. е. является дополнительным.

Результаты исследования

Позитивные vs негативные реакции

На эмоциональном уровне реакции на изменение коммуникативной дистанции делятся на позитивные и негативные. Позитивные реакции наблюдаются в ситуациях, когда коммуникант-«жертва» испытывает симпатию и высокую степень доверия к собеседнику. Он охотно впускает его в свою приватную сферу и переживает положительные эмоции от общения на более короткой коммуникативной

дистанции. Дж. К. Бургун и Дж. Л. Хейл отмечают в своих исследованиях зависимость восприятия нарушения дистанции от отношения к человеку, который эту дистанцию нарушает [13]. Данный вывод подтверждается и результатами нашего исследования.

(1) Кейл, подросток, находящийся под домашним арестом, следит за своей новой соседкой Эшли, и она узнает об этом.

Ashley: So, you were watching me. **But for how long? Just tonight? A week? Two weeks? Since I moved in? What have you been keeping tabs on, Kale? What else have you seen?**

Kale: What else have I seen?

Ashley: Yea. **What else?**

Kale: I've seen a lot. I mean not like that ... Not ... I mean ... For instance, I've seen that you're may be one of, I don't know, three people in the world that likes pizza-flavoured chips. You're also the only person I've ever seen that spends more time on her roof of the house than in her actual house. And what are you doing? You're reading. Books, not 'US Weekly' or 'Seventeen' or, you know... But you're reading substantial books. ... Also you look out the window all the time, like I do. Only you're looking at the world, you know, trying to figure it out. Trying to understand the world. Trying to figure out why it's not in order like your books. I'm only looking at you.

Ashley: That's either the creepiest or **the sweetest thing I've ever heard!**

Анализируемая ситуация относится к сфере неофициального общения, участники которой общаются на дружественной дистанции. Они одного возраста и статуса. Установленная дистанция изменяется Кейлом. Это вызывает у Эшли сначала негативную реакцию, однако, когда Кейл объясняет свои действия, Эшли меняет своё отношение, и нарушение коммуникативной дистанции воспринимается ею позитивно. Девушке нравится этот молодой человек, и она рада сокращению дистанции в общении.

Исследование показало, что отрицательные реакции на изменение коммуникативной дистанции в общении преобладают. Если изменение коммуникативной дистанции вызывает у человека дискомфорт, мы можем считать это нарушением коммуникативной дистанции. Такое нарушение количественных характеристик дистанции является нежелательным и может вызвать у коммуниканта-«жертвы» разнообразный спектр отрицательных эмоций, таких как беспокойство, раздражение, злость, гнев, а также состояние напряжения, фрустрации, стресса и др.

(2) Уэнсдэй едет в машине с родителями и младшим братом, она молчит и выглядит недовольной.

Morticia: Darling, **how long do you intend on giving us the cold shoulder?**

Wednesday: **Lurch, please remind my parents that I'm no longer speaking to them!**²

В данной ситуации Уэнсдэй – коммуникант-инициатор увеличения дистанции, она невербально демонстрирует нежелание разговаривать с родителями, родители – коммуниканты-«жертвы», а младший брат и водитель (Lurch) – участники-свидетели. Мать пытается сократить дистанцию, ласково обращаясь к дочери, её беспокоит такое поведение, однако Уэнсдэй продолжает следовать выбранной стратегии и пытается сохранить увеличенную дистанцию.

Вербальные vs невербальные реакции

В результате проведённого анализа было установлено, что по способу выражения реакции на нарушение коммуникативной дистанции могут быть вербальными и невербальными. Вербальная реакция представляет собой речевое действие, выполняемое в ответ на изменение коммуникативной дистанции.

Невербальные реакции на нарушение коммуникативной дистанции выражаются при помощи разнообразных

¹ Disturbia: film / dir. by D. J. Caruso. DreamWorks Pictures, 2007. 105 min.

² Wednesday: TV series / dir. by T. Burton. MGM Television, 2022.

невербальных средств. Мы опираемся на классификацию невербальных средств В. А. Лабунской, которая основана на четырёх системах отражения и восприятия: акустической, оптической, тактильно-кинестезической и ольфакторной [9].

(3) *Директор школы приводит Уэнсдэй и её родителей в комнату, которую Уэнсдэй будет делить с Энид. Энид и Уэнсдэй одного возраста и пола. Энид сразу пытается сократить социальную дистанцию до дружеской: она делает шаг вперёд, распахивает руки, чтобы обнять Уэнсдэй, однако Уэнсдэй не готова к вторжению в её личное пространство и отступает назад, чтобы таким образом создать новое пространство вокруг себя. Энид правильно интерпретирует движение Уэнсдэй и говорит: "Not a hugger. Got it."*¹

Рассмотрим ещё один пример.

(4) *"Mrs. Harrison? What a pleasure to meet you," she said, willing her voice to stay calm.*

There was no "Please, call me Barbara" or "Don't you look lovely, dear," or even "It's so nice to meet you." Max's mother brazenly applauded Andy and pronounced, "You're thinner than I thought you'd be."

Pardon? According to Max's description? Or her own reconnaissance?

Andy wondered.

*Andy coughed. She wanted to run and hide, but Barbara rattled on.*²

Участники анализируемой ситуации одного пола, но разного возраста и социального положения. Энди испытывает негативные эмоции, когда её будущая свекровь (Барбара) оценивает её внешность, что является нарушением коммуникативной дистанции. Однако Барбара не реагирует на покашливание Энди, её не беспокоит, что нарушение дистанции может негативно повлиять на дальнейшие отношения.

Устная коммуникация людей на современном этапе развития общества рассматривается как мультимодальная коммуникация, т. е. «область взаимодействия вербального и различных невербальных знаковых, или семиотических, кодов» [8, с. 234]. Невербальные знаки могут функционировать «и как единицы отдельных каналов коммуникации, и как часть интегрированного целого» [там же].

Реагируя на изменения коммуникативной дистанции, человек, как правило, использует одновременно и вербальные, и невербальные средства. Рассмотрим несколько примеров, в которых вербальные реакции дополняются невербальными.

1. **Требование объяснить своё поведение**

(5) *Увидев на улице женщину, похожую на Холли, Пол Варжак бежит за ней и зовёт по имени. Он догоняет её и притягивает к себе. Когда женщина оборачивается и снимает солнцезащитные очки, он видит, что обознался.*

Paul Varjak: Holly, Holly! Holly, Holly! Hey!

Lady: Oh! What are you doing?

Paul Varjak: Excuse me! [Женщина смотрит на него в упор, ничего не говоря].

Paul Varjak: I'm sorry! You just look like a girl I know, named Holly.

Lady: Really?

*Paul Varjak: I'm sorry*³.

Данный пример иллюстрирует ситуацию, в которой нарушается геометрическая составляющая коммуникативной дистанции: мужчина обнимает женщину. Жертва немедленно выражает своё возмущение: она восклицает (*Oh!*) и требует объяснений (*What are you doing?*). Невербальные знаки (мимика, взгляд) также свидетельствуют о том, что объяснение нежелательно. Негативная реакция заставляет Пола Варжака принести свои извинения.

¹ Wednesday : TV series / dir. by T. Burton. MGM Television, 2022.

² Weisberger L. *Revenge Wears Prada: The Devil Returns*. New York, London, Toronto, Sydney, New Delhi: Simon & Schuster, 2013. P. 33.

³ Breakfast at Tiffany's : film / dir. by B. Edwards. Jurow-Shepherd Spinel Entertainment; Paramount Pictures, 1961. 114 min.

2. Ответная угроза

(6) Двое мужчин, которые выдают себя за сотрудников банка, приходят в дом банкира.

"You were recently in Switzerland, were you not?"

The question **threw him off guard**. "What? Yes, but **what on earth ...?**"

"While you were gone we had your books audited, Mr. Mann. Are you aware that there is a shortage in your bank of one million dollars?"

William Mann looked at the two men, **aghast**. "What are you talking about? I check those books every week myself. There has never been one penny missing!"

"One million dollars, Mr. Mann. We think you're responsible for embezzling it."

His face was **turning red**. He found himself **sputtering**. "**How ... how dare you! Get out of here before I call the police.**"¹

Отрицательные эмоции, которые испытывает Уильям Манн, описываются автором при помощи идиомы *off guard* (врасплох) и прилагательного *aghast* (ошеломлённый). Уильям Манн не готов к вопросам личного характера и шокирующим заявлениям. Речевое поведение фиксируется при помощи глагола *sputter* (говорить бессвязно и невнятно), что свидетельствует о взволнованности и нервозности. Уильям Манн отвечает на первый вопрос при помощи вопросительно слова *What?* и оборота *what on earth*, что говорит о его изумлении. Повтор *how* свидетельствует об эмоциональном напряжении. Высказывание *how dare you* – указывает на абсурдность обвинений и неприемлемость такого поведения. В этот момент напряжение достигает кульминации, и Уильям Манн прибегает к угрозе (*Get out of here before I call the police*). Он использует повелительное наклонение (*Get out*). Невербальные средства дополняют вербальные сообщения. Покраснение лица (*His face was turning red*) отно-

сится к вегетативным реакциям, которые не контролируются человеком [11, с. 198]. Также мы видим использование акустических средств – паузы (*How ... how dare you!*). Негативные эмоции мешают ему формулировать мысли.

3. Попытка перебить собеседника

(7) Две подруги обсуждают личную жизнь одной из них.

"For the record, we definitely did not sleep together that day in the Hamptons. We didn't even –" Emily **held her hand up**. "**Spare me the details, please**. Besides, you **don't owe me any explanations**. I'm happy for you both – Max is a great guy."

Когда Энди переходит к деталям, Эмили прерывает её, используя маркер вежливости *please*. Идиома *spare (someone) the details* означает 'to not tell someone all the unpleasant or boring details about something'. Эмили не хочет знать подробности и добавляет, что Энди не нужно перед ней отчитываться. Жест рукой указывает на попытку Эмили защитить своё приватное пространство и не наполнять его ненужной информацией.

4. Выяснение источника информации

(8) Тиган выражает свои соболезнования Бонни, с которой у неё деловые отношения.

Tegan: Bonnie, I haven't had a chance to say this but please accept my condolences. I can't imagine how hard this is.

Bonnie: **How did you know we were together?**

Tegan: Our friends at the D.A.'s... Was it not public knowledge?

Bonnie: No. I'm not feeling well⁴.

О нарушении коммуникативной дистанции свидетельствует реакция Бонни: она не принимает соболезнования, а

¹ Sheldon S. The Doomsday Conspiracy. London, New York, Sydney, Toronto: BCA, 1991. P. 164.

² Weisberger L. Revenge Wears Prada: The Devil Returns. New York, London, Toronto, Sydney, New Delhi: Simon & Schuster, 2013. P. 30.

³ См.: Spare (someone) the details (idiom) [Электронный ресурс] // Merriam-Webster Dictionary : [сайт]. URL: <https://clck.ru/35cVko> (дата обращения: 14.01.2023).

⁴ How to Get Away with Murder : TV series / dir. by P. Nowalk. Shondaland, ABC Studios, 2014 – 2020.

спрашивает, откуда Тиган знает о её отношениях с убитым, негативная реакция подтверждается холодным тоном голоса. Бонни не настроена обсуждать с Тиган свою личную жизнь и заканчивает разговор, ссылаясь на плохое самочувствие.

5. Отказ

(9) Роберт, сосед Кейла, просит разрешения посмотреть на прибор, контролирующий передвижения Кейла и позволяющий ему отходить от дома всего на пару метров.

Robert: Do you mind if I just take a look?

Kale: Yeah, I mind¹.

Кейл отказывается показать свой прибор. Его ответ звучит резко и категорично.

6. Уход от ответа

(10) Грейс Фрейзер заходит в комнату и приближается к окну. Она думает, что находится там одна и вздрагивает, когда её сын с грохотом ставит стакан на стол.

Grace: Henry! My God, you scared me. What are you doing?

Henry: Sitting. Where were you?

Grace: Why are you sitting here?²

Мать не хочет говорить сыну, где она была, и выглядит растерянной, поскольку не знает, что ответить. Она прибегает к тактике ухода от ответа, позволяющей избежать неприятного разговора с ребёнком: она отвечает вопросом на вопрос, смещая фокус внимания на поведение сына.

Следует отметить, что список вербальных и невербальных реакций на изменение коммуникативной дистанции может быть дополнен.

Заключение

Изучение реакций на изменение коммуникативной дистанции важно для понимания того, как социальные, культурные и психологические факторы влияют на взаимодействие между

людьми. Коммуникативная ситуация, в которой происходит изменение дистанции, включает следующие компоненты: 1) участник-инициатор изменения коммуникативной дистанции; 2) участник-«жертва», реагирующий на изменение; 3) участник-свидетель изменения дистанции общения; 4) действие (вербальное или невербальное), с помощью которого участник-инициатор изменяет дистанцию; 5) реакция коммуниканта-«жертвы» на действие участника-инициатора; 6) реакция коммуниканта-инициатора на реакцию коммуниканта-«жертвы». Третий компонент данной модели является дополнительным.

На эмоциональном уровне реакции на изменение коммуникативной дистанции могут быть позитивными и негативными. Позитивные реакции характерны для ситуаций, в которых оба коммуниканта стремятся к более близким отношениям и вторжение в приватную сферу рассматривается как желательное. Негативные реакции вызывают отрицательные эмоции у коммуниканта-«жертвы», поскольку он не готов к изменению дистанции и переходу на другой уровень отношений. Спектр отрицательных эмоций широк: возмущение, взволнованность, нервозность, растерянность и др.

По критерию использования речи реакции на изменение коммуникативной дистанции могут быть вербальными и невербальными. Невербальные реакции выражаются при помощи невербальных средств: движений, жестов, взгляда, покраснения лица, интонации, пауз, покашливания и др.

Вербальные реакции представляют собой речевые действия: требование объяснить своё поведение, ответная угроза, попытка прервать собеседника, выяснение источника информации, уход от ответа, отказ. Большинство вербальных реакций выражается в форме вопросительных и побудительных предложений. К лексическим средствам выражения относятся вопросительные слова (*what, why, how*),

¹ Disturbia: film / dir. by D. J. Caruso. DreamWorks Pictures, 2007. 105 min.

² The Undoing: TV miniseries / dir. by D. E. Kelley. Blossom Films, HBO Entertainment, 2020.

междометия (*oh*), существительные (*hugger*), прилагательные (*aghast*), глаголы, описывающие речевое поведение (*mind, sputter* и др.) и идиомы (*give smb. the cold shoulder, off guard*). Важно подчеркнуть, что в ситуациях изменения коммуникативной дистанции человек, как правило, использует одновременно как вербальные, так и невербальные средства.

Умение правильно интерпретировать реакции на изменение коммуникативной дистанции важно для эффективной коммуникации в различных социальных и культурных контекстах, а также для создания уютной атмосферы в общении между людьми.

Дата поступления в редакцию 07.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровченко Е. М. Трансформация коммуникативной дистанции в приватном общении // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 9 (455). С. 69–75. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10910.
2. Ефанова Л. Г. Коммуникативная дистанция как норма речевого взаимодействия (на примере использования некоторых русских местоимений) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 5–11.
3. Иная ментальность / Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
4. Калмыкова О. И. Психологическая дистанция как показатель успешности педагогического взаимодействия в системе «учитель – подросток»: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2001. 18 с.
5. Карасик В. И. Высказывание, жанр, дискурс: семиотическое моделирование // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 90–99. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99.
6. Карасик В. И. Нормы поведения в языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 35–49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Крейдин Г. Е. Жесты и речь в Новом лингво-семиотическом словаре // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 2-2. С. 232–254. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-232-254.
9. Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 608 с.
10. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
11. Мартынова Е. М. Вегетативные реакции как показатель аномальной коммуникации // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. №3. С. 198–201.
12. Пилатова В. Н. Дистанция в диалоге // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 2. С. 47–51. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.10.
13. Burgoon J. K., Hale J. L. Nonverbal expectancy violations: Model elaboration and application to immediacy behaviors // Communication Monographs. 1988. Vol. 55. Iss. 1. P. 58–79. DOI: 10.1080/03637758809376158.
14. Hall E. T. The Hidden Dimension. New York: Anchor, 1969. 217 p.

REFERENCES

1. Dubrovchenko E. M. [The transformation of communicative distance in private communication]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2021, no. 9 (455), pp. 69–75. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10910.
2. Yefanova L. G. [Communicative distance as a norm of speech cooperation]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2011, no. 2 (14), pp. 5–11.
3. Karasik V. I., Prokhvacheva O. G., Zubkova Ya. V., Grabarova E. V. *Inaya mental'nost'* [Another mentality]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 352 p.

4. Kalmykova O. I. *Psikhologicheskaya distantsiya kak pokazatel' uspehnosti pedagogicheskogo vzaimod-eystviya v sisteme «uchitel' – podrostok»: avtoref. diss. ... kand. psikholog. nauk* [Psychological distance as an indicator of the success of pedagogical interaction in the “teacher-teenager” system: abstract of PhD thesis in Psychological Sciences]. Stavropol, 2001. 18 p.
5. Karasik V. I. [Utterance, genre, discourse: semiotic modeling]. In: *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2020, no. 2 (26), pp. 90–99. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99.
6. Karasik V. I. [Norms of behaviour in linguistic worldview]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 4, pp. 35–49. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-35-49.
7. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
8. Kreidlin G. Ye. [Gestures and speech in the New linguo-semiotic dictionary]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya* [RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"], 2021, no. 2-2, pp. 232–254. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-232-254.
9. Labunskaya V. A. *Ekspressiya cheloveka: obshcheniye i mezhluchnostnoye poznanie* [Human expression: communication and interpersonal knowledge]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1999. 608 p.
10. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p.
11. Martynova Ye. M. [Vegetative reactions as abnormal communication index]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2014, vol. 20, no. 3, pp. 198–201.
12. Pilatova V. N. [Distance in a dialogue]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2019, vol. 12, no. 2, pp. 47–51. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.10.
13. Burgoon J. K., Hale J. L. Nonverbal expectancy violations: Model elaboration and application to immediacy behaviors. In: *Communication Monographs*, 1988, vol. 55, iss. 1, pp. 58–79. DOI: 10.1080/03637758809376158.
14. Hall E. T. *The Hidden Dimension*. New York, Anchor, 1969. 217 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубровченко Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английской речи Минского государственного лингвистического университета;
e-mail: dubrovchenko@tut.by

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena M. Dubrovchenko – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Theory and Practice of English Speech, Minsk State Linguistic University;
e-mail: dubrovchenko@tut.by

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дубровченко Е. М. Реакции на изменение коммуникативной дистанции в англоязычном общении // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 53–62.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-53-62

FOR CITATION

Dubrovchenko E. M. Reactions to changes in communicative distance in English communication. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 53–62.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-53-62

УДК 37.016:811.111

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-63-72

LINGUISTIC ECONOMY AND TEACHING ENGLISH TO RUSSIAN-SPEAKING AUDIENCE

A. Lipgart¹, E. Vishnyakova², L. Samboruk³

¹ *Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

² *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Prospekt Lenina 125, Tula 300026, Russian Federation*

³ *Samara National Research University
Moskovskoye shosse 34, Samara 443086, Russian Federation*

Abstract

Aim. To review the phenomenon of linguistic economy, which is represented in the English language system, as the objective global tendency from the viewpoint of teaching English to Russian learners.

Methodology. Grammatical and lexical phenomena in the English language are discussed in terms of their correlation with similar phenomena in Russian regarding their semantic and functional characteristics. The English forms ending in *-ing*, which are considered as the representatives of polyfunctionality in the system of the English verb, are analyzed from the point of view of the difficulties the learners of English are confronted with. The deictic system is analyzed first and foremost at the level of articles, and the phenomenon of grammatical homonymy is subjected to a general analytical description in reference to the semantic structural properties of the English language system.

Results. The approach based on discussing linguistic economy as a global property of the English language system that has been objectively developed throughout its history, may serve as a basic principle of understanding the verbal representation processes as well as a successful language acquisition. The tendency for linguistic economy is determined by the structural and semantic specificity of the English language.

Research implications. The theoretical significance of the article lies in the development of the systemic interpretation of the phenomenon of linguistic economy as an objective property of the language, due to the specificity of its historical development and functional-semantic structure. The practical application is determined by applying the results and material under study in the process of learning English in a Russian-speaking audience, as well as in research practice.

Keywords: linguistic economy, polyfunctionality, homonymy, article, analytical structure of the English language

ЯЗЫКОВАЯ ЭКОНОМИЯ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ РУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Липгарт А. А.¹, Вишнякова Е. А.², Самборук Л. А.³

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

² Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
300026, г. Тула, пр-т Ленина, д. 125, Российская Федерация

³ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотрение феномена языковой экономии, представленной в англоязычной языковой системе, как объективного, глобального свойства с точки зрения преподавания английского языка русскоязычной аудитории.

Процедура и методы. Рассмотрены грамматические и лексические явления английского языка с точки зрения их соотношения с аналогичными явлениями в русском языке в плане их семантических и функциональных характеристик. Подробно освещены представляющие трудность освоения вопросы реализации англоязычных форм на -ing, рассматриваемых в качестве репрезентантов явления полифункциональности в системе английского глагола. Общему аналитическому описанию подвергается отражающая референциальную картину английского языка дейктическая система, представленная на уровне артиклей, а также рассматривается явление грамматической омонимии.

Результаты. Понимание лингвистической экономии как объективно сложившегося в течение всей истории развития английского языка глобального свойства языковой системы позволяет сформировать у учащихся общее понимание процессов отражения и вербальной репрезентации реальности, что является главным условием успешного овладения языком. Проявление тенденции к языковой экономии обусловлено структурно-семантическими особенностями английского языка.

Теоретическая значимость статьи заключается в развитии системного понимания феномена лингвистической экономии как объективного свойства языка, обусловленного спецификой его исторического развития и функционально-семантической структуры.

Практическая значимость обусловлена возможностью применения результатов и исследованного материала в процессе изучения английского языка в русскоязычной аудитории, а также в исследовательской практике.

Ключевые слова: языковая экономия, полифункциональность, омонимия, артикль, аналитический строй английского языка

Introduction

The relatively new notion of linguistic economy is valuable not only with respect to high linguistic theory, but to the actual process of teaching. Like with many other languages, linguistic economy is typical of English with its homonymy of different morphological forms and the misleading equivalence between unstable compound word and multi-componential word com-

binations. The present article is aimed at revealing the nature of several instances of linguistic economy in English (the absence of articles being the only case of linguistic economy in the Russian language, which is relevant for the native speakers of Russian when they begin to learn English) and at showing the various aspects of usage a Russian learner of English is to be explained when he comes across complicated instances

of linguistic economy. The allegedly incomprehensible English verbal system is much less difficult to grasp compared to the use of articles, verbal nouns ending in “-ing”, gerund, participles, unstable compound words and various syntactic constructions, these latter being the key examples of linguistic economy discussed in the present paper.

The problem of linguistic economy in terms of its theoretical and practical significance is considered to be one of the topical problems in the field of modern linguistics. The issue under consideration was subjected to thorough analysis in *Éléments de linguistique générale* by André Martinet [14], where it was discussed with respect to the principle of the minimum effort, originating from the natural desire of a person to spend as little mental and physical effort as possible in the course of speech production. In this sense language evolution can be regarded as an important factor, since each stage of this evolution is characterized by a certain balance between the needs of successful communication and the heuristic aspects of human language activity, including the new parameters imposed on human communication by the Internet environment [2; 15; 16]. One of the most important aspects of the investigation of the linguistic economy phenomenon is its application in language learning. Thus, when discussing the English language, its syntagmatic and paradigmatic characteristics should be taken into special consideration both in terms of linguistic economy relations, which have been developed in the course of its history, and the results of the manifestation of these that can be discussed in connection with language teaching.

Methodology

The analysis is based on the functional approach to language studies and on the use of a number of methods that include the method of structural and semantic analysis aimed at the study of linguistic functions and meanings of the units under discussion. Here the semantic and structural correlations within the language system and the flow of speech

should be taken into account, as well as the contextual analysis with reference to various types of context, determining the processes of the functional and semantic formation of the linguistic units in question. Also of particular significance here is the comparative method, including the use of translation in the technical methodological sense, which is especially important when discussing the lexical and grammatical capacities of English [6; 9; 11] as applied to teaching this language to the Russian-speaking audience. It should be emphasized that what is also to be taken into special consideration within this type of analysis is the conceptual method that concerns itself with the notions that lie in the basis of the verbal representations of morphological, syntactic and lexical issues. We proceed from the premise that language exists objectively in speech, in its representations, which should be studied in order to understand its essentials [10, c. 12].

Results and Discussion

It is common knowledge that direct correspondences between various levels of linguistic organization of languages like Russian and English are comparatively rare, not least because quite often the principles of linguistic economy typical of the English language have no parallels in Russian, which makes it extremely difficult for the Russian users of English to grasp the foreign language they are learning in its entirety. An obvious example of the disparity between a Russian learner's expectations and the actual system of usage in the English language is the lack of similarity between the verbal systems of the two languages in question, which refers to a number of theoretical problems concerned with categorization and parts-of-speech classification in languages under consideration [5]. The natural desire of a Russian student when he needs to express the idea of duration or of completeness of some action in English is to turn to the marked forms of Continuous (“was writing”) and Perfect (“has / had written”), while in English the predominant choice in both cases is in favour of Indefi-

nite (wrote), this being caused among other things by the tendency towards linguistic economy so typical of English. Other morphological, as well as morphosyntactic and syntactic differences between the two languages seem to be less evident after one masters the “subject – predicate – direct object” word-order, but in fact it is in this sphere of usage that the most recurrent and the-most-difficult-to-eradicate mistakes are made. In the present paper we will discuss articles, verbal nouns ending in “-ing”, gerund, participles, unstable compound words and the structure of compound Russian sentences as compared to English sentences in order to show that these problems may be solved through revealing the nature of the linguistic economy Russian learners of English should grasp for the adequate understanding and studying of this foreign language.

Among the linguistic units just enumerated the absence of articles in the Russian language is the only case of linguistic economy where Russian outruns English. Russian here seems to be more sparing, and the absence of the relevant class of words in the Russian language makes it extremely problematic for Russians to learn to use English articles properly. Traditional explanations to the effect that the first mentioning of an object requires an indefinite article, while all other “mentionings” need the definite article are misleading, and this may be illustrated with the help of just three lines from a poem by Thomas Moore:

“May we never meet worst in our pilgrimage here,

Than the tear that enjoyment may gild with a smile,

And the smile that compassion can turn to a tear”.

Though the usage of “smiles” here corresponds to the above simplistic “first / non-first mentioning” pattern, with “tears” the situation is exactly the opposite. This isolated example may be treated as an exception which confirms the general rule, but the actual practice of using articles in English offers yet another and altogether different

opposition of zero versus the definite articles, which the counting of “mentionings” utterly fails to cover. To clarify the point learners should first become accustomed to reproducing examples of the right usage of articles without being bothered by the why and the wherefore. Only after some working knowledge of the realizations of the system is acquired the learners are to be given the explanation of the opposition of generalization, classification and identification manifestly unobserved in the Russian language due to its peculiar tendency towards linguistic economy in the sphere of deixis.

Both generalization and classification are opposed to identification in that they do not refer to a unique object or phenomenon opposed to a class of similar objects or phenomena [4; 12] (cf. “The communication with my parents now gives me less than the communication with my friends” and “The book I am reading now is “Hamlet” by William Shakespeare”), but name respectively a class of objects generally (“Communication is important for people, it helps them to develop”) or an object belonging to a class, but not opposed to it (“I want to read a book in English”). The choice of zero article or of the indefinite article is conditioned by whether we deal with an abstract unaccountable noun or with a concrete countable noun. Finer distinctions come when countable nouns are used to denote a class of objects as a whole, for here zero article is impossible all the same, and its function is performed by the definite or the indefinite article (“The tiger is a ferocious animal”, “A tiger is a ferocious animal”) – all this with one notable exception, when pairs of countable nouns are used for naming whole classes of concrete objects, thus acquiring zero article in phrases like “The relations between teacher and student may be somewhat stormy”, which disappears within the sentences where only one member of the original pair is retained (“Could you please repeat whose relations with the / a student are potentially stormy?”). As for forms of Plural, zero article and indefinite article merge into what may be called the

absence of an article, while the definite article retains the same characteristics we have spoken about in connection with forms of Singular.

When confronted with all these rules and exceptions and exceptions to exceptions a Russian learner is likely to appreciate the linguistic economy typical of his own native language and to hope that no more unpleasant surprises are in store for him in the process of mastering the English language – which, however, is not the case.

All the other cases of linguistic economy we are going to speak about are connected not with the Russian, but with the English language. For a speaker of Russian beginning to learn the English language the existence of the regularly realized homonymy on the level of verbal nouns ending in ‘-ing’, gerund and participles comes as a complete surprise to be marveled at, and struggled with, in the process of studying English. Modern English grammars bring these three together under the heading of “-ing forms” [13, p. 60], blurring the already complicated distinction still further. To present the linguistic material in an orderly fashion one should apply the triple criterion including semantics, the syntactic functions and combinability [3].

Participles as qualifiers of an action (e.g. “Teaching English to the beginners I noticed that ...”) are semantically easily distinguishable from nouns and gerund, while with the latter two a finer distinction is to be taken into account: an action treated as a phenomenon (e.g. “The teaching of English to beginners is not an easy task”) versus an action treated as a process (e.g. “Teaching English to beginners is a long and tortuous process”).

Syntactically the easily distinguishable cases are again participles as opposed to verbal nouns and gerund, as participles function in the capacity of parts of simple verbal predicate (“I am coming tomorrow”), attributes – often adjectivized (an alluring young lady”) and members of participial constructions (“Doing this work I realized that ...”), Absolute Participial Construction included (“He being a good man, I often turn

to him for help”). The only possible case of misunderstanding and misinterpretation here is connected with telling gerund from participle when the former is used in compound nominal predicates: cf. “I believe it is not putting it too strongly to say that...” where “is not putting” may be mistaken for the form of Present Continuous. With verbal nouns ending in “-ing” and gerund the situation is not that simple, for both are used as subjects, direct and prepositional objects, parts of compound nominal predicate and parts of adverbial modifiers. For speakers of Russian this linguistic economy is no economy at all, because in translation these syntactically similar homonyms disperse dramatically, verbal nouns being translated with the help of verbal nouns, and gerund turning not only into a Russian verbal noun, but also into the form of infinitive or of a subordinate clause proper.

The point when verbal nouns and gerund become obviously dissimilar is the level of combinability: here gerund moves decisively in the direction of Present Participle, having, in contrast to nouns, no article before and no preposition after (with the exception of cases when gerund is derived from verbs with fixed prepositions), allowing of attributes in the form of adverbs and not of adjectives and coinciding with verbal nouns only in its capacity to be preceded by demonstrative and personal pronouns.

Yet another difference between verbal nouns and gerund is morphological, as the latter may be used in forms of Perfect, Passive and Perfect Passive, which is absolutely unthinkable with nouns: cf. “Having done the work does not mean having done it properly”; “Being once asked to play the piano by ear eventually resulted in me developing useful additional skills”; “My having been taught by real professionals in my university years allowed me to get a well-paid job immediately after I graduated from the university”).

The linguistic economy in question is truly mind-boggling for a Russian learner of English, and responsible teachers working with the relatively advanced students

should not spare time and effort when trying to explain to them the difference between these three morphological classes and to teach their students to use these homonymic units appropriately and correctly, for otherwise the learner is to make mistakes for the rest of his life when using the more formal varieties of English where it is impossible to avoid using all the three “-ing forms” we have just discussed.

The next example of linguistic economy on the part of the English language, usually understood by Russian learners somewhat inadequately or not at all, is the use of unstable compound words [1; 8] like “history teaching process”. Here there is yet another misleading terminological (“nouns used as adjectives”) modern grammarians actively propagate, thus blurring the distinction between word combinations of the Adjective + Noun type and unstable compounds which are functionally similar to separate nouns, for they name just one, though complex, phenomenon, while in word combinations we have at least two semantically separate units. Not only does the semantic and structural specificity of words and word combination become blurred when the unfortunate appellation “nouns used as adjectives” is chosen; the acoustic distinction between the two turns out to be impossible to explain as well, for the presence of the unifying stress on the first element of an unstable compound word seems to be illogical if we treat it as a particular variety of attributive word combinations. As a result the learner will continue making mistakes when trying to distinguish between “a mad doctor” as an unstable compound word equivalent to “a psychiatrist”, with the unifying stress on the first element, and “a mad doctor” as an attributive word combination equivalent to “a doctor who is mad”, where both elements are stressed.

The appellation we are so critical about is unacceptable for yet another reason. Having learnt that in English there is a convenient way of avoiding the direct translation of the Russian multi-componential attributive word combinations with an accumula-

tion of substantival elements in the forms of Genitive (“обсуждение проблем перевода художественного текста») and having thus appreciated this particular manifestation of linguistic economy in English, a native speaker of Russian is likely to start producing such monsters as 1) “*the Shakespeare problem discussion participation” or even 2) “*the Shakespeare problem discussions participation” if this native speaker of Russian is aware of the unstoppable, though morphologically untenable, tendency to turn the initial root morphemes of an unstable compound word into fully-fledged words [7, c. 162].

The first variant is unacceptable for semantic reasons, the second one is even worse, for here both semantics and morphology are disregarded, though modern grammarians will see nothing wrong about it, as introducing forms of plural for the initial components of the unstable compound words has become the standard practice of the modern usage of English. Semantically both variants are highly problematic, but those who have been told that they are dealing with “nouns used as adjectives” will fail to see anything inadequate about the monstrosities we have just introduced, because potentially there is no limit to extending the chain of adjectives in such word combinations as “a big black cold uncomfortable house”. But the thing is that elements of unstable compound words are not adjectives or nouns used as adjectives, and that unstable compound words are not attributive word combinations, but words, as the term itself makes it perfectly clear. So the principles of forming attributive word combinations simply do not work when it comes to using unstable compound words.

Unstable compound words are used only when they may be proved to refer to one global semantic whole. “*The Shakespeare problem discussion participation” may be treated as such only in an over-formalized text. In all other cases the initial Russian phrase should retain its syntactic and semantic status when translated into English. Here in fact we

deal with a multi-componential word combination, not a compound word, because within it semantically isolated components are brought together: "(1) participating in (2) the discussion of (3), (4) the Shakespeare problem. If we think of including this word combination in a sentence, further reduction of nominative components will take place, if we are not speaking about a truly global notion: "I decided to participate in discussing the Shakespeare problem". However tempting, the elimination of articles and prepositions provided by unstable compound words does not correspond to the principle of linguistic economy applied at such a global scale. Unstable compound words allow of missing articles and prepositions only when a semantically indivisible whole is formed according to this productive model; in all other cases, when a combination of semantically separate units is found in the source language, it cannot be translated into English with the help of this model, and applying this particular principle of linguistic economy indiscriminately results in coining texts which sound excruciatingly un-English.

The next example of linguistic economy in English as compared to the Russian language concerns syntactic relations proper. In the absence of any observable case-system to speak of (forms of Possessive case being the only notable exception if we turn to nouns and the entire disappearance of this category if we turn to adjectives) the English language could be expected to foreground the potential of prepositional phrases and to develop free word order to make the grammatically unrelated, but semantically related elements stick together. However, the English language has found a totally unexpected variant of linguistic economy, allowing itself to retain its fixed word order and to simultaneously avoid using too many prepositions. Not immediately apparent to the native speakers of Russian, English sentences rendering a complicated idea in a detailed manner do tend to begin with grammatical subjects, occasionally preceded by an apposition or by just one – not very extended – adverbial modifier

and often followed by an apposition if it is not used before the subject. As the sentence continues, there is a tendency, when possible, not to separate a subject from its predicate by excessively long attributive constructions (either attributive subordinate clauses or participial constructions), contrary to the practice so many speakers of Russian are familiar with, and to the principles they adhere to, when they use their own language. Coordination in English in so many cases is preferable to subordination, which leads to reconsidering the role of the cause-and-effect relations (as rendered with the help of conjunctions), whose expression a Russian speaker is prepared to find in a Russian text and whose considerable reduction is a surprise for him when he is dealing with texts written or pronounced in English.

Conclusion

By way of conclusion we would like to say that in English side by side with the structurally transparent manifestations of the principle of linguistic economy (conversion as a popular model in word formation, for example) there are not very obvious cases of linguistic economy displayed on the morphological, morphosyntactic and syntactic levels of the organization of this language. To enable a Russian learner of English to use this foreign language correctly teachers should become aware of the fact that these instances of linguistic economy in English are not just a matter of high linguistic theory completely irrelevant for the practice of language teaching. These cases of linguistic economy very different from what one may find in Russian occur in English with startling regularity and thus cannot be ignored. If a teacher thinks that the students at a certain moment of their linguistic development are unable to comprehend the consequences of this linguistic economy and the existing objective differences between the two languages, the proper explanation of what the students are confronted with may be postponed for a while, but not forever. The explanations may be complicated, but they must be there all

the same, for otherwise even advanced students will keep making mistakes and get frustrated at their inability to use the English language confidently and correctly.

Дата поступления в редакцию 19.04.2023

REFERENCES

1. Akhmanova O. S. *O razgranichenii slova i slovosochetaniya: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [On the distinction between words and phrases: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1956. 37 p.
2. Akhrenova N. A. [Communication as the home of internet discourse]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the State University of Humanities and Social Studies], 2020, no. 4 (40), pp. 59–65.
3. Gvishiani N. B. *Polifunktional'nyye slova v yazyke i rechi* [Multifunctional words in language and speech]. Moscow, LENAND Publ., 2019. 200 p.
4. Gorbunova E. V. [The article in communicative situations]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2017, no. 4, pp. 50–57. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-50-57.
5. Zenenko N. V. [Varieties of the categories and classification of parts of speech in a language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 3-2, pp. 34–41. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-34-41.
6. Karasik V. I. [Evaluative asymmetry of a partial quality]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2023, no. 2, pp. 62–70. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-62-70.
7. Lipgart A. A. [Learning a language for special purposes: theory and practice]. In: *Aleksandrovskiy sbornik: sbornik nauchnykh statey k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Olgi Viktorovny Aleksandrovoy* [Alexander's collection: a collection of scientific articles for the anniversary of Doctor of Philology, Professor Olga Viktorovna Alexandrova]. Moscow, Nauka Publ., 2022, pp. 154–163.
8. Morozova A. N., Vlasova L. I. [Considering the issue of structural and semantic description of unstable compounds (based on the English 'feature' texts of media discourse)]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2016, no. 8 (112), pp. 167–172 (accessed: 15.03.2023).
9. Mukovskii O. L. *Deiksis i anafora v russkom, angliiskom i ispanskom yazykakh: diss. ... kand. filol. nauk* [Deixis and anaphora in Russian, English and Spanish: PhD thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2015. 185 p.
10. Smirnitckiy A. I. *Sintaksis angliyskogo yazyka* [Syntax of the English language]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1957. 286 p.
11. Chupryna O. G. [Age names based on opposition 'young - old' in the English and Russian languages and discourses]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 1, pp. 130–137. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-130-137.
12. Dolgina E. A. Cognitive-grammatical Categorization and Article Forms of Nouns in English. In: *Language and Education*, 2018, vol. 32, iss. 6 (2), pp. 843–853.
13. Hewings M. *Advanced Grammar in Use. A Self-study Reference and Practice Book for Advanced Learners of English*; 3rd edition. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 294 p.
14. Martinet A. *Éléments de linguistique générale*. Available at: <https://archive.org/details/ElmentsDeLinguistiqueGGnraleAndrnMartinet/mode/2up> (accessed: 15.03.2023).
15. Minyar-Beloroucheva A. P., Sergienko P. I., Vishnyakova E. A., Vishnyakova O. D. Semantic and Cognitive Communicative Aspects of Abbreviation in the Modern English Discourse Varieties. In: *International Journal of English Linguistics*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 26–36. DOI: 10.5539/ijel.v10n1p26.
16. Vishnyakova O. D. Discursive and Heuristic Approaches to LSP. In: *Language, Literature and Culture as Domains of Intercultural Communication: The Fifth and Sixth International Scientific Seminars Proceedings*. Pilsen, Czech Republic, University of West Bohemia in Pilsen, 2019, pp. 20–24.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. О разграничении слова и словосочетания: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1956. 37 с.
2. Ахренова Н. А. Коммуникация как область бытования интернет-дискурса // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2020. № 4 (40). С. 59–65.
3. Гвишиани Н. Б. Полифункциональные слова в языке и речи: учебное пособие; 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2019. 200 с.
4. Горбунова Е. В. Артикль в ситуациях общения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 50–57. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-50-57.
5. Зененко Н. В. Категориальная вариативность и частеречная классификация в языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-2. С. 34–41. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-34-41.
6. Карасик В. И. Оценочная асимметричность частного качества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 62–70. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-62-70.
7. Липгарт А. А. Изучение языка для специальных целей: теория и практика // Александровский сборник: сборник научных статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Викторовны Александровой. М.: Наука, 2022. С. 154–163.
8. Морозова А. Н., Власова Л. И. К проблеме описания структурно-семантических характеристик нестойкого сложного слова (на материале англоязычного медийного дискурса) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 8 (112). С. 167–172 (дата обращения: 15.03.2023).
9. Муковский О. Л. Дейксис и анафора в русском, английском и испанском языках: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 185 с.
10. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. 286 с.
11. Чупрына О. Г. Особенности номинации по признаку молодой – старый в языке и дискурсе (на материале английского и русского языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. С. 130–137. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-130-137.
12. Dolgina E. A. Cognitive-grammatical Categorization and Article Forms of Nouns in English // Language and Education. 2018. Vol. 32. Iss. 6 (2). P. 843–853.
13. Hewings M. Advanced Grammar in Use. A Self-study Reference and Practice Book for Advanced Learners of English; 3rd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 294 p.
14. Martinet A. Éléments de linguistique générale [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/ElémentsDeLinguistiqueGGnraleAndrnMartinet/mode/2up> (дата обращения: 15.03.2023).
15. Semantic and Cognitive Communicative Aspects of Abbreviation in the Modern English Discourse Varieties / A. P. Minyar-Beloroucheva, P. I. Sergienko, E. A. Vishnyakova, O. D. Vishnyakova // International Journal of English Linguistics. 2020. Vol. 10. № 1. P. 26–36. DOI: 10.5539/ijel.v10n1p26.
16. Vishnyakova O. D. Discursive and Heuristic Approaches to LSP // Language, Literature and Culture as Domains of Intercultural Communication: The Fifth and Sixth International Scientific Seminars Proceedings. Pilsen, Czech Republic: University of West Bohemia in Pilsen, 2019. P. 20–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липгарт Андрей Александрович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: a_lipgart@mail.ru;

Вишнякова Елизавета Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: vishnyalis@yandex.ru;

Самборук Людмила Александровна – преподаватель кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева;
e-mail: lsamboruk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey A. Lipgart – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of English Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: a_lipgart@mail.ru;

Elizaveta A. Vishnyakova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of the English language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
e-mail: vishnyalis@yandex.ru;

Liudmila A. Samboruk – Lecturer, Department of English philology, Samara National Research University;
e-mail: lsamboruk@mail.ru

FOR CITATION

Lipgart A. A., Vishnyakova E. A., Samboruk L. A. Linguistic economy and teaching English to Russian-speaking audience. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 63–72.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-63-72

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Липгарт А. А., Вишнякова Е. А., Самборук Л. А. Языковая экономия в обучении английскому языку русскоязычной аудитории // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 63–72.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-63-72

УДК: 81-13

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-73-86

МЕДИАНАРРАТИВ «АЗИАТСКИЙ ВЕК» СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАРРАТИВОВ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Николаева О. В.*Дальневосточный федеральный университет**690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установление роли национальных нарративов в формировании разных сюжетов современного медианарратива «Азиатский Век» на Востоке и на Западе.

Процедура и методы. В исследовании применён лингвонарративный метод, выполненный на основе контрастного сопоставления языковой реализации медианарратива “Asian Century” в современных англоязычных СМИ Запада и Востока, а также диахронного сопоставления национальных нарративов для объяснения причин развития разных сюжетов медианарратива “Asian Century” на Востоке и на Западе. Англоязычный медианарратив «Азиатский Век» как современное явление (синхронного порядка) изучен в синхронно-диахронном измерении для объяснения как его целостности, так и множественности его проявлений.

Результаты. Определены системы парадигматических рядов функционирования темпорального онима *Asian Century* в англоязычных медиатекстах Востока и Запада. Выявлены хронотопные схемы, в которых реализуется англоязычный медианарратив “Asian Century”. Доказаны сюжетные различия развития англоязычного медианарратива “Asian Century” между Востоком и Западом на фоне различий национальных нарративов. Изучение мифологического кода, заложенного в текстуру англоязычного медианарратива «Азиатский Век», выявило глубинные причины расхождений в прогнозировании Глобального Будущего на Востоке и на Западе. Медианарратив «Азиатский Век» показал многосюжетность вследствие существенных различий восприятия хронотопной схемы «Прошлое – Настоящее – Будущее» в странах Востока и Запада.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в развитии методологии и методики сравнительно-сопоставительной лингвонарратологии применительно к медиатекстам. Практическая ценность состоит в возможности использования результатов в практике межкультурной коммуникации и практике перевода.

Ключевые слова: «Азиатский век», дискурс, медианарратив, мифологический код, национальный нарратив, семиотика смыслообразования

THE “ASIAN CENTURY” MEDIA NARRATIVE THROUGH THE LENS OF NATIONAL NARRATIVES OF THE EAST AND THE WEST

O. Nikolaeva*Far Eastern Federal University**Ajax 10, ostrov Russky, Vladivostok 690922, Primorye territory, Russian Federation*

Abstract

Aim. To state the role of national narratives of the East and the West in forming the multi-plot scenario of the modern “Asian Century” media narrative.

Methodology. The research was carried out based on a contrastive linguistic analysis of the “Asian Century” media narrative in the English-language media of the West and East, as well as a diachronic comparison of national narratives to explain the reasons for the development of different plots of the “Asian Century” media narrative in the East and in the West. The English-language media narrative “Asian Century” as a modern phenomenon has been studied in a synchronous-diachronic dimension to explain both its integrity and the multiplicity of its manifestations.

Results. The paradigmatic series of the temporal name ‘*Asian Century*’ in the media texts of the East and West were determined. Chronotopic schemes in which the media narrative “Asian Century” is implemented were revealed. The scenario differences of the media narrative “Asian Century” between East and West were proved against the background of differences in national narratives. The study of the mythological code embedded in the texture of the English-language media narrative “Asian Century” revealed the underlying causes of discrepancies in forecasting the Global Future in the East and in the West. The media narrative “Asian Century” showed multiple plots due to significant differences in the perception of the chronotopic scheme “Past – Present – Future” in the countries of the East and West.

Research implications. The theoretical significance lies in the development of the methodology of comparative linguistic narratology in relation to media texts. The practical value lies in the possibility of using the results in the practice of intercultural communication and translation.

Keywords: Asian Century, discourse, media narrative, mythological code, national narrative, semiotics of meaning formation

Введение

Актуальность проблемы концептуализации и прогнозирования глобального будущего обуславливает её непрерывное аспектное и системно-междисциплинарное изучение. В настоящем исследовании в рамках данного проблемного поля выполнен анализ различий в восприятии глобального будущего на Востоке и на Западе на материале англоязычных медиатекстов с применением лингвонарративного подхода.

Концепт глобального будущего на перспективу текущего столетия отражает в умах современного человечества феномен поворота на Восток, в направлении восточно-азиатского вектора. Медиатексты фиксируют формирование соответствующих темпоральных онимов, включённых в разные парадигматические ряды (например, *Asian Era* – *Asian Century* – *Asian Moment*), и демонстрируют транстекстуальность данных имён, обеспечивающих связность медианарратива. Тексты статей на данную тему в средствах массовой информации и массовой коммуникации объединяют все интерпретации политико-экономиче-

ского будущего XXI века в одну, хотя и весьма многосюжетную, композицию с уже вполне определёнными главными и второстепенными персонажами.

На фоне общемировой дискурсивной рефлексии на тему глобального развития мира в сторону Азии (*Asian pivot*) и вступления мира в «Азиатский Век» (*Asian Century*) концепт глобального будущего XXI века на Востоке и на Западе является разновекторным, отражающим разные процессы смыслопорождения и передающим разные до противоположности смыслы.

Целью исследования является установление роли национальных нарративов в формировании разных сюжетов современного медианарратива «Азиатский Век» на Востоке и на Западе.

Задачи включают:

- определение системы парадигматических рядов функционирования темпорального онима *Asian Century* в англоязычных медиатекстах Востока и Запада;
- определение хронотопных схем, в которых реализуется англоязычный медианарратив “Asian Century”;

– выявление сюжетных различий развития англоязычного медианарратива “Asian Century” между Востоком и Западом на фоне различий национальных нарративов.

Материалом для исследования послужили медиатексты первой четверти XXI века на английском языке из периодических изданий стран Востока (Китай, Индии, Японии) и Запада (США, Великобритании и Европы). Источники материала включают следующие издания: The Diplomat, The Guardian, The Daily Guardian, The Washington Post, The Globe and Mail, the New York Times, The China Daily, The Global Times, The Japan Times, The Nikkei Asia и другие.

Объектом исследования являются разноуровневые языковые единицы (лексема, воспроизводимые и свободные сочетания, фрагменты текста), формирующие языковую и смысловую текстуру медианарратива «Азиатский Век» в англоязычных медиатекстах на Востоке и на Западе.

Предмет исследования составляют языковые и смысловые различия медианарратива «Азиатский Век» в англоязычных медиатекстах на Востоке и на Западе.

В исследовании использован лингво-нарративный метод и синхронно-диахронный подход, включающие последовательность нескольких процедур. В ходе исследования было выполнено контрастное сопоставление языковой реализации медианарратива “Asian Century” в англоязычных СМИ Запада и Востока.

На первом этапе произведён анализ медиатекстов с транстекстуальными онимами *Asian Era / Asian Century / Asian Moment*. Из медиатекстов были выделены парадигматические ряды воспроизводимых в неизменном виде сочетаний, например, *American Century – Asian Century – Nobody’s Century*. Критерии для классификации парадигматических рядов включали, прежде всего, временной и пространственный, а также аксиологический и идеологический.

На основании данных парадигматических рядов темпоральных онимов (темпоронимов) были выявлены разные хронотопные схемы, которые идентифицировались как основы разных сюжетов медианарратива “Asian Century”.

Для осмысления и установления причин разных хронотопных схем и разных сюжетов медианарратива “Asian Century” на Востоке и на Западе был привлечён анализ национальных нарративов и нарративных шаблонов, создающих привычные в рамках разных культур установки мышления и смыслопорождения.

Методология синхронно-диахронного анализа медианарратива «Азиатский Век»

Лингвистика нарратива или лингво-нарратология является достаточно молодым направлением, занимающимся исследованием структурно-смысловых формальных и содержательных аспектов повествовательных видов текста [1; 3; 5; 6; 7]. Сформировавшись на основе трудов М. М. Бахтина, Ц. Тодорова, У. Лабова, В. Шмида и других исследователей [2; 10; 12; 14], направление лингвистики нарратива не ограничивается рамками изучения только художественного произведения. Нарративами в широком смысле называют разные типы текстов повествовательного характера, основанные на авторском рассказе о некоем событии [6]. К их числу относят как письменные, так и устные рассказы, создаваемые в разных сферах коммуникации, в том числе в интернет-коммуникации, социомедиа (блогах) или массмедиа [5].

В процессе развития лингвистики нарратива возникла необходимость систематизации видов и типов таких повествовательных текстов. Так, можно определённо говорить о выделении категории медианарратива и его подвидов, например, мультимедийного журналистского медианарратива [4], новостного медианарратива [6] и других [11]. В данном исследовании медианарратив трактует-

ся как совокупность тематически объединённых медиатекстов, которые через призму авторского восприятия причинно-следственных связей описывают событие глобального разворота мира в сторону Азии.

Медианарратив «Азиатский Век» является современным феноменом СМИ, и со стороны его очевидного проявления это образование синхронного порядка. Однако, поскольку восприятие будущего как «Азиатского Века» выстраивает собой всю событийную линию «Прошлое – Настоящее – Будущее» и не может рассматриваться вне данной хронологической схемы, применение синхронно-диахронного подхода не только оправданно, но и необходимо. О. Ф. Русакова и С. П. Фатихов отмечают, что «диахронность означает подход к предмету через «временные ряды», рассмотрение его в динамике, в контексте исторических ритмов, переходов, поворотных моментов, смены эпох и событийных рядов» [8, с. 123].

Фактически медианарратив «Азиатский Век» является отражением моделирования исторического бытия цивилизации. Изучение таких моделей выполнялось в рамках ряда гуманитарных и социальных наук, выявлялись неустойчивые, кратковременные образования и структуры большой длительности [8, с. 123–124].

Таким образом, важнейшей методологической установкой настоящего исследования является применение синхронно-диахронного подхода, т. е. признание историко-культурной обусловленности медианарратива «Азиатский Век» и выявление особенностей его современной медийной сущности.

Процесс медийного текстообразования обладает рядом черт, отличающих его от текстопорождения в других сферах. Принцип интенционального убеждения и установка на потенциальную детерминацию общественного поведения, традиционно заложенные в медиатекст, находят новые пути реализации, избегая

прямых директив в пользу приёмов косвенного воздействия на читателя, «подсказывающих» ему его «самостоятельный» выбор.

Смыслообразование в современных медиа часто происходит в форме повествовательного нарратива, который уже можно считать сложившейся коммуникативной технологией. Нарратив, являясь фикциональным текстом, не претендует на фактологическую документальность, допускает авторскую интерпретацию событий, индивидуальную трактовку их последовательности и значимости. Нарратив находит путь к сердцу читателя через авторский рассказ о событиях и, вкупе с художественной ценностью, является действенной силой реализации замысла.

При этом нарративная технология отличается от эксплицитной персуазивности и не включает явных перформативных высказываний. Для получателя информации нарративы становятся шаблонами для «самостоятельных» суждений¹. Являясь средством «разгерметизации» текста [1], нарратив открывает для читателя путь к сопереживанию героям и соучастию в событиях. С его фабулой, интригой, кульминацией, развязкой нарратив придаёт и предлагает конечный смысл и завершённость излагаемым событиям [12].

Дж. Верч считает, что в каждом обществе есть свои национальные нарративные шаблоны, которые рожают ментальные стереотипы и быстрые автоматические суждения². Автор пишет: «Вместо того чтобы осмотрительно и осознанно отбирать подходящий сюжет, способный придать смысл тому или иному событию, мы автоматически попадаем

¹ См.: Дебаты: Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти [Электронный ресурс] // ГЕФТЕР: [сайт]. URL: <http://gefeter.ru/archive/24775> (дата обращения: 15.12.2022). Далее: Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти.

² См.: Дебаты: Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти.

под влияние нарративного шаблона, который уверяет нас, что события развиваются согласно его предписаниям»¹.

Ю. А. Сафронова также отмечает, что представители национального мнемонического сообщества не свободны от власти своих нарративов [9] и используют их для быстрых решений. Вот почему в пространстве медиаинформации готовое решение в форме вполне привычного нарративного шаблона является нормой как для автора медиаматериала, так и для его читателя-соотечественника. Медиа-нарратив, отражающий национальный нарративный шаблон, попадает на благодатную почву уже подготовленного восприятия. Поэтому нарратив может быть весьма эффективной формой воздействия на массовое сознание. Интерпретация национальных нарративов (сказок, мифов, сказаний) позволяет выявить природу этнокультурной ментальности [3], а изучение разнообразных медианарративов – специфику массового сознания.

Так, например, американские политики пишут о главном американском нарративном шаблоне “City upon a Hill” (Город-на-Холме, который, по их убеждению, как оплот демократии несёт свет всему миру). Выражение является интертекстом, заимствованным в ретражированный сюжет об американской исключительности, избранности и предопределении из Библии, Евангелия от Матфея, гл. 5 стр. 14 (часть Нагорной проповеди Иисуса Христа).

С. Е. Эрлих в дебатах по обсуждению работы Дж. Верча пишет, что этот нарратив является оправданием для США в их стремлении навязывать другим свои идеи и политическое устройство, шаблон нации, которая преимущественно занимается внешней экспансией².

Дж. Верч считает, что поиск подходящего нарратива ведётся в националь-

ном масштабе и может трактоваться как национальный проект и национальная идея. Примером национального нарративного шаблона в России он называет «Изгнание чужеземного врага»³ и считает, что именно он является моделью для автоматических суждений в России.

Александр Проханов, российский писатель и общественный деятель, называет русской национальной идеей достижение Царствия Небесного, стремления к Миру, к Свету, назвав эту идею «Храм-на-Холме» в противовес американскому ментальному шаблону «Города-на-Холме»⁴.

В китайской национальной памяти, согласно Э. Кауфман⁵, Т. Йохо⁶ и Дж. Верчу⁷, специфическим нарративом является история о событиях от начала опиумных войн (1839) до провозглашения Китайской народной республики (1949), получившая название «Века унижения» (Century of Humiliation). Так, Э. Кауфман пишет: “the “Century of Humilia-

³ См.: Дебаты: Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти.

⁴ См.: Проханов: русская мечта – это храм на холме [Электронный ресурс] // ИА Красная Весна : [сайт]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/ba39a44b> (дата обращения: 15.12.2022).

⁵ Kaufman A. A. The “Century of Humiliation” and China’s National Narratives : Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. Hearing on “China’s Narratives Regarding National Security Policy” (March 10, 2011) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/3.10.11Kaufman.pdf> (дата обращения: 15.12.2022). Далее: Kaufman A. A. The “Century of Humiliation” and China’s National Narratives.

⁶ Yoho T. S. China’s Second Century of Humiliation [Электронный ресурс] // The Diplomat : [сайт]. URL: <https://thediplomat.com/2018/06/chinas-second-century-of-humiliation> (дата обращения: 15.12.2022). Далее: Yoho T. S. China’s Second Century of Humiliation.

⁷ Эрлих С. Джеймс Верч: «Извне национального сообщества легче увидеть иные моменты, плохо заметные изнутри» [Электронный ресурс] // Историческая экспертиза : [сайт]. URL: <https://www.istorex.org/post/джеймс-верч-извне-национального-сообщества-легче-увидеть-иные-моменты-плохо-заметные-изнутри> (дата обращения: 15.12.2022).

¹ См.: Дебаты: Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти.

² Там же.

tion" ... when China's government lost control over large portions of its territory at the hands of foreigners – is a key element of modern China's founding narrative"¹. («Век унижения» ... когда Китай потерял контроль над значительной частью своей территории по вине иностранцев – это ключевой элемент национального нарратива современного Китая².)

Национальные нарративы вступают во взаимодействие и противодействие между собой. По мнению Дж. Верча, когда национальные нарративные шаблоны различаются, «возникают несовместимые представления о том, “что произошло на самом деле”»³. Так, заимствование библейского образа Города на вершине холма представляется манипуляцией сознанием не только американцев, но и других народов. В нём содержится аллюзия на Священное Писание с целью достижения неоспоримости образа и его исключительного права быть принятым всеми, оправдания всех действий.

В настоящем исследовании изучение взаимодействия национальных нарративов и медианарратива представляет сущность синхронно-диахронного подхода.

Языковая реализация разносюжетного медианарратива “Asian Century” в англоязычных СМИ Запада и Востока

Национальные нарративы и их взаимодействие формируют в мировых СМИ вариации на тему будущего мира XXI века, состоящие из тематически соответствующих, хоть и мозаичных повествований с авторским восприятием и оценкой событий.

Нарратив придаёт завершённость событиям прошлого, но в то же время Дж. Верч говорит о «нарративном поиске» как проекте, направляющем мыш-

ление в сторону будущего. Создание конструкта будущего является той необходимой концовкой сюжета прошлого и настоящего, которая придаёт смысл всем предшествующим событиям, формирует фабулу и оформляет нарратив.

В англоязычных медиатекстах первой четверти XXI века разворачивается нарративный сценарий будущего мира как «Азиатского Века» – “Asian Century”. Идентификация века в жизни человечества и выделение его под единым наименованием отражает этапность истории и сменяющие друг друга эпохи. Расцвет экономики и культуры, политическое доминирование в мире является критерием в определении временных эпох.

Концептуализация будущего XXI века так или иначе обусловлена реальным настоящим, поэтому собирательный образ, несмотря на сдерживание и противодействие, уложился в сценарий XXI века как «Азиатского Века». Параг Ханна, автор книги «Будущее за Азией» (The Future Is Asian) пишет: “... in the 19th century, the world was Europeanized. In the 20th century, it was Americanized. Now, in the 21st century, the world is being irreversibly Asianized” [13]. (В XIX веке мир был европеизирован, в XX веке – американизирован, а в XXI веке, мир необратимо азиатизируется.)

Разные парадигматические ряды темпоральных онимов формируют свою фабулу, свой концепт прошлого и настоящего и свой конструкт будущего. Концепт «схватывает» то, что уже существует в сознании, и в совокупности медийных текстов выступает коллективным собирательным. Конструкт в медийных текстах интенционален, создаётся для читателя с целью формирования общественного мнения. Когнитивно-прагматическое конструирование глобального будущего представляет собой идеологически и аксиологически обусловленное смыслопорождение.

Например, следующая парадигма демонстрирует процесс смыслообразования в рамках сценария реванша, восста-

¹ Kaufman A. A. The “Century of Humiliation” and China's National Narratives.

² Здесь и далее перевод автора статьи – О. Н.

³ См.: Дебаты: Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти.

новления исторической справедливости и возрождения Китая:

The Century of Humiliation – The Era of ‘great rejuvenation’ in China.

Данные онимы являются рекуррентными, транстекстуальными, формирующими новую главу в национальном нарративе Китая – *The era chapter of the great rejuvenation of the Chinese nation*¹. Конструкт будущего выстраивается как Эра возрождения / омоложения нации (*The Era of ‘great rejuvenation’ in China*).

Формирование такого конструкта происходит на основе национальных исторических нарративов, китайской ментальности, циклического восприятия времени, идеи о постоянной изменчивости соотношения противоборствующих сил, конфуцианского терпения нации. Всё это необходимо иметь в виду для того, чтобы адекватно оценить конструкт будущего в восприятии Китая именно как Возрождения нации, а не подъёма или взлёта².

Другая парадигма онимов (*Sinocentric Era – China-centric era – China-centered century – A China-centric 21st century*) акцентирует нарративы о синоцентричной эре в истории Восточной Азии с иерархической системой отношений, эре подчинения окружающих государств китайскому императору. Данная парадигма актуализирует сценарий утрашения стран Азии перед новой угрозой возрождения прежнего Китаецентричного миропорядка в XXI веке.

В указанном случае очевидна приверженность автора американскому национальному нарративу “City upon a Hill” (Город-на-Холме) и дальнейшая трансляция этого ментального шаблона. Роль гегемона, сценарий подчинения является в Соединённых Штатах привычным шаблоном мышления для автоматических суждений в отношении других стран. Соединённые Штаты смотрят на мир через оптические стёкла своего национального нарратива: “*the United States ... has the most to lose in being displaced from its position at the top of the hierarchy*”³. (Соединённые Штаты ... больше всего могут потерять, будучи смещёнными со своего положения на вершине иерархии.)

Согласимся с тем, что национальный нарративный шаблон является ядром коллективной памяти общества, а поэтому следует учесть, что во власти национальных нарративных шаблонов находятся и сами создатели разнообразных медианарративов, используя именно эти свои шаблоны для суждений о других сообществах.

Симбиоз страха и сдерживания Китая порождают новые парадигмы темпоральных онимов в западных СМИ. Приведём ещё одну парадигму темпоральных онимов:

Century of Humiliation – China’s Second Century of Humiliation / A new century of shame.

В этом парадигматическом ряду закодирован сценарий угрозы уже не для стран Азии, а для самого Китая в рамках манипуляции национальным нарративом “*The Century of Humiliation*”: “*The conduct of Xi Jinping and the CCP will ultimately bring China a new century of shame*”⁴. (Поведение Си Цзиньпина и КПК в конечном счёте принесёт Китаю новое столетие позора.)

³ Sullivan J. Trapped by Thucydides? Updating the strategic canon for a sinocentric era [Электронный ресурс] // War on the Rocks: [сайт]. URL: <https://warontherocks.com/2020/12/trapped-by-thucydides-updating-the-strategic-canon-for-a-sinocentric-era> (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ См.: Yoho T. S. China’s Second Century of Humiliation.

¹ Xu Dan. Jointly compose the era chapter of the great rejuvenation of the Chinese nation – China Daily [Электронный ресурс] // Breaking Latest News: [сайт]. URL: <https://www.breakinglatest.news/news/jointly-compose-the-era-chapter-of-the-great-rejuvenation-of-the-chinese-nation-china-daily/> (дата обращения: 15.12.2022).

² См.: Rise or Resurgence? China’s ‘Century of Humiliation’ and the Role of Historical Memory in Contemporary China // European Foundation for South Asian Studies (EFSAS). Amsterdam, March 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efsas.org/publications/study-papers/rise-or-resurgence-china’s-and-the-role-of-historical-memory-in-contemporary-china/> (дата обращения: 15.12.2022).

В данном случае создатели нарратива манипулируют национальным китайским нарративом «Век унижения», при этом угроза создаётся в свете характеристики коллективистской культуры Китая как культуры стыда с центральным концептом «потери лица» в международном сообществе.

Если сопоставить только эти три приведённые парадигмы темпоральных онимов, то нетрудно увидеть три разных сюжета нарратива «Азиатский Век» и три конструкта будущего, придающих завершенность этому нарративу:

1) Азиатский Век – как возрождение и омоложение Китая;

2) Азиатский Век – как угроза возращения гегемонии Китая и синоцентричного порядка в Азии, подчинения Китаю других стран;

3) Азиатский Век – как угроза для самого Китая наступлением еще одного века унижения и стыда в глазах международного сообщества.

Таким образом, объединяющим стержнем медианарратива на тему будущего мира XXI века как Азиатского Века является, с одной стороны, общее признание эпохальной событийности феномена, с другой – стремление не только зафиксировать смысловой срез концепта глобального будущего, но и создать конструкт глобального будущего. Целью является перформативное влияние на международное сообщество на восприятие настоящего и поведения в настоящем, чтобы скорректировать будущее. Медианарратив “Asian Century” в англоязычных текстах СМИ проявляется как разносюжетный на Востоке и на Западе, передающий разные смыслы.

Смыслообразование реализуют несколько семиотических планов (временной, пространственный, мифологический, идеологический, духовно-ценностный), выраженные в языковом отношении в соответствующих им парадигматических рядах.

Пространственно-временной код, как показали примеры, пронизывает весь медианарратив и является средством его связности, отражая осмысление прошлого, настоящего и будущего в категориях центричности глобальных процессов. Семиотика пространства и времени, передавая разные смыслы, создаёт разные парадигмы.

Помимо уже названных, в англоязычном медианарративе «Азиатский Век» рекуррентными и транстекстуальными являются и другие парадигмы темпоральных онимов, которые демонстрируют попытки создать свои конструкты будущего:

(1) Britain's Imperial Century (XIX в.) – American Century (XX в.) – Asian Century (XXI в.);

(2) American Century – Chimerica century – Chinese Century;

(3) Indian Century – Chinese Century – ChinIndia century (Indochina, Brother Enemy);

(4) Asian Century – Afro-Asian Century;

(5) American Century – Asian Century – Nobody's Century;

(6) Post-American Era – Multi-polar Century;

(7) Asian Era – Asian Century – Asian Moment.

Смыслопорождение в рамках нарратива “Asian Century” на Востоке и на Западе происходит по-разному, исходя из идеологических и аксиологических доминант при осмыслении происходящего в мире. Пространственно-временной код соединяется с духовно-ценностным и идеологическим кодами и формирует парадигмы, передающие разные сценарии.

Мифологический код встраивается в медианарратив “Asian Century” посредством сказкоподобных вставок со злодеями и героями. При этом следует подчеркнуть, что применение собственно сказкоподобных технологий характерно и для восточных, и для западных СМИ. В восточных СМИ используются притчи, мифы, описания жизни мудрых, выдерж-

ки и афоризмы из их учений. В западных СМИ преобладают сюжеты волшебных сказок, переосмысление фрагментов из Библии.

Сказка по определению призвана побуждать добро и справедливость, в ней всегда побеждает герой. Возможно, исходя из принятой на себя роли Учителя, Запад использует «сказкотерапию» для наставления заблудшей души на путь истинный.

Именно западные политики и писатели-журналисты склонны подавать информацию в доступных для среднего читателя и не исключающих свободную интерпретацию сказочных сюжетах, используя такие категории, как *tale*, *myth*, *narrative*, *scenario*, *fantasies* (сказка, миф, история о чём-то, сценарий, сюжет, повествование, фэнтези).

Так, например, национальный китайский нарратив описывается иронично как сказка или былина об утрате и возврате / выкупе: *"This tale of loss and redemption, in which modern China was forged out of a crucible of suffering and shame at the hands of foreign powers, has become part of the PRC's founding narrative"*. (Эта история о потерях и искуплении, в которой современный Китай был выкован в горниле страданий и позора от рук иностранных держав, стала частью истории основания КНР.).

Героем в этой сказке не без иронии выступает Китай, прошедший через горнило страданий и стыда. Образ злодея не персонифицирован, хотя доподлинно известен, обозначен обобщённо *foreign powers* и тоже подан с иронией.

Следует обратить внимание на лексический выбор в американских источниках. Указанная в данном примере категория (*loss and redemption*) имеет двоякий смысл. Во-первых, выражение *loss and redemption* трактуется «Век унижения» и его финал в материальных категориях утра-

ты и выкупа. Во-вторых, выбор в пользу концепта *redemption* содержит ещё одну глубокую аллюзию. Одним из значений лексемы *redemption* является: искупление грехов / *christianity: salvation from sin*. Здесь есть претензия на истинность трактовок и тонкая аллюзия на греховность. Напомним, что в китайских источниках используется концепт *rejuvenation* / омоложение, возрождение², рождающий совершенно иные аллюзии.

Одна из версий медианарратива "Asian Century" рисует сюжет под названием *"The Rise And Fall Of Chimerica"* / «Взлёт и падение Кимерики»³. Сказка основана на вымышленном образе симбиотического слияния Китая и Америки, названном Н. Фергюсоном и М. Шулариком *Кимерикой* [15]. С аллюзией на Химеру из греческой мифологии образ передаёт идею несбыточности, фантазии.

Джейкоб Дрейер, автор сказочного сюжета *"The Rise And Fall Of Chimerica"* («Взлёт и падение Кимерики»), рассказывает историю так: *"Once upon a time, there was an enchanted kingdom called Chimerica, with a beautiful capital known to residents and visitors alike as "Magic City" ("魔都"). The streets of Magic City were leafy and green, the people beautiful, their minds filled with visions. A city of water, rain and shadows, for some 30 years this Atlantis rose above the waves of the Pacific, the vast ocean on its doorstep. Fantastic wealth poured in from all over the world to the city's banks and businesses, and skyscrapers were flung into the sky ... For those three decades, planet China revolved around a mysterious sun – the United States. Cunning, baffling and powerful,*

¹ Kaufman A. A. The "Century of Humiliation" and China's National Narratives.

² Wight J. Xi Jinping Declares Era of 'National Rejuvenation' in China [Электронный ресурс] // Astute News : [сайт]. URL: <https://astutenews.com/2017/10/xi-jinping-declares-era-of-national-rejuvenation-in-china/> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Dreyer J. The Rise And Fall Of Chimerica [Электронный ресурс] // Noema : [сайт]. URL: <https://www.noemamag.com/the-rise-and-fall-of-chimerica> (дата обращения: 15.12.2022). Далее – Dreyer J. The Rise And Fall Of Chimerica.

*America*¹. (Давным-давно существовало заколдованное королевство под названием Химерика с прекрасной столицей, известной как жителям, так и гостям города, как “Волшебный город” (“魔都”). Улицы Волшебного города были покрыты листвою и зеленью, люди прекрасны, их умы полны видений. Город воды, дождя и теней, в течение примерно 30 лет эта Атлантида возвышалась над волнами Тихого океана, бескрайнего океана у её порога. Фантастические богатства стекались со всего мира в городские банки и предприятия, а небоскрёбы взлетали в небо ... В течение этих трёх десятилетий планета Китай вращалась вокруг таинственного солнца – Соединённых Штатов. Хитрая, сбивающая с толку и могущественная Америка.)

Атрибуты волшебной сказки реализуются за счёт олицетворения (*cunning, baffling and powerful, America*), образов героев и злодеев, магических предметов (*planet China revolved around a mysterious sun – the United States*), фантастических сцен цветущих городов (*The streets of Magic City were leafy and green*) и волшебных царств (*an enchanted kingdom called Chimerica*).

Здесь есть коварство, обман и интрига. Согласно данной истории Америка стала для Китая Учителем, а в восточном восприятии Учитель – Мудрец, образец для подражания: “... *one of those nations which do not seem to be an integral part of the human race, but exist only in order to teach some great lesson*”² (одна из тех наций, которые, кажется, не являются неотъемлемой частью человеческой расы, а существуют только для того, чтобы преподавать какой-то великий урок).

Стремясь во всем повиноваться Учителю, китайские элиты добровольно уступили контроль над своим национальным нарративом иностранной нации: “*Chinese elites voluntarily ceded control of their na-*

tional narrative to a foreign nation, and they internalized the ideas and forms that the other society cherished”³.

Однако, как и во всякой сказке, обман раскрылся, и наступило прозрение. В развязке сюжета восточное восприятие самих себя глазами коллективного Другого (Американского Другого) через универсальные ценности Запада было лишь моментом в становлении Азии.

Тем не менее, как и во всякой сказке, здесь есть и мораль-предупреждение. Автор подсказывает «самостоятельный» выбор противопоставляющим предостережением: “*For decades, America gave China a vision of future prosperity. But today, America has mostly ceased to offer a model for China or anywhere else, leaving China’s leaders without a guide as they chart a course into a future filled with potential turmoil*”⁴. (На протяжении десятилетий Америка давала Китаю видение будущего процветания. Но сегодня Америка в основном перестала предлагать модель для Китая или где-либо ещё, оставляя китайских лидеров без руководства, когда они прокладывают курс в будущее, полное потенциальных потрясений.)

Таким образом, явно предсказаны потрясения, через которые Китай должен пройти без Учителя, и латентно – не наступит ли второй век унижения?

Следует подчеркнуть, что Джейкоб Дрейер работает из Шанхая, знает китайский менталитет и мастерски использует технологию противопоставлений в Китае, которая предполагает не западный раздельный дуализм (или то, или это), а восточное стремление к гармонии: «и то, и это; и то станет этим».

Другие сказочные вставки в нарративы западных политиков и журналистов по поводу развития сценария «Азиатский Век» не столь гармоничны и более низкоконтекстны. Например, американский политик Тед Йохо в новостном журна-

¹ Dreyer J. The Rise And Fall Of Chimerica.

² Dreyer J. The Rise And Fall Of Chimerica.

³ Dreyer J. The Rise And Fall Of Chimerica.

⁴ Dreyer J. The Rise And Fall Of Chimerica.

ле The Diplomat позволяет прямые высказывания, называя Председателя КНР злодеем вселенского масштаба: “Xi is also playing the villain globally”¹. Включаются вставки из известных сказок, например, сказки Андерсена «Новое платье короля»: “... in making himself into an emperor, Xi has ensured that the world will come to realize he has no clothes”². (Став императором, Си сделал всё для того, чтобы мир осознал, что король-то голый.)

На Востоке мифологический код в медианарративе “Asian Century” порождает совсем другие сюжеты.

В этих нарративах доминирует идея возрождения (Asia's revival), согласно восточному восприятию времени и восприятию истории как циклического движения: “the rise and fall of great powers in the region over the past five centuries”³ (взлёт и падение великих держав в регионе за последние пять столетий).

Это истории, в которых лидеры стран Азии не стремятся к созданию Азиатской империи, которая бы заменила Соединённые Штаты: “Asian leaders do not aspire to construct an “Asian alliance”, let alone build an “Asian empire” to replace the US”⁴.

В этих нарративах нет сюжета спасения мира, как нет роли героя или миссионера, возложившего на себя выполнение великой задачи: “Nor to do something as grandiose as to “save the world” like some missionary”⁵.

На восточный мифологический код влияют совсем другие национальные нарративы (в отличие от американского нарративного шаблона). Так, например, в газете The Global Times профессор Ван Вэнь пишет так: “... the prologue

to the “Asian era” has been a long one in the making. Yet this reminds me of the spirit of perseverance of Yu Gong, a figure from an ancient Chinese story called The Foolish Old Man Removes the Mountains, or Yu Gong Yi Shan in Chinese. In the story, the 90-year-old Yu Gong’s perseverance and hard work to remove the mountain in front of his house along with his descendants moves a God, who finally orders the mountains separated. I believe Asian countries also have Yu Gong’s spirit. The “Asian Era” has started and will for sure have its ultimate arrival in the annals of history”⁶. (Пролог к «Азиатской эре» готовился долго. И всё же это напоминает мне о духе упорства Юй Гуна, персонажа из древней китайской истории под названием «Глупый старик, сдвигающий горы», или по-китайски «Юй Гун И Шань». По сюжету упорство и тяжёлая работа 90-летнего Юй Гуна по удалению горы перед его домом вместе со своими потомками расторопала Бога, который в конце концов приказывает разделить горы. Я верю, что в азиатских странах тоже есть дух Юй Гуна. «Азиатская эра» началась и наверняка войдёт в анналы истории в конечном итоге.). Терпение, трудолюбие и упорство семьи по улучшению своего двора и дома приводит к тому, что семье благоволит и помогает Бог.

Китайская версия исторического нарратива включает Век Борьбы (A Century of Struggle) в событийную последовательность между Веком унижения и Веком Омоложения нации⁷.

В Китае, как и в других странах Азии, знают о западных сюжетах медианарратива «Азиатский Век». Так, Китай в публичных источниках опровергает: “The West tends to have the misinterpretation over the Asian century as it believes it would be a

¹ Yoho T. S. China’s Second Century of Humiliation.

² Yoho T. S. China’s Second Century of Humiliation.

³ Wang Wen. Why ‘Asian Era’ will be globally embraced [Электронный ресурс] // The Global Times: [сайт]. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202011/1208477.shtml> (дата обращения: 15.12.2022). Далее – Wang Wen. Why ‘Asian Era’ will be globally embraced.

⁴ Wang Wen. Why ‘Asian Era’ will be globally embraced.

⁵ Wang Wen. Why ‘Asian Era’ will be globally embraced.

⁶ Wang Wen. Why ‘Asian Era’ will be globally embraced.

⁷ Qu Qingshan. A Century of Struggle: The Glorious Achievements and Historic Contributions of the Communist Party of China // Qiushi Journal (English Edition). 2021. No. May – June. [Электронный ресурс]. URL: http://en.qstheory.cn/2021-07/08/c_640518.htm (дата обращения: 15.12.2022).

China-centered century ... no genuine Asian century would come without the development of China, India and other regional developing countries"¹. (Запад склонен к ошибочной интерпретации по поводу сути Азиатского века, поскольку считает, что это будет век, ориентированный на Китай ... но подлинно Азиатский век не наступил бы без развития Китая, Индии и других региональных развивающихся стран.)

Заключение

Англоязычный медианарратив «Азиатский Век» является связным, хотя и многосюжетным феноменом, уходящим корнями в национальные нарративы.

Связность и семантическую целостность медианарратива обуславливает темпоральный оним *Asian Century*, а также формируемые им или включающие его парадигмы других онимов (темпорально-топонимических, темпорально-аксиологических, темпорально-идеологических). Данные парадигмы являются хронотопными схемами для многочисленных сюжетов медианарратива «Азиатский Век».

Хронотопные схемы в англоязычных СМИ на Востоке и на Западе различны, как и различны формируемые ими сюжеты.

Сюжеты западных СМИ развиваются под влиянием американского narra-

тивного шаблона и переосмысленных и заимствованных фрагментов из Библии, что создаёт аллюзию на истинность трактовки и её неоспоримость.

Сюжеты восточных СМИ отражают традиционные ценности и мировосприятие и трактуются на фоне национальных исторических нарративов.

Несовпадение исторических нарративов Запада и Востока ведёт к разному восприятию будущего как «Азиатского Века».

Медианарратив «Азиатский Век» отражает дискурсивную рефлексию мирового сообщества, с одной стороны, и попытку политических кругов, с другой стороны, осмыслить (концепт) и создать модель (конструкт) исторического бытия цивилизации.

Попытки взаимно скорректировать этот концепт или сформировать единый конструкт Глобального Будущего изначально конфликтогенны. Тем не менее, актуальна необходимость поиска путей взаимопонимания в коммуникации между разными странами и культурами, не смотря на это несовпадение.

Дата поступления в редакцию 13.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб.: Норма, 2006. 183 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
3. Егоршина Н. В. Нарративный дискурс: Семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации: дисс. ... докт. филол. наук. Тверь, 2002. 307 с.
4. Качанов Д. Г. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия // Медиальманах. 2021. № 3 (104). С. 20–29. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2021.2029.
5. Моштылева Е. С. Модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический анализ: дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2021. 190 с.
6. Новостной медианарратив в соцсети «ВКонтакте»: дискурсивные особенности / О. Р. Алевицаки, И. Б. Александрова, Е. С. Кара-Мурза, В. В. Славкин // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 3. С. 74–101. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.74101.
7. Парамонова М. И. Функционирование гипертекстовых переходов в сетевом новостном политическом нарративе (на материале веб-версий англоязычных газет) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 6. С. 1927–1934. DOI: 10.30853/phil20220295.

¹ Ai Jun. Asian century impossible without China-India cooperation [Электронный ресурс] // The Global Times : [сайт]. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1166533.shtml> (дата обращения: 15.12.2022).

8. Русакова О. Ф., Фатихов С. П. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 30 (247). С. 122–127.
9. Сафронова Ю. А. В плену нарративных шаблонов? // Историческая экспертиза. 2021. № 3 (28). С. 76–80.
10. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей. М.: Прогресс, 1975. С. 37–114.
11. Шилихина К. М. Иронический нарратив: особенности структуры текста // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 59–63.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
13. Khanna P. The Future Is Asian.UK: Orion. 2019. 448 p.
14. Labov W. Uncovering the event structure of narrative. Georgetown: Georgetown University Round Table, 2001. P. 63–83.
15. Zhao Y. The Life and Times of “Chimerica”: Global Press Discourses on U.S. – China Economic Integration, Financial Crisis, and Power Shifts // International Journal of Communication. 2014. Vol. 8. P. 419–444.

REFERENCES

1. Andreyeva V A. *Literaturnyy narrativ: tekst i diskurs* [Literary narrative: text and discourse]. St. Petersburg, Norma Publ., 2006. 183 p.
2. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1972. 470 p.
3. Yegorshina N. V. *Narrativnyy diskurs: Semiologicheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty interpretatsii: diss. ... dokt. filol. nauk* [Narrative discourse: Semiological and linguocultural aspects of interpretation: D. thesis in Philological Sciences]. Tver, 2002. 307 p.
4. Kachanov D. G. [Multimedia Journalistic Narrative: Defining the Concept]. In: *Medialmanakh* [Media-Almanah], 2021, no. 3 (104), pp. 20–29. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2021.2029.
5. Moshlyeva Ye. S. *Modeli narratsii v sovremennoy russkoyazychnoy internet-kommunikatsii: lingvo-pragmaticheskiy i lingvisticheskiy analiz: diss. ... kand. filol. nauk* [Models of narration in modern Russian-language Internet communication: linguopragmatic and linguostylistic analysis: PhD thesis in Philological Sciences]. Nizhny Novgorod, 2021. 190 p.
6. Alevizaki O. R., Aleksandrova I. B., Kara-Murza Ye. S., Slavkin V. V. [News Media Narrative in the Vkontakte Social Network: Discursive Features]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Lomonosov Journalism Journal], 2021, no. 3, pp. 74–101. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.74101.
7. Paramonova M. I. [Functioning of hypertext transitions in the online news polytext narrative (by the material of web versions of English-language newspapers)]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2022, vol. 15, no. 6, pp. 1927–1934. DOI: 10.30853/phil20220295.
8. Rusakova O. F., Fatihov S. P. [Conceptual models of chronotope in humanities and political studies]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: “Social Sciences and the Humanities”], 2011, no. 30 (247), pp. 122–127.
9. Safronova J. A. [Trapped in the narrative templates?]. In: *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2021, no. 3 (28), pp. 76–80.
10. Todorov Ts. [Poetics]. In: *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: pros and cons]. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 37–114.
11. Shilikhina K. M. [Structural features of ironic narratives]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2013, no. 1, pp. 59–63.
12. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 312 p.
13. Khanna P. The Future Is Asian.UK, Orion. 2019. 448 p.

14. Labov W. Uncovering the event structure of narrative. Georgetown, Georgetown University Round Table, 2001, pp. 63–83.
15. Zhao Y. The Life and Times of “Chimerica”: Global Press Discourses on U.S. – China Economic Integration, Financial Crisis, and Power Shifts. In: *International Journal of Communication*, 2014, vol. 8, pp. 419–444.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаева Ольга Васильевна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета;
e-mail: onikolaeva2009@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Departmental Head, Department of Roman and Germanic Philology, Far Eastern Federal University;
e-mail: onikolaeva2009@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николаева О. В. Медианарратив «Азиатский Век» сквозь призму национальных нарративов Востока и Запада // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 73–86.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-73-86

FOR CITATION

Nikolaeva O. V. The media narrative the “Asian Century” through the lens of national narratives of The East and The West. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 73–86.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-73-86

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-87-101

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОТИВНЫХ КОННОТАЦИЙ АНГЛИЙСКИХ НОВОСТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Филясова Ю. А.*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, Российская Федерация*

Аннотация

Цель исследования заключается в изучении тематической направленности, эмотивности и приёмов перевода английских коннотативных значений новостных заголовков на русский язык.

Методы. Материал для исследования был собран методом случайной выборки новостей и их перевода на русский язык и изучен с помощью количественного и семантического (контекстного и компонентного) анализа.

Результаты. Обозначены наиболее частотные тематические области новостей и количественное соотношение полярных эмоциональных значений (отрицательных 65% и положительных 35%). Выявлены основные способы перевода эмотивных значений английских заголовков на русский язык: 1) эквивалентная замена (около 30%); 2) модификация интенсивности – главным образом в пользу повышения эмоционального компонента (30%); 3) нейтрализация и добавление эмотивности (40%). В среднем степень эмотивности при переводе на русский язык увеличивается в 1,56 раза. Определены приёмы перевода коннотативных значений на русский язык: эпитеты, метафоры, оценочная лексика, прилагательные в превосходной степени, эвфемизмы, цитации, прямая речь, синтаксические преобразования.

Теоретическая и практическая ценность. Полученные результаты представляют интерес для сопоставительных исследований эмотивных значений заголовков новостей и языковых способов выражения эмоций в англо- и русскоязычном медиадискурсе. Результаты анализа могут быть использованы в практике обучения переводу эмотивной лексики и передачи коннотативных значений с английского на русский язык.

Ключевые слова: медиадискурс, эмоции, эмотивная лексика, заголовки новостей, средства выразительности, приёмы перевода, коннотативное значение

REPRESENTATION OF ENGLISH NEWS HEADLINES EMOTIVE CONNOTATIONS IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Yu. Filyasova*Herzen State Pedagogical University of Russia
Naberezhnaya reki Moyki 48, Saint-Petersburg 191186, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the thematic scope, emotiveness and techniques for translating connotational meanings of English news headlines into the Russian language.

Methodology. The material was collected by means of random sampling of the news and the Russian translations, and analyzed with the help of the quantitative and semantic (contextual and componential) analysis.

Results. Most frequent thematic areas of news coverage were identified, and the proportion of polar emotional meanings was calculated (negative 65% and positive 35%). The main strategies for translating emotive connotations of the English news headlines into Russian were recognized: 1) equivalent substitution (30%); 2) emotive intensity modification – mainly towards its increase (30%); 3) neutralization and emotive uplift (40%). On average, the degree of emotiveness increased by 1.56. The techniques for connotational meaning representation in the Russian translations were described: epithets, metaphors, evaluative lexis, superlative adjectives, euphemisms, citations, direct speech, syntactic transformations.

Research implications. The obtained results can be of interest for contrastive studies of news headlines and linguistic means of emotive representation in English and Russian media discourse. The results can be used in teaching translation of emotive lexis and connotational meanings of news headlines from English into Russian.

Keywords: media discourse, emotions, emotive lexis, news headlines, means of expressiveness, translation techniques, connotational meaning

Введение

Перевод как продукт переводческой деятельности ориентирован на культуру страны языка автора и представляет собой большую сложность для переводчика. Система когнитивно-коммуникативных операций переводчика направлена на поиски соответствий в столкновениях «своего» и «чужого» в социальном поле коммуникации [6]. Языковая картина мира состоит не только из когнитивных, но и эмоциональных образов, следовательно, перевод эмотивной лексики предполагает, в том числе, передачу экспрессивно-эмоциональных коннотаций. Адекватность перевода оценивается по качеству воссоздания эмоционально-смысловых доминант исходного текста [8]. В различных языковых культурах семантическое поле концептов может различаться не только смысловыми, но и эмоциональными компонентами значений. Трудности при переводе представляют случаи несовпадения когнитивно-эмоциональной картины мира переводчика с авторским мировоззрением [4]. Так, например, семантически различаются прилагательные антонимической пары «приятный» / «неприятный» в испанском и русском языках [5], концепты «счастье» в английском и русском языках [13], прецедентные феномены имеют различные области эмоционального значения в разных лингвокультурах [20]. Выбор стратегии пере-

вода эмоционально насыщенного текста зависит от предназначения перевода [1].

Эмотивная лексика традиционно характеризуется такими категориями, как оценочность, экспрессивность и образность. Среди видов информации М. Я. Блох и Е. С. Молчанова выделяют импрессивный тип, воздействующий на чувства, который отличается от фактуального (эмоционально-нейтрального) и интеллективного типов [2]. Усиление эмотивной составляющей способствует усилению персуазивной функции медиадискурса и повышению его эмоциональности [22]; использование изобразительно-выразительных средств является значимым в плане воздействия медиадискурса [3]. Эмоции передаются с помощью экспрессивно-оценочной лексики, междометий, синонимичных и антонимичных рядов [15]. Употребление эмотивной лексики имеет гендерные различия: женщины склонны к прямым номинациям эмоций, в то время как мужчины – к косвенным, посредством метафор и других стилистических фигур [10]. Эмотивная лексика в новостном медиадискурсе способствует созданию правдоподобной атмосферы происходящего, усилению эффекта «картинки» и, в меньшей степени, выражению собственного отношения журналиста к событиям [7].

Медиадискурс отличается достаточно высокой эмоционализацией [24]. Язы-

ковые эмотивные средства публицистического дискурса включают метафоры, эвфемизмы, цитации, разговорные стилистические фигуры, которые оказывают значительное воздействие на читателей [14]. В экономико-политическом медиадискурсе преобладают метафоры, эпитеты и гиперболы, однако стилистика формируется вследствие прагмасемантических приращений и синергии языковых средств в функциональном информационном пространстве [11; 17; 19].

В. И. Шаховский подчёркивает чрезмерно негативную эмоциональность текстов СМИ и выделяет следующие эмоциональные стили в журналистике: игривый, иронический, критический, шутливый, саркастичный, диффамационный, оскорбительный, стиль эмоциональных запахов, стиль цветных эмоций, аморальный, драматический, поэтический [18]. Эмоции изучаются с помощью дескрипторов качества (положительные, отрицательные, нейтральные), интенсивности (высокая, средняя), направленности (на говорящего или реципиента) [16]. Исследование национальных особенностей американского и британского медиадискурса показывает, что для американских СМИ характерно широкое использование риторических вопросов, эмоционально окрашенной лексики и личностно-ориентированная модальность, в то время как для британских СМИ – выражение отрицательных эмоций, нейтральная модальность и тенденция к употреблению эмотивной лексики исключительно в цитациях [12].

Исследования показывают, что в тексте перевода с английского на испанский язык встречается больше метафор, чем в языке оригинала [23]. При переводе с испанского языка на русский широко применяется стратегия снижения излишней экспрессивности с помощью переводческих приёмов замены, трансформации и синтаксических преобразований [9]. Сопоставляя работы этих авторов, можно предположить, что публицистический дискурс испанского языка более эмоцио-

нален, чем аналогичный дискурс английского и русского языков.

Материал и методы

Цель данного исследования – изучить эмоционально-экспрессивные коннотации в английских новостных заголовках и способы их репрезентации в языке перевода. Задачи исследования включали:

1) отбор заголовков, содержащих языковые средства выразительности, и анализ их тематической направленности;

2) выявление степени эмотивности и языковых способов её выражения в англо- и русскоязычных новостных заголовках;

3) определение приёмов перевода коннотативных значений эмотивной лексики с английского на русский язык.

Источником иллюстративного материала послужили новостные службы BBC, BBC. Русская служба, и для отдельных примеров – The Telegraph, MPR News. Исходный материал насчитывал 424 новостных заголовка: 212 оригинальных английских и 212 семантически тождественных заголовков в переводе на русский язык, отобранных методом случайной выборки в период с ноября 2021 г. по ноябрь 2022 г. по критерию наличия перевода англоязычных новостных материалов на русский язык. Эквивалентность англо-русских заголовков определялась по содержанию статей, иллюстративным материалам и, непосредственно, по самим заголовкам. Далее каждая пара заголовков исходного языка и языка перевода была проанализирована с точки зрения наличия экспрессивно-эмоциональных значений с использованием англоязычных словарей¹. В результате были вы-

¹ Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 10.01.2023); Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.01.2023); Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 10.01.2023); Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/> (дата обращения: 10.01.2023).

явлены 144 новостных заголовка, содержащих эмотивную лексику (72 пары на английском и русском языках), определена полярность эмоций (положительные и отрицательные), языковые средства выразительности и приёмы перевода. Другими словами, только 34% от первоначального объёма заголовков содержали эмотивные компоненты значений.

Результаты исследования

Тематика заголовков новостей отражала международные отношения и аспекты внешней и внутренней политики, главным образом, Великобритании в контексте её международных контактов с США, Францией, Россией, Чили, Афганистаном, Барбадосом, Северной Кореей, Колумбией и некоторыми другими странами. Статьи были посвящены выборам, гуманитарным вопросам, событиям в королевской семье и деятельности премьер-министра Великобритании. К социальным аспектам были отнесены новости о гуманитарной помощи, локдауне, отмене рейсов, правах женщин, праздниках. Погодные аномалии включали статьи о температурных рекордах, таянии ледников, ливнях и некоторые другие. Тематика преступлений охватывала нарушения

в области налогового, уголовного, административного права. К новостям об искусстве были отнесены достижения в области кинематографа, фотографии, литературы. В категорию «Животный мир» были отнесены новости о птицах, морских обитателях, обнаруженных находках ископаемых (см. рис. 1).

Анализ эмоционально-экспрессивных коннотаций показывает, что оригинальные английские новостные заголовки и их перевод на русский язык содержат неодинаковые эмотивные компоненты по количеству, интенсивности и качеству. Сходная эмотивность выявлена в 32% случаев; соответственно в 68% случаев эмотивность между оригинальными английскими заголовками и их переводом на русский язык имела различия. Неодинаковая степень эмотивности получена на материале 30% заголовков, из них 6% более эмоционально нагружены на английском языке и 24% – в переводе на русский язык. Около 40% заголовков имели разные экспрессивно-эмоциональные коннотации при переводе на русский язык, из них 21% более эмотивны в оригинале на английском языке и 18% более эмотивны при переводе на русский язык. В целом, при сложении полученных от-

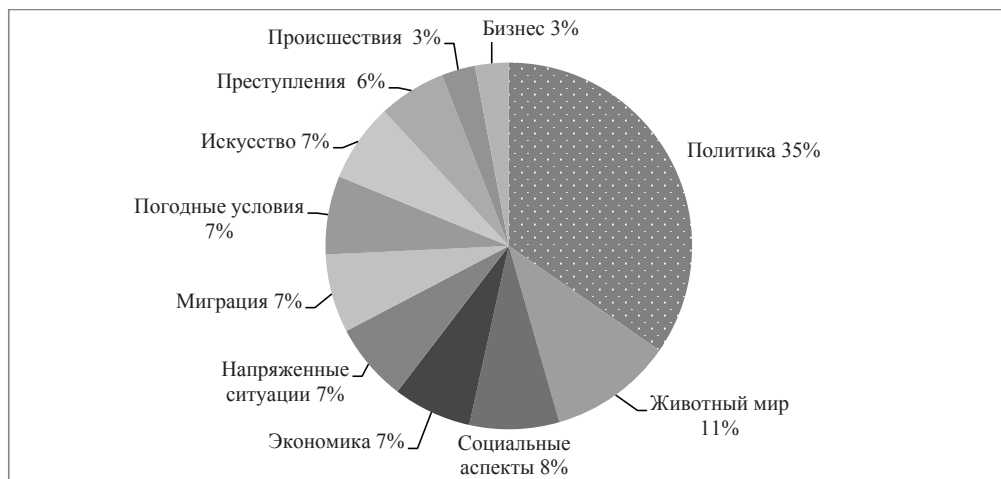

Рис. 1 / Fig. 1. Тематическое поле новостных заголовков / The news headlines thematic field

Источник: составлено автором по результатам исследования

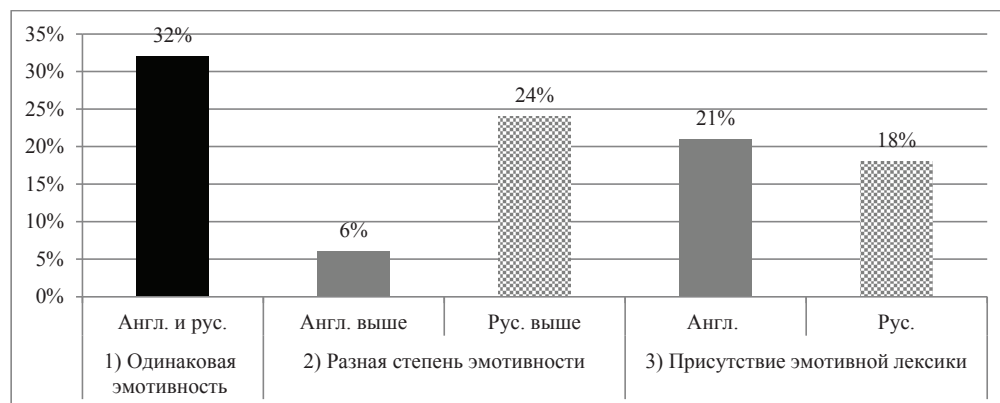

Рис. 2 / Fig. 2. Классификация новостных заголовков по признаку эмотивности / News headline classification according to emotiveness

Источник: составлено автором по результатам исследования

носительных данных (сумма более эмотивных английских 6% и 21%, в противоположность сумме более эмотивных русскоязычных 24% и 18%) оказывается, что перевод новостных заголовков на русский язык в 1,56 раза более экспрессивен, чем их оригинальные эквиваленты на английском языке (см. рис. 2).

Качество эмотивных коннотаций определялось на основе полярности – положительные vs. отрицательные эмоции. Эмотивная лексика и общая эмоциональная нагрузка заголовка, складывающаяся из коннотативных значений составных языковых единиц, были рассмотрены отдельно. Соотношение положительных и отрицательных коннотативных значений эмотивной лексики в оригинальных английских заголовках составляет 37% vs. 63%, в их переводе на русский язык – 32% vs. 68% соответственно. В общем эмоциональном фоне заголовков также преобладают отрицательные эмоции: 24% vs. 76% в английских заголовках и 28% vs. 72% в их переводе на русский язык. При сравнении относительных данных эмотивной лексики и общего эмоционального фона заголовков оказывается, что нередко встречается противоположная эмоциональность (положительная vs. отрицательная) внутри заголовка, которая

способствует усилению эмоционального воздействия на читателей, например:

Freya the walrus drew crowds of fans. And that's why Norway decided to euthanize her¹. / В Норвегии усыпили любимицу публики моржуху Фрейю. Она поселилась в Осло и стала жертвой любопытства туристов².

Положительная коннотация характеризует тот факт, что морское животное привлекало симпатию множества людей, поселившись на побережье Норвегии в Осло-Фьорде. Отрицательное эмоциональное значение имеет усыпление моржа из-за угрозы жизни для местного населения. Эмоционализация заголовка достигается в том числе за счёт фактуальной информации, вызывающей определённый эмоциональный отклик у читателей на основе коннотативных значений слов.

¹ Freya the walrus drew crowds of fans. And that's why Norway decided to euthanize her [Электронный ресурс] // MPR News : [сайт]. URL: <https://www.mprnews.org/story/2022/08/14/npr-norway-euthanize-walrus-freya-oslo> (дата обращения: 10.12.2022).

² В Норвегии усыпили любимицу публики моржуху Фрейю. Она поселилась в Осло и стала жертвой любопытства туристов [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-62542084> (дата обращения: 10.12.2022).

На основе сопоставительного анализа эмотивности заголовков на английском и русском языках были проанализированы приёмы перевода экспрессивных коннотаций. В переводе на русский язык основным приёмом стала равноценная замена (32%), положительная и отрицательная интенсификация эмотивности (по 21%) и эмотивная нейтрализация (26%).

Сходная эмотивность

Рассмотрим примеры новостных заголовков на английском и русском языках со сходной эмотивностью, объём которых насчитывал 32% от общего числа новостных заголовков с эмоционально-экспрессивными коннотациями.

*Chile constitution: Voters **overwhelmingly** reject radical change*¹. / В Чили с **треском** провалился проект новой «прогрессивной» конституции. В силе осталась конституция Пиночета². Оба варианта – как англоязычный, так и русскоязычный новостной заголовок – содержат эмоциональный компонент; тем не менее «overwhelmingly» – наречие со значением акцентирования качества, относится к нейтральному стилю речи, в то время как «с треском» – выражение разговорной речи с отрицательной коннотацией.

*Ecuador: **Deadly** landslide after **heaviest** rainfall in years*³. / Эквадор: **сильнейший** за 20 лет дождь вызвал **мощный** оползень⁴.

“Deadly” имеет коннотативное значение страха из-за опасности для жизни, которое предполагает качество данного прилагательного, в отличие от прилагательного «мощный», не обладающего негативной коннотацией «несущий угрозу для человека», а лишь подчёркивающего качество силы. Прилагательные в превосходной степени «heavies – сильнейший» можно считать эквивалентными в отношении такого погодного явления, как дождь, учитывая устойчивость словосочетания “heavy rain”.

*Queen Elizabeth II: World leaders remember '**kind-hearted** Queen*⁵. / Мировые лидеры **тепло** вспоминают королеву Елизавету и прощаются с ней⁶. // *Birmingham 2022 begins with **spectacular** opening ceremony* | *Commonwealth Games*⁷ / Игры Содружества: **красочная** церемония открытия в Бирмингеме⁸. Прилагательное “kind-hearted” и наречие «тепло», также как и «spectacular – красочный» обладают положительной коннотацией и примерно одинаковой степенью эмотивности.

*Why are **the biggest** national rail strikes in 30 years happening in the UK?*⁹ / В Великобритании **бастуют** железнодорожники

bbc.com/russian/news-60215551 (дата обращения: 10.12.2022).

⁵ Wertheimer T. Queen Elizabeth II: World leaders remember 'kind-hearted Queen' [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/pidgin/world-62801389> (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ Вертаймер Т. Мировые лидеры тепло вспоминают королеву Елизавету и прощаются с ней [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-62844204> (дата обращения: 10.12.2022).

⁷ Birmingham 2022 begins with spectacular opening ceremony // BBC : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JZRX4-h8c3Y> (дата обращения: 10.12.2022).

⁸ Игры Содружества: красочная церемония открытия в Бирмингеме [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-62349013> (дата обращения: 10.12.2022).

⁹ Why are the biggest national rail strikes in 30 years happening in the UK? // BBC News : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9mElopuX6JM> (дата обращения: 10.12.2022).

¹ Buschschlüter V. Chile constitution: Voters overwhelmingly reject radical change [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-62792025> (дата обращения: 10.12.2022).

² В Чили с треском провалился проект новой «прогрессивной» конституции. В силе осталась конституция Пиночета [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-62799625> (дата обращения: 10.12.2022).

³ Ecuador: Deadly landslide after heaviest rainfall in years [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-60211539> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ Эквадор: сильнейший за 20 лет дождь вызвал мощный оползень [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-60211539> (дата обращения: 10.12.2022).

ки. Это **крупнейшая** забастовка за 30 лет¹. Идентичными являются прилагательные в превосходной степени “biggets” и «крупнейшая». Вопросительная синтаксическая структура в английском заголовке и парцелляция, содержащая элемент экспрессии, в русском варианте – также уравнивают эмотивность исходного и переводного заголовков.

Channel migrants: Emmanuel Macron and Boris Johnson clash over crisis². / «Дорогой Эммануэль». Борис Джонсон разгневал Францию открытым письмом о мигрантах³. В английском заголовке присутствуют два существительных с отрицательным коннотативным значением: “clash” и “crisis”, которые уравниваются в русском переводе контрастным сочетанием положительного обращения «Дорогой Эммануэль» и глаголом с негативной семантикой «разгневал».

Downing Street flat: Boris Johnson faces fresh questions over revamp costs⁴. / Нехорошая квартира. Правящую в Британии Консервативную партию оштрафовали за ремонт в резиденции Бориса Джонсона⁵. Отрицательная коннотация содержится в семантике глагола “face” –

«столкнуться с проблемой, оказаться в плохой ситуации», которая дополняется употреблением стёртого эпитета “fresh”. В переводе на русский язык используется прилагательное «нехорошая» с явно выраженной негативной эмотивностью, которое уравнивает баланс экспрессии относительно face и fresh.

Разная степень эмотивности

Данную категорию составили 30% заголовков, из них 6% английских и 24% заголовков в переводе на русский язык. Рассмотрим некоторые примеры.

Cambridge orchid in bloom smells like rotting cabbage⁶ / Аромат гнилой капусты или дохлой крысы: в Ботаническом саду Кембриджа зацвела редкая орхидея⁷. Сравнение запаха орхидеи с гнилой капустой “like rotting cabbage” свидетельствует о неприятном сенсорном воздействии и, как следствие, отрицательном эмотивном фоне заголовка. В переводе на русский язык экспрессия существенно усиливается за счёт сравнения запаха со зловонием дохлой крысы.

Eye-popping fossil fish found in cattle field⁸. / Ископаемую рыбу жуткого вида нашли прямо на пастбище⁹. Несмотря на сходную степень эмотивности «eye-popping – жуткий», английское прилагательное “eye-popping” обладает эффектом усиления с положительной коннотацией;

¹ В Великобритании бастуют железнодорожники. Это крупнейшая забастовка за 30 лет [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-61880677> (дата обращения: 10.12.2022).

² Channel migrants: Emmanuel Macron and Boris Johnson clash over crisis [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-59428311> (дата обращения: 10.12.2022).

³ Дорогой Эммануэль». Борис Джонсон разгневал Францию открытым письмом о мигрантах [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. <https://www.bbc.com/russian/news-59434835> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ Downing Street flat: Boris Johnson faces fresh questions over revamp costs [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-59591917> (дата обращения: 10.12.2022).

⁵ Нехорошая квартира. Правящую в Британии Консервативную партию оштрафовали за ремонт в резиденции Бориса Джонсона [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59547846> (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ Cambridge orchid in bloom smells like rotting cabbage [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-cambridgeshire-63416265> (дата обращения: 10.12.2022).

⁷ Аромат гнилой капусты или дохлой крысы: в Ботаническом саду Кембриджа зацвела редкая орхидея [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/other-news-63431554> (дата обращения: 10.12.2022).

⁸ Amos J. Eye-popping fossil fish found in cattle field [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/science-environment-62336876> (дата обращения: 10.12.2022).

⁹ Ископаемую рыбу жуткого вида нашли прямо на пастбище [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/other-news-62346993> (дата обращения: 10.12.2022).

напротив, прилагательное русского языка «жуткий» имеет отрицательную коннотацию. Кроме того, русскоязычный заголовок содержит дополнительное усиленное наречие «прямо», относящееся к разговорному стилю речи.

*'Little hope' of saving beluga whale stranded in Seine river*¹. / *Кита-белуху почти неделю спасают в реке под Парижем. Надежды все меньше*². Усиление эмотивного воздействия в переводе на русский язык достигается, во-первых, за счёт употребления прилагательного в сравнительной степени в сочетании с усилительной частицей «всё», которая подчёркивает нарастание признака «меньше»; во-вторых, синтаксическими трансформациями: выделением «Надежды все меньше» в отдельное синтаксическое целое, семантически тождественное атрибутивному словосочетанию *"little hope"*, и перестановкой этого предложения в конец заголовка.

*Afghanistan facing desperate food crisis, UN warns*³. / *«Дело идет к катастрофе». ООН предупреждает, что этой зимой Афганистану грозит массовый голод*⁴. Эмотивное усиление в переводе на русский язык достигается за счёт расширения английского заголовка парцелированной цитатой, содержащей лексему «катастрофа» со значением «ущерб, трудности, страдания». Коннотативно иден-

тичными являются *"facing desperate food crisis"* и «грозит массовый голод». Глагол *"face"* имеет эмоционально отрицательное значение «сталкиваться с проблемой» и совпадает со коннотативным значением глагола русского языка «грозить». Различие заключается в направленности: английский глагол *"face"* передаёт направленность на объект, в то время как «грозить» – на адресата. Прилагательное *"desperate"* обладает негативной коннотацией, включающей такие компоненты значения как «обеспокоенный, озлобленный, неприятный». Прилагательное русского языка «массовый» имеет эмоционально-нейтральное значение, однако приобретает негативное экспрессивное значение в контексте с существительным «голод». Английское атрибутивное словосочетание *"food crisis"* характеризуется негативной эмотивной окраской за счёт семантики определяющего слова с компонентами «экстренный, трудный, опасный». Аналогично, существительное русского языка «голод» имеет эмоционально негативную коннотацию из-за связи с семами «недостаток еды, бедствие, неурожай».

*Covid: Omicron study suggests major wave in January*⁵. / *Миллионы заболевших, десятки тысяч смертей: медики предсказывают январскую волну заражений «Омикроном»*⁶. Перевод заголовка на русский язык содержит больше эмотивных компонентов за счёт использования существительных со значением неопределённого числа («миллионы», «десятки тысяч») в отношении эмоционально отрицательного существительного «смертей», которое усиливает метафорическое

¹ *'Little hope' of saving beluga whale stranded in Seine river* // The Telegraph : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_yKOvJgTgs (дата обращения: 10.12.2022).

² *Кита-белуху почти неделю спасают в реке под Парижем. Надежды всё меньше* [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-62465483> (дата обращения: 10.12.2022).

³ *Afghanistan facing desperate food crisis, UN warns* [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-59011501> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ *«Дело идет к катастрофе». ООН предупреждает, что этой зимой Афганистану грозит массовый голод* [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59035974> (дата обращения: 10.12.2022).

⁵ *Gallagher J. Covid: Omicron study suggests major wave in January* [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-59621029> (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ *Миллионы заболевших, десятки тысяч смертей: медики предсказывают январскую волну заражения «Омикроном»* [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59623287> (дата обращения: 10.12.2022).

употребление слова «волна». Как показывают исследования, метафора «волна» в контексте медиадискурса в большинстве случаев характеризуется отрицательной семантикой [21].

*Beautiful Plumed Bird of Paradise¹ / Райские птицы: откуда у них такое за-вораживающее оперение?*² Перевод английского заголовка на русский язык, несомненно, имеет более высокую степень эмотивности благодаря выбору более экспрессивной лексической единицы «завораживающий», а также формулированию заголовка в форме вопросительной синтаксической структуры.

UK red kite success story sees chicks sent to Spain³. / Красные коршуны в Испании вымирают. Британцы пытаются их спасти⁴. Экспрессивное значение английского заголовка только положительное благодаря существительному “success”, означающему «достижения, положительный результат», в то время как перевод на русский язык опирается на полярные коннотации «вымирание – спасение». Эмотивный контраст усиливается за счёт парцелляции – разделения заголовка на две синтаксические единицы.

British Virgin Islands: Premier Andrew Fahie arrested in US drug sting⁵. / Скандал

в налоговом раю. Премьер-министр Британских Виргинских островов арестован по делу о наркотиках и отмывании денег в США⁶. Перевод на русский язык обладает значительно большей степенью эмотивности за счёт добавления существительного «скандал», имеющего такие компоненты значения, как «гнев, шок, обман, безнравственность» в контрастном сочетании с концептуальными метафорами «налоговый рай» и «отмывание денег». Коннотации негативного толка в английском заголовке выражаются лексемами с криминальной семантикой “arrested” и “drug sting”, которые также присутствуют в переводе.

Присутствие эмотивного компонента

Около 40% новостных заголовков имели присутствие эмотивной лексики только в одном из вариантов – либо на английском, либо на русском языке. Распределение примерно одинаково: 21% vs. 18% в пользу оригинальных английских заголовков. Рассмотрим некоторые примеры с большей экспрессивностью в английских заголовках.

How Ukraine left its mark on Glastonbury⁷. / Как на Гластонбери поддерживали Украину – фотографии⁸. Английский заголовок более экспрессивен благодаря идиоматическому выражению “leave one’s mark”, ассоциирующим Украину с действующим актором на международной арене за счёт метонимического переноса

¹ Attenborough D. Beautiful Plumed Bird of Paradise // BBC Studios : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cEh-zclVo44> (дата обращения: 10.12.2022).

² Райские птицы: откуда у них такое завораживающее оперение? // BBC News – Русская служба : YouTube-канал. <https://www.youtube.com/watch?v=oUNCVamhVd0> (дата обращения: 10.12.2022).

³ Briggs H. UK red kite success story sees chicks sent to Spain [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/uk/news/science-environment-61903943> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ Красные коршуны в Испании вымирают. Британцы пытаются их спасти [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-61928475> (дата обращения: 10.12.2022).

⁵ Durbin A. British Virgin Islands: Premier Andrew Fahie arrested in US drug sting [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-61266526> (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ Скандал в налоговом раю. Премьер-министр Британских Виргинских островов арестован по делу о наркотиках и отмывании денег в США [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-61260053> (дата обращения: 10.12.2022).

⁷ Savage M. How Ukraine left its mark on Glastonbury [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/uk/news/entertainment-arts-61943613> (дата обращения: 10.12.2022).

⁸ Пол Маккартни с украинским флагом и концерт победителей «Евровидения» Kalush Orchestra. Как на Гластонбери поддерживали Украину – фотографии [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-61945801> (дата обращения: 10.12.2022).

са жителей на персонифицированный образ страны. В переводе наблюдается противоположная адресная направленность и замена идиомы эмоционально нейтральным глаголом «поддержали».

*Barbados becomes a republic and parts ways with the Queen*¹. / Владений британской короны стало меньше. Барбадос стал республикой, Елизавета II больше не глава островной нации². Аналогично предыдущему примеру, более яркая экспрессия достигается в английском заголовке за счёт использования идиомы “part ways”, олицетворяющей Барбадос с действующим актором, принимающим решения в отношениях с королевой. В русском переводе идиоматизация заменяется эмотивно нейтральными пояснениями.

*Don't go to Ukraine, military boss tells Britons*³. / Глава британского генштаба призвал граждан Великобритании не ездить в Украину воевать⁴. В английском заголовке используются прямая речь как призыв и слова автора высказывания, представленные в разговорном стиле (military boss). В переводе на русский язык используется стилистически нейтральная классическая синтаксическая конструкция S – V – O (подлежащее – сказуемое – объект); неформальное существительное “boss” заменено на генерализованное обозначение должности «глава британского генштаба».

¹ Barbados becomes a republic and parts ways with the Queen [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-59470843> (дата обращения: 10.12.2022).

² Владений британской короны стало меньше. Барбадос стал республикой, Елизавета II больше не глава островной нации [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59446112> (дата обращения: 10.12.2022).

³ Jackson M. Don't go to Ukraine, military boss tells Britons [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-60637185> (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ Глава британского генштаба призвал граждан Великобритании не ездить в Украину воевать [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-60641418> (дата обращения: 10.12.2022).

В следующих примерах больше экспрессии содержится в переводе заголовков на русский язык.

*Robot vacuum cleaner escapes from Cambridge Travelodge*⁵. / Бежавший из отеля робот-пылесос стал героем интернета⁶. В обоих заголовках «пылесос» имеет признак одушевлённого предмета благодаря глаголу «бежать» (escape), однако в переводе на русский язык заголовок приобретает возвышенную эмотивную окраску благодаря существительному «герой», обладающему такими компонентами значения, как «смелость, интеллект, способности, риск, восхищение, хорошие личностные качества».

*Weather: Fogbows captured across Norfolk, Suffolk and Essex*⁷. / Бесцветная «радуга-призрак» удивила жителей юго-востока Англии⁸. Перевод природного явления “fogbow” на русский язык содержит дополнение «призрак», имеющее семантический компонент загадочности. Использование глагола «удивила» с перформативным оттенком значения указывает на неожиданное появление чувства положительного качества (этимологически «диво»⁹ восходит к индоевропейской основе, означающей «божество»).

⁵ Robot vacuum cleaner escapes from Cambridge Travelodge [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/uk-england-cambridgeshire-60084347> (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ Бежавший из отеля робот-пылесос стал героем интернета [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-60090136> (дата обращения: 10.12.2022).

⁷ Weather: Fogbows captured across Norfolk, Suffolk and Essex [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-norfolk-59728244> (дата обращения: 10.12.2022).

⁸ Бесцветная «радуга-призрак» удивила жителей юго-востока Англии [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59755120> (дата обращения: 10.12.2022).

⁹ См.: Происхождение слова диво // Лексикографический онлайн-портал: онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/диво> (дата обращения: 10.12.2022).

*Atom Bank introduces four-day working week without cutting pay*¹. / «Работать с 9 до 5 с понедельника по пятницу – **старомодно**». Британский банк ввел четырехдневную рабочую неделю². Оценочный компонент значения наречия «старомодно» придаёт негативную коннотацию заголовку в переводе на русский язык, в контексте цитаты с прямым разъяснением английского словосочетания “four-day week”. Тем не менее общий эмоциональный фон заголовка положительный, т. к. новое правило не отразилось на размере заработной платы (without cutting pay).

Заключение

Опираясь на исследования С. Пиччиони и О. В. Залевской, можно сделать вывод о том, что эмотивность русскоязычного дискурса выше, чем в английском языке, но ниже, чем в испанском языке [9; 23]. В целом, британские заголовки новостей не отличаются высокой эмоционализацией, в отличие от результатов дискурсных исследований, полученных Ф. Заппеттини, Д. М. Понтоном и Т. В. Лариной [24], т. к. из первоначального корпуса проанализированных нами материалов только в 34% были выявлены эмотивные значения; однако наши выводы сходны с результатами С. Н. Орловой и А. А. Коньковой [14], которые выделяют метафоры, эвфемизмы, цитации, разговорные стилистические фигуры как наиболее частотные средства выразительности в публицистическом дискурсе. Данные о преобладании отрицательных эмотивных значений сходны с результатами исследования М. С. Мосягиной [12].

Анализ коннотативных значений в английских заголовках новостей медиадискурса показывает, что эмотивность складывается на основе общего тематического содержания новости, способа подачи информации на основе определённых коммуникативных функций синтаксических структур, а также лексического наполнения заголовка. Среди рассмотренных медиаматериалов преобладали политические новости, международные вопросы социально-экономического характера, такие как миграция, напряжённые ситуации, правовые нарушения, катастрофы, природные катаклизмы. Многочисленную группу новостей составляли сообщения из области животного мира и растений. Передача эмотивных коннотаций характеризовалась неоднородностью: около 30% заголовков содержала схожую степень эмотивности, другие 30% передавали исходную экспрессивность с большей (24%) или меньшей (6%) интенсивностью, и около 40% заголовков либо добавляли (18%), либо нейтрализовали (21%) исходный эмоциональный фон английских заголовков. Соотношение положительных vs. отрицательных коннотаций в среднем составило 35% vs. 65%. Интенсификация экспрессивного компонента значения в переводе заголовков на русский язык достигалась путём добавления информации из материалов новостных статей с помощью таких языковых средств, как эпитеты, метафоры, слова с оценочной коннотацией, прилагательные в превосходной степени, цитации, элементы прямой речи, синтаксические трансформации. В отдельных случаях эмотивный компонент усиливался за счёт полярных эмоций. Нейтрализация эмотивности осуществлялась опущением эмотивных лексических единиц, заменой исходных английских эмотивных элементов более эмоционально нейтральными единицами речи, использованием традиционных номинативных и субъектно-предикатных синтаксических конструкций. Таким образом, исследование перевода английских

¹ Thomas D. Atom Bank introduces four-day working week without cutting pay [Электронный ресурс] // BBC News : [сайт]. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/business-59377940> (дата обращения: 10.12.2022).

² «Работать с 9 до 5 с понедельника по пятницу – старомодно». Британский банк ввел четырехдневную рабочую неделю [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59389096> (дата обращения: 10.12.2022).

эмотивных значений новостных заголовков медиадискурса на русский язык свидетельствует о широком диапазоне трансформаций, которые нередко приводят к

повышению эмоционализации новостных заголовков.

Дата поступления в редакцию 02.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоглазова Е. В. Перевод поэтических интекстов в научном культурологическом дискурсе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 192. С. 60–67.
2. Блох М. Я., Молчанова Е. С. Метафоры и сравнения в жанрах интернет-дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14.
3. Болотнов А. В. Использование экспериментальной методики в анализе воздействия публичной языковой личности и ее медиатекстов на массового адресата // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 68–74. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-68-74.
4. Бройтман М. С. Эмоциональное восприятие текста и качество перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 4. С. 72–76.
5. Вотякова И. А. К особенностям перевода на испанский язык русских прилагательных, выражающих базовые эмоции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 11 (722). С. 13–18.
6. Гарбовский Н. К., Костикова О. И. Перевод и общество // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2018. № 1. С. 17–40.
7. Грибанов И. С. Эмотивная составляющая испаноязычного новостного медиадискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 4. С. 57–62.
8. Дьяченко И. Н., Малиновская Т. Н. Эмоциональная доминанта как структурообразующий фактор перевода // Филология и человек. 2022. № 1. С. 128–139. DOI: 10.14258/filichel(2022)1–10.
9. Залевская О. В. Алгоритм перевода эмоций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 24 (710). С. 227–237.
10. Колпакова Л. В. Лексические средства репрезентации эмоций (гендерный аспект) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 7 (172). С. 96–100.
11. Малюга Е. Н., Пономаренко Е. В., Минаева А. А. Стилистические приемы как способ формирования дискурсивных свойств малоформатных рекламных текстов (на материале англоязычных экономико-политических медиаресурсов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 4. С. 82–87. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-4-82-87.
12. Мосягина М. С. Эмоциональность англоязычного медиадискурса как проявление национальных особенностей речи // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 2 (42). С. 230–236. DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-2-230-236.
13. Нильсен Е. А., Малышева Е. А. Отражение концепта happiness в текстах СМИ (на материале корпусных данных) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 348–354.
14. Орлова С. Н., Конькова А. А. Эмотивные средства языка как способ воздействия в итальянском и английском публицистическом дискурсе // Вопросы прикладной лингвистики. 2021. № 41. С. 122–147. DOI: 10.25076/vpl.41.07.
15. Острикова Г. Н., Волобуева Е. Н. Лексические средства выражения эмоций при переводе с английского языка на русский художественного произведения «Дневник Бриджит Джонс» // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 195–203. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-73-2-195-203.
16. Соколова В. Л. Концептуальная структура метафорических и неметафорических единиц коммуникации в англоязычном медиадискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 623. С. 41–50.
17. Тимченко Н. М. Английская оценочная лексика в политическом дискурсе // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 5 (47). С. 153–160.

18. Шаховский В. И. Многоязычие стилей эмоционального медийного дискурса // Актуальные проблемы стилистики. 2017. № 3. С. 78–88.
19. Filyasova Yu. A. Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis // Training, Language and Culture. 2022. Vol. 6. Iss. 4. P. 50–61. DOI: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-50-61.
20. Malyuga E. N., Akopova A. S. Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5. Iss. 4. P. 65–76. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76.
21. Mukhortikova T. Метафоры волны в заголовках российской и испанской ежедневной прессы в 2017 г.: сопоставительный анализ // Cuadernos de Rusística Española. 2019. Vol. 15. P. 41–53. DOI: 10.30827/cre.v15i0.9312.
22. Ozyumenko V. I., Larina T. V. Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. No. 3. P. 746–766. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766.
23. Piccioni S. What can Metaphor Tell us about the Language of Translation? // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 95. P. 354–362. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.10.657.
24. Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. No. 3. P. 586–610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610.

REFERENCES

1. Beloglazova E. V. [Poetic intext translation in scientific culturological text]. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2019, no. 192, pp. 60–67.
2. Blokh M. Ya., Molchanova E. S. [Metaphors and similes in the genres of Internet-discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2021, no. 3, pp. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-3-6-14.
3. Bolotnov A. V. [Usage of experimental methods in analysis of public language personality influence and its media texts on mass addressee]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2018, no. 2 (191), pp. 68–74. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-68-74.
4. Broitman M. S. [Emotional impact of text and translator's faults]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2010, no. 4, pp. 72–76.
5. Votyakova I. A. [Peculiarities of Spanish translation of Russian adjectives expressing basic emotions]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2015, no. 11 (722), pp. 13–18.
6. Garbovskiy N. K., Kostikova O. I. [Translation and society]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], 2018, no. 1, pp. 17–40.
7. Gribanov I. S. [Emotive component of Spanish news media discourse]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2012, no. 4, pp. 57–62.
8. Dyachenko I. N., Malinovskaya T. N. [Emotional dominance as a structural factor of the translation]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human], 2022, no. 1, pp. 128–139. DOI: 10.14258/filichel(2022)1–10.
9. Zalevskaia O. V. [Algorithm for translation of emotions]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2014, no. 24 (710), pp. 227–237.
10. Kolpakova L. V. [Lexical means of emotional representation (gender aspect)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, no. 7 (172), pp. 96–100.
11. Malyuga E. N., Ponomarenko E. V., Minayeva A. A. [Stylistic devices as means of forming discursive features of advertising minitexts (exemplified by English economic and political media sources)]. In:

- Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2020, vol. 26, no. 4, pp. 82–87. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-4-82-87.
12. Mosyagina M. S. [Emotional factor of English media discourse as a realization of national speech peculiarities]. In: *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], 2021, vol. 15, no. 2 (42), pp. 230–236. DOI: 10.30914/2072-6783-2021-15-2-230-236.
 13. Nilsen E. A., Malysheva E. A. [Happiness concept in media texts (based on corpus data)]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2021, no. 4 (47), pp. 348–354.
 14. Orlova S. N., Konkova A. A. [Emotive means of language as a way of influence in Italian and English publicistic discourse]. In: *Voprosy prikladnoy lingvistiki* [Issues of Applied Linguistics], 2021, no. 41, pp. 122–147. DOI: 10.25076/vpl.41.07.
 15. Ostrikova G. N., Volobuyeva E. N. [Lexical means of emotion expression at translation from English into Russian of the literary work “Bridget Jones's diary”]. In: *Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* [The Humanities and social sciences], 2019, no. 2, pp. 195–203. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-73-2-195-203.
 16. Sokolova V. L. [Conceptual structure of metaphoric and nonmetaphoric units of communication in English mass media discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2011, no. 623, pp. 41–50.
 17. Timchenko N. M. [English axiological lexemes in political discourse]. In: *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 2016, no. 5 (47), pp. 153–160.
 18. Shakhovskiy V. I. [Multilingual styles of emotional media discourse]. In: *Aktualnyye problemy stilistiki* [Actual Problems of Stylistics], 2017, no. 3, pp. 78–88.
 19. Filyasova Yu. A. Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis. In: *Training, Language and Culture*, 2022, vol. 6, iss. 4, pp. 50–61. DOI: 10.22363/2521-442X-2022-6-4-50-61.
 20. Malyuga E. N., Akopova A. S. Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. In: *Training, Language and Culture*, 2021, vol. 5, iss. 4, pp. 65–76. DOI: 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76.
 21. Mukhortikova T. [Wave Metaphors in the Headlines in Russian and Spanish Daily Press in 2017: a Contrastive Analysis]. In: *Cuadernos de Rusística Española*, 2019, vol. 15, pp. 41–53. DOI: 10.30827/cre.v15i0.9312.
 22. Ozyumenko V. I., Larina T. V. Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse. In: *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 3, pp. 746–766. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766.
 23. Piccioni S. What can Metaphor Tell us about the Language of Translation? In: *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, vol. 95, pp. 354–362. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.10.657.
 24. Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. In: *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 3, pp. 586–610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филясова Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;
email: phill.yield@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia A. Filyasova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the English Language for Professional Communication, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia;
email: phill.yield@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Филясова Ю. А. Репрезентация эмотивных коннотаций английских новостных заголовков при переводе на русский язык // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С.87–101.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-87-101

FOR CITATION

Filyasova Yu. A. Representation of English news headlines emotive connotations in Russian translations. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 87–101.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-87-101

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-102-115

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ *TIME* И *SOULMATE* В РОМАНЕ Р. БАХА «МОСТ ЧЕРЕЗ ВЕЧНОСТЬ»

Черкасова И. П., Черкасова А. С.

Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)
109004, г. Москва, ул. Земляной вал, д. 73, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Статья посвящена изучению процессов кристаллизации аксиологических доминант художественного дискурса.

Процедура и методы. Дискурс рассматривается как сложное структурно-семантическое образование, аксиологическая система, обладающая определённой функциональной перспективой. Основой дискурса является система концептов. Концепт представляет собой совокупность смыслов, репрезентирующих важную в пространстве конкретного дискурса аксиологическую категорию, выступает в качестве аксиологической доминанты. Методы анализа: контекстуальный, лингвистико-герменевтический, техника кристаллизации смысла.

Результаты. В статье проанализированы контексты в их последовательности и взаимодействии, что позволило проследить формирование художественных концептов *время (time)* и *родственная душа (soulmate)*, а также показать воздействие процессов кристаллизации на текстообразование и аксиологическую систему. Были выявлены смыслы, формирующие индивидуально-авторские концепты. Авторы приходят к выводу, что специфика процессов кристаллизации концептов определяет особенности функционирования художественного дискурса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение аксиологических доминант позволяет определить структурно-семантическую организацию художественного дискурса. Исследование вносит вклад в развитие теории дискурса, аксиологической лингвистики, филологической герменевтики. Практическая ценность состоит в возможности применения материалов исследования в учебных курсах по теории языка, теории дискурса, стилистике, интерпретации текста, теории и практике перевода.

Ключевые слова: аксиология, дискурс, концепт, кристаллизация, структура, семантика, смысл

CRYSTALLIZATION OF AXIOLOGICAL DOMINANTS *TIME* AND *SOULMATE* IN R. BACH'S NOVEL "THE BRIDGE ACROSS FOREVER"

I. Cherkasova, A. Cherkasova

K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management
(First Cossack University)
ulitsa Zemlyanoy val 73, Moscow 109004, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the crystallization of axiological dominants in fictional discourse.

Methodology. Discourse is considered as a complex structural and semantic formation, an axiological system that includes specific functions. The basis of the discourse is a system of concepts. The

concept is a set of meanings representing an axiological category important in the space of fictional discourse, acting as an axiological dominant. Methods of analysis include contextual and linguistic-hermeneutic analysis, as well as the technique of meaning crystallization.

Results. The article analyzes contexts in their sequence and interaction, which made it possible to trace the formation of the concepts *time* and *soulmate*, as well as to demonstrate the impact of crystallization processes on text formation and axiological system. The meanings forming the individual author's concepts were revealed. The authors come to the conclusion that the crystallization of concepts determines the features of fictional discourse.

Research implications. The study of axiological dominants allows to determine the structural and semantic organization of fictional discourse. This research contributes to the development of discourse theory, axiological linguistics, philological hermeneutics. Its practical value consists in the possibility of using research materials in educational courses on language theory, discourse theory, stylistics, text interpretation, theory and practice of translation.

Keywords: axiology, discourse, concept, crystallization, structure, semantics, meaning

Введение

На протяжении нескольких десятилетий понятие «дискурс» выступает в качестве одного из основополагающих. Возникнув на стыке ряда гуманитарных наук, «дискурс» рассматривается как сложный феномен в силу его многогранности и в этой связи привлекает внимание многочисленных исследователей, предлагающих определённые концепции, методы и подходы к его изучению (Н. Д. Арутюнова, Н. Ф. Алефиренко, В. З. Демьянков, М. Я. Дымарский, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, М. Л. Макаров, Г. Н. Манаенко, А. В. Олянич, В. А. Плунгян, В. Е. Чернявская, Т. А. ван Дейк и др.). Ю. С. Степанов называет дискурсом использование языка для выражения особой ментальности [12, с. 38–39]. В. З. Демьянков полагает, что в лингвистической литературе под дискурсом в основном понимается речь в её восприятии и представлении интерпретирующего её человека [2, с. 95].

Одним из наиболее сложных для понимания и интерпретации явлений в системе дискурсивных исследований является художественный дискурс (М. Я. Дымарский, В. А. Маслова, Н. З. Нормуродова, К. А. Редкозубова, Н. С. Олизько, В. В. Фещенко и др.). Выделяя отличительные признаки данного типа, М. Я. Дымарский называет следующие: антропоцентричность, стилизованность, эмотивность, художественный вы-

мысел, объединение устной и письменной речи, включение других видов дискурса [3, с. 118–119]. Говоря об основных характеристиках повествовательного текста, лежащего в основе дискурсивного пространства, В. Шмид обращает внимание на его фикциональность, подразумевая под этим вымышленность изображаемого автором мира, художественную конструкцию возможной реальности. Путём представления воображаемых ситуаций фикция как конструкция имеет характер мыслительной модели [14, с. 23–25]. С. Пределли и Т. фон Солодкофф акцентируют внимание на специфической семантике художественного дискурса [15; 16], посредством которой затрагиваются философские проблемы и формируется смысловая палитра.

В основе художественного дискурса лежит аксиологическая система автора, отражающая ценностные ориентиры социума на конкретном этапе развития общества. Средством репрезентации ценностных понятий в художественном тексте выступают концепты. В. И. Карасик определяет аксиологическую лингвистику как одно из самостоятельных направлений, предметом исследования которой являются ценности, на первый план выходит ценностная составляющая концептов [4, с. 215].

Художественный концепт существует в пространстве текста как сложное,

многогранное и многоуровневое структурно-семантическое образование; в его основе находятся фундаментальные понятия бытия, позволяющие авторам определить важнейшие общечеловеческие универсалии; одновременно художественный концепт представляет личностное знание, которое образовано на базе опыта. В. А. Маслова полагает, что богатство культурного и эмоционального опыта автора выступает в качестве определяющего фактора глубины и значимости индивидуально-авторских концептов [8, с. 34–35].

Говоря о сложностях, связанных с пониманием и интерпретацией концепта, представляется важным изучить способы образования смысла, процессы его кристаллизации, связанные с концептуальными сферами автора и адресата. В последние десятилетия термин «кристаллизация» стал использоваться в лингвистических исследованиях, ранее он преимущественно фигурировал применительно к естественным процессам, вызванным физическими или химическими изменениями. Под кристаллизацией мы понимаем последовательный анализ смыслового содержания контекстов, включающих и характеризующих ключевое слово в динамике смыслообразования, предполагающей наращивание и формирование метасмыслового континуума путём взаимодействия, частичного противоборства и взаимодополнения отдельных смысловых составляющих. В процессе анализа взаимовлияния смыслов ключевое слово в значительной мере преобразуется, в контексте мышления или искусства становится независимым от нормы, закреплённой словарными определениями. Подчиняясь цели формирования индивидуально-авторского или внутридискурсивного универсума, ключевое слово перерастает в концепт (аксиологическую доминанту), становится единицей концептосферы, формирующей аксиологическую систему дискурсивного, мыслительного, индиви-

дуально-авторского и др. пространства. Ключевое слово в тексте рассматривается в качестве точки кристаллизации, «фокуса» смыслового наращивания, оно постепенно обрастает смыслом, вбирая в себя все контекстуальные значения.

Целью нашего исследования является изучение процессов кристаллизации аксиологических доминант художественного дискурса. Достижение поставленной цели потребовало решения ряда задач: а) определение ключевых слов, выступающих в качестве аксиологических доминант художественного дискурса; б) анализ процессов кристаллизации, предполагающий выделение контекстов, репрезентирующих концепт и интерпретацию данных контекстов; в) выявление смыслов и метасмыслов, выступающих в качестве составляющих авторского концепта. Мы считаем, что кристаллизация представляет собой универсальную технику понимания концептов в пространстве художественного дискурса, процесс постепенного наращивания смыслового содержания ключевых слов, «перерастания» значений и содержаний в смыслы под воздействием контекста. Мы также полагаем, что кристаллизация в значительной степени способствует обнаружению базовых смыслов и метасмыслов, позволяет проследить процесс их взаимодействия и вытеснение одних смыслов другими под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов, открывая лингвосинергетическую основу художественного дискурса.

1. Структурная организация концептов *time* и *soulmate* в романе Р. Баха «Мост через вечность»

Творчество американского писателя Ричарда Дэвида Баха является ярким и неповторимым в пространстве эпохи постмодерна. История его взаимоотношений с женой Лесли Пэрриш описана в книге «Мост через вечность», которая представляет собой рассказ о довольно непростом периоде в жизни писателя,

связанном с его финансовым взлётом и последующим банкротством, поиском «родной души», преодолением житейских трудностей.

С целью постижения смыслового наполнения романа в рамках нашего исследования был составлен частотный словарь, позволяющий выявить ключевые слова текста, а, следовательно, и скрытые в нём смыслы, а также установить структурную организацию концептов на основе семантической (словарной, контекстуальной) близости. В качестве ключевых слов (по результатам анализа частотности) были определены *time* (время) и *soulmate* (родная душа).

Ядерным компонентом семантического поля **time** выступает лексическая единица *time*. Ближнюю периферию составляют слова: *day, today, minute, moment, hour, future, night, month, lifetime, past, year, morning, tonight, forever*, которые позволяют охарактеризовать время в различных его проявлениях. Дальняя периферия представляет собой область сопряжения с другими концептами произведения, формирующими концептосферу.

Не менее сложным является концепт **soulmate**, ядерным компонентом семантического поля которого выступает лексическая единица *soulmate*. Ближнюю периферию составляют: *love, Leslie / Leslie Parrish, Richard / Richard Bach, woman, marriage, eye, face, hand, body, smile, hair, silence, light, joy, angel, life, power, shoulder, game, forever, person, soul*. Дальняя периферия представляет собой область взаимодействия с другими концептами, определяющими на основе концептосферы аксиологические координаты текста. Учитывая единое пространство художественной ткани текста, ряд лексических единиц, формирующих ближнюю периферию одного концепта, появляются в контексте формирования смысловых составляющих другого концепта, образуя сложные лексические взаимосвязи и способствуя установлению межкон-

цептуальных связей, например: *time for both (I и you), our love-life; the bridge across forever – love*.

2. Кристаллизация концепта *time* (время) в романе Р. Баха "The Bridge Across Forever" («Мост через вечность»)

Концепт времени является одним из ключевых, универсальных в обществе, но, несмотря на большое количество проводимых лингвистических исследований, как справедливо отмечает В. А. Макарова, целостной теории, затрагивающей сущность и природу времени литературного текста не существует в силу различных позиций и подходов к его анализу [6, с. 14].

Процесс кристаллизации и смыслового наполнения концепта *time* начинается с первого предложения романа:

*She'll be here today*¹.

При всей временной определённости слово **today** включает не только протяжённость дня (сейчас, через час, два и т. д.), но и передаёт ощущение близости встречи с кем-то очень важным и значимым для героя. В соединении с местоимением *she* энергетическая составляющая слова усиливается, благодаря краткости и простоте предложения отрезок времени приобретает эмоциональную окраску, связанную с особой глубиной чувств. Повтор мысли ещё раз подчёркивает её значимость: *She could be there this moment, just arrived!*

Impossible, I thought. She's not here. Not here is not possible! Every day convinced today's-the-day, and every day wrong!

Зеркальность структуры, игра слов и повторы демонстрируют изменчивость времени, сначала выступающего как ожидание, а затем – как разочарование

¹ Здесь и далее иллюстративный материал цитируется по: Bach R. The Bridge Across Forever: A True Love Story [Электронный ресурс] // AllFreeNovel : [сайт]. URL: <https://www.allfreenovel.com/Book/Details/34011/The-Bridge-Across-Forever-A-True-Love-Story> (дата обращения: 07.01.2023).

в возможности получения желаемого, определяя особую систему координат внутреннего мира: время – пространство – чувство. День отражает длительность ожидания и является символом постепенной утраты веры героя в возможность воплощения мечты и даже отчаяния. Течение дня обретает схожесть с течением жизни, формируя параллелизм в восприятии, казалось бы, различных временных отрезков.

Время, воспринимаемое как период земного существования человека, имеет свои ограничения и пределы, но этим и объясняется его особая ценность. Безусловная значимость времени состоит в нахождении смысла жизни, который у каждого свой. Ключевым моментом в данном отношении является ощущение счастья в настоящем и погружённость в процесс, который вызывает и поддерживает подобное состояние, придавая жизни истинный смысл:

“Are you happy? Are you doing, this **moment**, exactly what you most want to do in the world?”

Время неосознаемо и быстротечно, но иногда получает значение смены жизненных ориентиров, играет важную роль в принятии тех или иных решений, способных в корне изменить самого человека, его настоящее и будущее:

And now it's **time** to move on. Where's **the door** just opened?

Дверь выступает как символ возможностей, появляющихся на определённом этапе временного континуума, открывающаяся дверь служит средством связи, объединения прошлого и будущего. Проявляется отчётливая связь понятий «время» и «бытие», о которой писал М. Хайдеггер: «Время и бытие сбываются в событии»¹.

“When you were with your horses, was the world a different color **from other times**?”

Важно обратить внимание на тот факт, что время с точки зрения автора / героя делимо и имеет цвет, который может быть различным в определённые периоды жизни людей в силу конкретных причин, таких как, например, нахождение с дорогим и любимым человеком или радость общения с животными, природой.

I didn't answer, and she fell into her own private **time**, back with Sandy. I returned to my letter.

Приведённый отрывок из текста также демонстрирует нам, что время не абстрактно. Оно бывает как совместным, так и личным и очень индивидуальным.

В следующем контексте обращает на себя внимание многозначность временного отрезка:

But wouldn't it be terrible, **the day** comes we learn how to ship something back in **time**, and we've got nothing to send?

Проявляется специфическая характеристика художественного дискурса: одновременно функционирующая палитра смыслов: с одной стороны, время – это учитель (день рассматривается как время новых открытий), а с другой – это вера в возможность преодоления пространственных и временных границ в будущем с целью что-то изменить, исправить и усовершенствовать в прошлом, что, безусловно, скажется как на настоящем, так и на будущем. Таким образом, развивается осмысление взаимосвязи, существующей между временами, их способности влиять друг на друга.

So much of my childhood is forgotten, yet that **moment** at the gate, word for word, stayed.

Время начинает отсчёт с ранних лет, с детства. Важный момент в жизни человека (особенно в юном возрасте, когда его душа очень восприимчива ко всему, происходящему вокруг) может навсегда запечатлеться в его памяти и выступать в качестве своеобразного ориентира относительно того, кого или что бы человек хотел видеть в своей жизни в дальней-

¹ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 404.

шем, а чего, наоборот, ему следует избегать и остерегаться. В результате, как точно замечает О. В. Бронникова, время приобретает структуру «универсального знания, носителем которого является субъект как представитель определённой социокультурной среды» [1, с. 7].

Важно обратить внимание на тот факт, что сознание не ограничено пространством и временем. Время устанавливает пределы только нашему земному пребыванию, существованию материальных вещей и предметов. Но время может не только длиться, затягиваться, сокращаться, но и ограничивать кого-либо или что-либо.

Iridescent imagination, intuition from a **hundred lifetimes** remembered, crystal honesty and steel fearless determination? How do I visualize those?

Время – это память мироздания о героизме, сотнях жизней, кристальной честности и стальной бесстрашной решимости. Эпитеты crystal, steel, fearless акцентируют внимание на важности выбора человеком жизненного пути и жизненной позиции.

Glorious **moments** in art, in books and films and dance, they're delicious because we see ourselves in glory's mirror.

Созерцание по-настоящему прекрасных вещей может нести в себе особую ценность: мгновения в искусстве значимы тем, что каждый человек, соприкасающийся с ним, ощущает свою сопричастность к успеху. Эпитет glorious поднимает значимость диалога человека с искусством на космическую высоту. Созвучными в данной связи представляются мысли Г. Гадамера, полагающего, что, например, современная картина, предстающая существующей вечно, подчиняется внутренней необходимости, формирующейся как «кристалл: складки, оставленные бытием, грани, морщины и линии, в которых время обретает твёрдость».¹

There are excitements indeed, having one's book read by many people. One can forget, charging **mile-a-minute** down the face of a giant wave, that if one isn't terribly skillful, the next surprise is sometimes called a wipeout.

Время обусловлено эмоциями. Автором создаётся неповторимый метафорический образ, объединяющий время, движение и эмоции. Благодаря сравнению ощущения популярности с восторгом сёрфера от скорости катания по водной поверхности, а восхищения с волной, получившей эпитет giant (гигантская), передаётся уникальный синтез чувств. Одновременно формируется антитеза a giant wave (гигантская волна) – a wipeout (смытие волной, уничтожение), открывающая идею о том, что в силу скоротечности времени расслабление, замедление личностного совершенствования равносильно гибели, так как может привести к потере достигнутых высот и уровня мастерства.

The new Lake amphibian, I thought, so sleek it looked as if it were built to move **through futures and pasts as well as air and water**, there's one she'd like.

Время предметно, оно вбирает в себя окружающий мир. На конкретном примере мы можем увидеть концептуальное объединение будущего и прошлого, которые ассоциируются в тексте с воздухом, воспринимаемым как конечность, и водой, ощущаемой как бесконечность. Примечательным является и обратное восприятие представленных понятий – от будущего к прошлому.

Движение – это время, воспринимаемое посредством метафоры полноводной реки, стремительно текущей вперёд, преодолевающей любые препятствия на своём пути к морю, в которое она впадает. Подобным образом только вперёд идёт и время, способствуя приближению к заветной мечте и обретению родственной души, которая захватывает и приостанавливает стремительность бега:

¹ Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 367.

No matter how fast **time-the-river** thundered over its rocks and depths, my raft was caught in snowy rapids.

Характерной особенностью времени в картине мира Р. Баха является его способность замедляться и даже останавливаться в определённые моменты.

Время в восприятии человека также может быть как счастливым, так и несчастливым, трудным и весьма мрачным. Представленные характеристики являются непостоянными и могут периодически быть взаимозаменяемы. Обращает на себя внимание деление автором времени на ночное и дневное, но не в плане освещения, а применительно к его эмоциональному и духовному наполнению. Так, именно ночное время характеризуется как пространство духовного общения, которое кардинальным образом отличается от времени общения днём и даже имплицитно противопоставляется ему.

The best way to pay for a **lovely moment** is to enjoy it.

Наслаждение временем – противостояние суете. Мгновения неповторимы. Нет абсолютно одинаковых моментов в жизни человека. Меняются обстоятельства, пути, краски, однако люди часто этого не замечают в связи с чрезмерным погружением в себя, свои проблемы, заботы, тратя времени на суету и рутину – то, что в действительности не является по-настоящему важным и значимым. Как справедливо отмечал Д. С. Лихачев, суетность вынуждает человека «безрассудно тратить самый большой и самый драгоценный капитал, каким он обладает, – свое время»¹.

Эксплицитно предстаёт параллель «писатель – каждый живущий на земле», имплицитно перерастающая в идею о необходимости творчества в жизни каждого человека и апеллирующая к христианским идеям. Человека можно сравнить с писателем, поскольку каждый также

является творцом, который создаёт свою собственную жизнь подобно тому, как мастера слова создают свои произведения:

I loved opening books to see how they'd begin. Writers create books the way we write **lifetimes**.

Данные строки перекликаются с идеями Р. М. Рильке, рассматривавшего человека как творца, и в этом его божественное предназначение:

Ангел,
 Это тебе покажу я. Во взоре твоём
 Пусть напоследок возникнет спасен-
 ная стройность.
 Башни, пилоны, Сфинкс. Упор, взыску-
 ющий неба.
 Сумрак былых городов. Сумрак соборов.
 Разве это не чудо? Ведь мы это сдела-
 ли, ангел.
 Поведай, великий, что мы на та-
 кое способны².

Время – это символ свободы в том случае, если оно сопряжено с раскрепощённостью. Образы свободы – лодки и аэропланы, которые «впитывают» безграничность небесного и водного пространств:

Why is it that so many airplane pilots also sail boats? Airplanes have freedom in space, sailboats have freedom **in time**. It's not the hardware, we want, it's the unshackledness that the hardware represents.

Контексты формируют концептуальные взаимосвязи:

I knew what was right when I was the kid, and again when I quit barnstorming: find my **lifemate forever soul an-gel-become-woman** to learn with and to love.

Структура слов демонстрирует связь концептов *time* и *soulmate*, в результате взаимодействия которых появляются лексические единицы *lifemate* и *forever-soul*. Данные трансформации приводят к

¹ Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1989. С. 37.

² Рильке Р. М. Элегия седьмая // Рильке Р. М. Duineser Elegien. Дуинские элегии 1912–1922. Мюнхен-М.: Im-Werden-Verlag, 2002. С. 34.

появлению особого авторского окказионализма *an-gel-become-woman* (*ангел-в-облике-женщины*), означающего постижение смысла жизни на земле: получение истинного знания, познание сути времени и подлинной любви. Время любви – это единое пространство, которое объединяет все параллельные миры. Оно неделимо, не имеет ограничений и объединяет времена, людей, события, ценности.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что *time* в романе Р. Баха представляет собой и цикл жизни, и её ритм, так как включает в себя скоростные характеристики и периоды, и ценность, поскольку человеку удаётся наполнить его глубоким содержанием и реализовать себя в нём (в случае главного героя это поиск и обретение своей родной души), и процесс мышления, разговора с внутренним миром, диалога, направленного на постижение сущностных вопросов жизни, совершенствование души и обретение счастья, и вместилище воспоминаний. Характерной особенностью времени в рамках текста произведения Р. Баха «Мост через вечность» выступает его свойство идти в обратную сторону. По мнению автора, прошлое и настоящее сосуществуют в разных измерениях, взаимосвязаны, взаимозависимы и могут меняться под воздействием друг друга. Не менее важной характеристикой времени, которое в контексте романа не является абсолютным, выступает его зависимость от сознания человека, определяющего время, характеризующего, наполняющего его смыслом и управляющего им.

3. Кристаллизация концепта *soulmate* (*родственная душа*) в романе Р. Баха «The Bridge Across Forever» («Мост через вечность»)

В. А. Маслова отмечает важность духовной ипостаси человека, позволяющей ему «вступить в контакт с инобытием, потому что духовный аспект человека даёт ему метафизическое измерение» [7,

с. 25–26]. Е. А. Соловьева относит **soul** к ключевым концептам культуры, ценностные составляющие которых обусловлены нормативными установками, определяющими отношение человека к различным аспектам его внутреннего мира, включающим приоритет духовных ценностей, нравственного и интеллектуального развития человека над материальными благами, высокую оценку умения контролировать эмоции, а также мыслить и действовать рационально [11, с. 6]. Несмотря на многочисленные исследования в данной области интерес к теме не уменьшается, наоборот, с течением времени она становится всё более и более актуальной.

Рассмотрим смысловое наполнение концепта *soulmate* (*родственная душа*) в процессе его кристаллизации в романе Р. Баха. В данной связи необходимо учитывать, что мы акцентируем внимание только на тех примерах, которые демонстрируют приращение смысла.

Буквально с первой страницы подчёркивается, что *soulmate* – это не только любовь всей жизни главного героя, но, прежде всего, родственная для него душа во всех смыслах этого слова.

How long have I been missing you, **dear soulmate**, I thought, dear wise mystical lovely lady?

Повтор лексической единицы *dear*, употреблённой вместе с *soulmate*, обращает внимание на трепетное отношение героя к родственной душе, характеризующейся посредством эпитетов *wise*, *mystical*, *lovely*, и осознание им огромной важности и значимости возможности обретения той, о которой он тосковал, не зная в точности, кто она, где и существует ли в реальном мире или это только плод его собственного воображения.

After searching the thousandth crowd, I'm beginning to doubt that **soulmates appear in hayfields**.

Гиперболизация поиска и образ скошенного поля одновременно выступают в нескольких смыслах:

1) реальное поле, противостоящее городу;

2) символ пустоты, безлюдности и бездуховности.

Without the **power of that love**, we're boats becalmed on seas of boredom, and those are deadly.

Метафора **power of that love** характеризует значимость чувства в человеческой жизни. Особый интерес представляет сравнение людей с лодками: любовь даёт человеку такую силу, как лодкам мотор. Без неё жизнь теряет смысл, становится скучной и однообразной.

"YO! RICHARD! If it'll make you feel any better, listen! **Your one woman in all the world? Your soulmate?**" it said. "You already know her!"

Знаки препинания демонстрируют высокий эмоциональный накал. Троекратное обращение, многочисленные смысловые повторы открывают противостояние концептов «чувство» и «разум». Необычный образ диалога с самой собой, появление внутреннего голоса является предвестником реализации мечты в образе единственной родной души. Так формируется смысл, состоящий в том, что при искреннем и самоотверженном поиске «включается» внутренний голос, появляются внутренние силы, которые помогают идти по выбранному пути и преодолевать временные и пространственные ограничения, чтобы найти, почувствовать и обнаружить родную душу.

Одновременно образ родственной души приобретает определённую характеристику: традиционное восхождение к теме *христианской любви*, женственности, *женщины*. Возникает интертекстуальная взаимосвязь с произведениями мировой литературы, прежде всего русской, в которой, как справедливо отмечает А. А. Купавская образ женщины, «реальной или созданной авторской творческой фантазией, представляет собой обязательный компонент произведений словесности, от фольклора до современной литературы» [5, с. 75].

Не менее интересным выступает деление автором душ на несколько условных категорий, среди которых особое место занимают мудрейшие и просвещённые, к мнению которых следует прислушиваться:

According to **the wisest souls**, we know everyone everywhere without having met in person-not much comfort when you're trying to narrow your search.

В рамках текста существуют образы, неоднократно приводимые и выступающие в качестве антитезы родственной душе в форме «не она», «не его Единственная», предстающие как детализация образа толпы, множества:

Soulmates we would never be.

В реальной жизни родная душа по воле случая может появиться как запоминающееся или уже знакомое в силу каких-то причин лицо, которое производит приятное впечатление, однако не более того.

Leslie was the one person I **trusted** in Hollywood, and I flew to Los Angeles to talk with her once more.

Родственная душа может быть только единственной в своём роде, поэтому она требует персонификации и впервые появляется в тексте как Лесли, родственная душа главного героя Ричарда, как символ доверия, будучи выделенной героем на фоне остальных людей из её круга в силу внутренних качеств этой удивительной женщины. Она единственная в Голливуде, мнение которой очень важно и ценно для центрального персонажа; формируется взаимодействие на уровне не только разума, но и на уровне чувств.

And there she was, **eyes of sea and sunshine**, sparkling hello. No touch, not even a handshake, and neither of us thought it strange.

В представленном контексте особое внимание уделяется глазам, метафорически сопоставимым с морским пространством. Апеллируя к образу лодки, символизирующему свободу, глаза исторически ассоциируются с душой. Они

живые и могут любить, благодарить, страдать, обнимать, понимать, отвечать на все интересующие вопросы и часто скажут намного больше, чем слова, будучи способными раскрыть неизведанные тайны глубины души. Следует отметить универсальность данного образа, достаточно регулярно появляющегося в художественных текстах авторов различных лингвокультур [9, с. 122]. Глаза героини никогда не молчат. Сравнение их сияния со светом солнца на морской волне демонстрирует её особую красоту и уникальность. Данный вид метафоризации представляется универсальным.

When the sun went down, I noticed, her eyes changed color, to sea-and-moonlight.

Использование метафоры при изображении нового цвета глаз героини (оттенка лунного света на морской волне) способствует созданию яркого и запоминающегося образа; с другой стороны, возникает палитра многозначности, объединяющей совершенство и тесную взаимосвязь природы, женщины и любви, воплощающих единый символ вечного рождения и возрождения, совершенство, восходящее к понятиям Вечной женственности В. Соловьева и *das Ewig-Weibliche* И. В. Гете.

Leslie was unique in my life: a beautiful sister whom I trusted and admired, with whom I spent night after night over a chess-board, but never a moment in bed.

Лексические единицы *unique*, *beautiful*, *sister*, *trusted*, *admired*, по сути, формируют градацию эмоционального отношения; положительно окрашенная лексика предвосхищает действие, способствует репрезентации перехода состояний от дружбы к любви. В представленном контексте мы можем наблюдать сближение концептов *soulmate* и *mind* (разум). В данном случае Лесли выступает для Ричарда как человек, с которым было полное взаимопонимание и доверие, основывающееся на духовной близости. Это объект восхищения главного героя, с Лесли он любил проводить время за шахматной

игрой, интеллектуальными и душевными беседами.

I AM!

YOU ARE! AND LOVE: IS ALL: THAT MATTERS!

Три восклицательных предложения, следующих одно за другим, и заглавные буквы реализуют основную идею автора, относящуюся к любви. Структура говорит об однозначности утверждений, восходящих к сильному чувству как идее всего единственно значимого в этом мире.

Love! So intense! If it were green, it would be a green so transcendently green that even the Principle of Green couldn't have imagined ... I COULDN'T STAND THE JOY of that Love ...

Авторский мир характеризуется синестезийным единством: любовь имеет цвет, ей контекстуально приписывается зелёный, яркость которого подчёркивается четырьмя повторами, заключительный из которых представлен с заглавной буквы, демонстрирующей одновременно повтор, градацию и многозначность. В первую очередь, этот цвет ассоциируется с самой жизнью и возрождением, временем весны и преображением мира. В данном случае преображение затрагивает внутренний мир главного героя, его душу, охваченную неземным счастьем в связи с обнаружением той женщины, которую он долго искал, демонстрируя метафорический универсальный параллелизм образов природы и духовного мира. Использование многочисленных сравнений позволяет ярко представить силу любви. В данном случае на уровне основных составляющих обнаруживается тесная взаимосвязь романа Р. Баха с современным популярными романами С. Ахерн, в основе которых находятся концепты «любовь», «дружба», «семья» [10], что позволяет говорить не только об универсальности, вневременной значимости, но и росте актуальности данных категорий.

“To a guardian angel, loving is more important than anything else. To them, our love-life is more important than any other

kind of **life** we have! What else should **angels** care about?”

Важнейшей в контекстуальном осмыслении становится оценка любви высшими силами. Образ ангела-хранителя позволяет соотнести чувства человека с христианскими высшими ценностями, любовь воспринимается как божественный дар человечеству, сила её является неизмеримой. Образ ангела формирует интертекстуальные связи, восходящие к классическим произведениям мировой литературы [13]. Именно эта духовная сила способна совершать чудеса и преобразовать всё вокруг. Тем не менее, любовь довольно хрупка и требует бережного к ней отношения. Посредством окказионализма **our love-life** любовь превращается в смысл жизни и саму жизнь.

“You know. When you find **one woman in the world** who can give you more than many **women** can, I'll disappear.”

Одна по-настоящему родственная душа может заменить великое множество других женщин (антитезу образуют единственное и множественное число: woman – women). Родственные души не обязательно должны быть похожи во всём. Они могут видеть мир сквозь призму своих увлечений, которые могут быть различными по своей природе (в частности, Ричард воспринимает жизнь как шахматную игру, а Лесли – как сонату). Эта разница в миропонимании может приводить к взаимному непониманию, а как следствие отдалению друг от друга и в итоге – гибели любви. Выход из сложившегося положения – это попытаться посмотреть на окружающую действительность глазами другого человека, стремиться постичь внутренний мир того, кто по-настоящему дорог. Таким образом, любовь – средство рождения эмпатии, чрезвычайно необходимой в современном мире.

I promised that I'd learn from her how to love, to drop my frozen **Perfect Woman** and let **Leslie** as close to me as she would let me to her.

Встреча со своей родственной душой и последующее сближение с ней требует внутренних изменений с целью гармоничного существования с его возлюбленной. Желание взаимопонимания способствует рождению эмпатии и результативному достижению взаимопонимания.

I met a **Leslie** I had never seen: total focused business-at-hand; **no smiles, no personal asides, one-track one-rail single-minded concentration.**

Форма *a Leslie*, повтор отрицания *no* и ряд необычных эпитетов способствуют репрезентации удивления, открывающего многогранность диалога родственных душ. Процесс взаимоотношений с родственной душой предстаёт как постоянное обогащение понимания её новых граней и вместе с тем своих. Таким образом предстаёт неизменное совершенство земного мира, состоящее в дихотомии, обеспечивающей постоянное развитие и совершенствование.

I wanted to tell her, and I wanted to touch her, too. **Time for both, I thought, time for both.**

Повтор **time for both** демонстрирует временной переход от I и you к we (both). В рамках представленного фрагмента текста мы можем наблюдать пересечение концептов *soulmate* и *time*. Время, которое главные герои проводят вместе, для них бесценно. Это подарок судьбы, источник безграничного счастья и радости, само вдохновение.

Principles of **love** and **guidance** and **support** and **healing**, those are working for us, even now.

Поставленные в один ряд принципы любви, поддержки, взаимопомощи и исцеления играют важную роль в жизни обретших друг друга родных душ. При этом следует отметить, что любовь в данном списке стоит на первом месте, а заключительным является исцеление, демонстрирующее духовное преображение.

We're **the bridge across forever**, ... learning **love** and **love** and **LOVE!**

Образ *the bridge across forever*, являющийся повтором заголовка, используется в контексте с повтором *love*, который становится основой любви. Родные души в их нерушимом союзе представляют собой мост через вечность, который возвышается над морем обыденности и тщетной суеты. Вместе они ищут приключения ради земной радости, постигают вечные тайны мироздания, выбирают невообразимые испытания, проверяя себя снова и снова, познавая любовь, любовь и ещё раз ЛЮБОВЬ. Повтор лексической единицы **LOVE** и её выделение заглавными буквами в конце предложения говорит о её первостепенности и непреходящем значении в жизни людей. Это причина всего происходящего на Земле, смысл жизни и сама жизнь во всех её проявлениях.

“Wish them love!”

Love (любовь) выступает как заключительное слово в романе, в результате чего на него падает максимальный акцент. В результате формируется циклическая структура текста: **the bridge across forever – love**.

Таким образом, родственную душу в рамках авторской концепции можно охарактеризовать как сильного человека, равного своему партнёру и разделяющего его любовь, под которой понимается духовная близость, тесная связь, совместимость и доверие. Данный концепт выступает как некая совокупность смыслов, одновременно относящихся к человеку, миру природы и духовному универсуму в целом. Ощущение полной безопасности способствует возникновению возможности узнать не только окружающий мир,

но и свои скрытые способности и возможности.

Заключение

Таким образом, в процессе кристаллизации базовые концепты *time* и *soul-mate* предстают как сложные структурно-семантические образования, многогранные концепты, позволяющие определить ценностные ориентиры как необходимые ориентиры и точки рефлексии современного общества, универсальные ценности, существующие вне времени. Художественное слово многомерно и многогранно. Сгущение смысла, формируемое синергией образов, ритма, экспрессии, авторских знаков, дихотомии «значение-смысл», ассоциативного ряда, возникающего в пространстве диалога «текст – рефлексивная реальность реципиента», формирует эмоционально и экспрессивно насыщенное пространство основополагающих индивидуально-авторских концептов. Полиинтерпретируемость и обширный диапазон связей, рождённых художественным пространством, способствуют вовлечению в диалог с текстом бесконечного интертекстуального пространства и превращают авторский концепт в метаконцепт, а индивидуально-авторское пространство в метапространство.

Выявление и анализ кристаллизации аксиологических доминант позволяет определить структурно-семантическую организацию художественного дискурса, открывает перспективы моделирования индивидуально-авторских и иных дискурсивных пространств.

Дата поступления в редакцию 07.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Бронникова О. В. Модусный метаконцепт ВРЕМЯ/ TIME в русском и английском языках: на материале данных национальных корпусов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2017. 25 с.
2. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Вопросы филологии. 2007. № S1 (IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27–30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады). С. 86–95.
3. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX–XX вв.: монография. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.

4. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Парадигма, 2012. 447 с.
5. Купавская А. А. Героиня в пространстве художественного текста: лингвопрагматический аспект (на материале произведений русской классики XIX в.): дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2022. 201 с.
6. Макарова В. А. Сверхсюжетное время в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 13–20. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-13-20.
7. Маслова В. А. Лингвокультурное введение в теорию человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 21–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-21-28.
8. Маслова В. А. Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2004. 255 с.
9. Поверенная А. А. Лингвокультурные особенности сказочного дискурса: аксиологический аспект (на материале немецкого и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2022. 191 с.
10. Редкозубова К. А. Кристаллизация концептов «любовь», «дружба», «семья» в современном художественном дискурсе (на материале романов С. Ахерн): дисс. ... канд. филол. наук. Армавир, 2021. 235 с.
11. Соловьева Е. А. Концепты MIND, HEART, SOUL в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 24 с.
12. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца XX века: сборник статей. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.
13. Черкасова И. П. Аксиологическая доминанта «ангел» в поэтическом мире А. А. Тарковского // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 214–229. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-214.
14. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
15. Predelli S. Fictional Discourse: A Reply to von Solodkoff's 'Demoting Fictional Names' // The British Journal of Aesthetics. 2022. Vol. 62. Iss. 2. P. 231–240. DOI: 10.1093/aesthj/ayab025.
16. von Solodkoff T. Demoting Fictional Names – A Critical Note to Predelli's Fictional Discourse: A Radical Fictionalist Semantics // The British Journal of Aesthetics. 2022. Vol. 62. Iss. 2. P. 223–230. DOI: 10.1093/aesthj/ayab024.

REFERENCES

1. Bronnikova O. V. *Modusnyy metakontsept VREMYA / TIME v russkom i angliyskom yazykakh: na materiale dannykh natsional'nykh korpusov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Modal metaconcept VREMYA / TIME in Russian and English languages: based on data from national corpora: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tyumen, 2017. 25 p.
2. Demyankov V. Z. [Text and discourse as terms and as words of everyday language]. In: *Voprosy filologii* [Questions of Philology], 2007, no. S1 (IV International Scientific Conference "Language, Culture, Society". Moscow, September 27–30, 2007: Plenary reports), pp. 86–95.
3. Dymarskiy M. Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst. Na materiale russkoy prozy XIX–XX vv.* [Problems of text formation and artistic text. Based on the material of Russian prose of the 19th–20th centuries]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 328 p.
4. Karasik V. I. *Yazykovaya matritsa kultury* [Language matrix of culture]. Moscow, Paradigma Publ., 2012. 447 p.
5. Kupavskaya A. A. *Geroinya v prostranstve khudozhestvennogo teksta: lingvopragmaticheskiy aspekt (na materiale proizvedeniy russkoy klassiki XIX v.): diss. ... kand. filol. nauk* [The heroine in the space of a literary text: linguopragmatic aspect (based on the works of Russian classics of the 19th century): PhD thesis in Philological Sciences]. Maykop, 2022. 201 p.
6. Makarova V. A. [Super-subject time in literary text]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 3, pp. 13–20. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-13-20.
7. Maslova V. A. [Linguo-cultural introduction to the theory of human]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 3, pp. 21–28. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-3-21-28.

8. Maslova V. A. *Poet i kultura: Kontseptosfera Mariny Tsvetayevoy* [Poet and culture: Conceptosphere of Marina Tsvetaeva]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2004. 255 p.
9. Poverennaya A. A. *Lingvokul'turnyye osobennosti skazochnogo diskursa: aksiologicheskii aspekt (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov): diss. ... kand. filol. nauk* [Linguistic and cultural features of fairy tale discourse: axiological aspect (based on the material of the German and Russian languages): PhD thesis in Philological Sciences]. Krasnodar, 2022. 191 p.
10. Redkozubova K. A. *Kristallizatsiya kontseptov «lyubov'», «druzhba», «sem'ya» v sovremennom khudozhestvennom diskurse (na materiale romanov S. Akhern): diss. ... kand. filol. nauk* [Crystallization of the concepts "love", "friendship", "family" in modern artistic discourse (based on the novels of S. Ahern): PhD thesis in Philological Sciences]. Armavir, 2021. 235 p.
11. Solovyeva Ye. A. *Kontsepty MIND, HEART, SOUL v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Concepts MIND, HEART, SOUL in modern English: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2005. 24 p.
12. Stepanov Yu. S. [Alternative world. Discourse, Fact and the Principle of Causality]. In: *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late 20th century]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995, pp. 35–73.
13. Cherkasova I. P. [Axiological dominant "angel" in the poetic world of A. A. Tarkovsky]. In: *Novyy filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2022, no. 4 (63), pp. 214–229. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-214.
14. Shmid B. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 312 p.
15. Predelli S. Fictional Discourse: A Reply to von Solodkoff's 'Demoting Fictional Names'. In: *The British Journal of Aesthetics*, 2022, vol. 62, iss. 2, pp. 231–240. DOI: 10.1093/aesthj/ayab025.
16. von Solodkoff T. Demoting Fictional Names – A Critical Note to Predelli's Fictional Discourse: A Radical Fictionalist Semantics. In: *The British Journal of Aesthetics*, 2022, vol. 62, iss. 2, pp. 223–230. DOI: 10.1093/aesthj/ayab024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черкасова Инна Петровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета);
e-mail: inna_cherkasova@mail.ru

Черкасова Анастасия Сергеевна – ассистент кафедры иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета);
e-mail: anastasiia_cherkasova95@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Inna P. Cherkasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Foreign Languages, K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (First Cossack University);
e-mail: inna_cherkasova@mail.ru;

Anastasiia S. Cherkasova – Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (First Cossack University);
e-mail: anastasiia_cherkasova95@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Черкасова И. П., Черкасова А. С. Кристаллизация аксиологических доминант *time* и *soulmate* в романе Р. Баха «Мост через вечность» // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 102–115.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-102-115

FOR CITATION

Cherkasova I. P., Cherkasova A. S. Crystallization of axiological dominants *time* and *soulmate* in R. Bach's novel "The bridge across forever". In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 102–115.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-102-115

УДК 81'37

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-116-124

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПА СУБЪЕКТА В КВАЗИСУБЪЕКТНЫХ МОДЕЛЯХ ТИПА *КНИГА ЛЕГКО ЧИТАЕТСЯ*

Шестопалова А. М.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. В статье рассматриваются методики определения типов субъектов в русских квазисубъектных моделях типа *Книга легко читается*, описывается семантика разновидностей данных синтаксических конструкций, определяется их место в общей системе русских синтаксических моделей.

Процедура и методы. Проанализированы примеры употребления данных синтаксических конструкций, выявлены типы субъекта, далее на основе предложенных в работе семантических тестов и семантического эксперимента верифицирована интерпретация типов субъектов, используемых в рассматриваемой конструкции.

Результаты. В результате проведённого анализа и тестирования русских квазисубъектных моделей были определены условия реализации того или иного типа субъекта в исходной конструкции. Установлено количественное соотношение типов субъекта в данных моделях, которое обосновывается особенностями русскоязычной картины мира, что позволяет описать семантику квазисубъектных моделей.

Теоретическая и/или практическая значимость работы заключается в том, что в ней предложен системный способ определения семантических компонентов в составе квазисубъектной конструкции, который в дальнейшем может быть применён при исследовании данных синтаксических конструкций в других языках. Полученные результаты также могут найти практическое применение при изучении вопросов семантики и синтаксиса русского и других языков.

Ключевые слова: квазисубъектная модель, семантика, семантические тесты, тип субъекта, языковая картина мира

DEFINING THE SUBJECT IN QUASI-SUBJECT CONSTRUCTIONS SUCH AS *KNIGA LEGKO CHITAETSJA*

A. Shestopalova*Moscow City University**Vtoroy Selskhozajstvenny proezd 4, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. To address the methods of defining the subject type within Russian quasi-subject constructions such as *Kniga legko chitaetsja* (*The book is easy to read*), to describe the semantics of various syntactic constructions of this type, to outline their place in the general system of Russian syntactic constructions.

Methodology. The paper analyses samples of quasi-subject constructions, outlines the subject types, and verifies the subject type interpretation based on the proposed semantic tests and experiment.

Results. The analysis and testing of Russian quasi-subject constructions help outline the factors that define which subject type would take place within the original construction. The paper establishes the quantitative ratio of the subject types that is supported by the features of the Russian linguistic map of the world and helps describe the semantics of quasi-subject models.

Research implications. The article suggests a systematic way to define a semantic component within the quasi-subject construction, which can be used for further analysis of such syntactic constructions in other languages. The results can also be applied to semantic and syntactic problems in Russian and other languages.

Keywords: quasi-subject construction, semantics, semantic tests, subject type, linguistic map of the world

Введение

В настоящее время в качестве одного из динамично развивающихся направлений в лингвистике выступает изучение семантики различных языковых единиц, их роль в языковой картине мира. В частности, в рамках данного направления можно выделить вопросы семантики синтаксических конструкций. Так, рассматриваются особенности когнитивной интерпретации различных синтаксических конструкций [6; 12; 15], семантика конструкции в целом [8; 9], а также отдельные семантические компоненты синтаксической конструкции [3; 4; 13; 14; 16; 17]. Описание семантики отдельных элементов исследуемой конструкции позволяет в дальнейшем представить синтаксические модели в структурированном виде, а также определить их место в языковой картине мира носителя языка.

В данной статье рассматриваются русские квазисубъектные модели типа *Книга легко читается*, внимание уделяется типам субъекта, которые реализуются в рамках данных моделей, и способам их определения. Данные конструкции ранее являлись предметом исследования и рассматривались, например, с точки зрения декаузативной деривации [5; 7] и залоговой перспективы [1; 10]; внимание также уделяется английскому аналогу русских квазисубъектных моделей [18; 19], однако работ, посвящённых анализу субъектной перспективы квазисубъектных моделей и предлагающих способы её определения, на данный момент не представлено. Следовательно, поиск способов определения

типов субъекта, реализующихся в исследуемой синтаксической модели, и последующее описание субъектной перспективы и определение места исследуемых моделей в языковом сознании носителя языка представляются актуальной задачей данного исследования.

Материал и методы исследования

Материалом данного исследования послужили примеры употребления квазисубъектных моделей, отобранные на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹. В результате размер эмпирической базы составил 250 высказываний, которые далее были проанализированы для определения типа субъекта. В данных целях мы обращаемся к классификации типов субъектов, предложенной О. Н. Селиверстовой [11, с. 110–112], согласно которой были выделены следующие типы субъекта:

– **Неопределяющий агентивный субъект** (далее – НА субъект) указывает на такой субъект X, который прилагает некоторые усилия для осуществления действия P, однако выполнение данного действия в конечном итоге зависит от некоторой внешней силы Z. Например, в высказывании *Жировые клетки быстро расщепляются*² субъект X (*жировые клетки*) «прилагает» определённые усилия для осуществления действия P

¹ Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.12.2022).

² Здесь и далее иллюстративный материал подобран из НКРЯ.

(*расщепляются*), в силу своих свойств: клетки обладают определёнными химическими свойствами, которые позволяют им вступать в реакцию и далее расщепляться. Окончательный результат действия *быстро расщепляться*, однако, зависит от некоторой внешней силы Z (условия внешней среды, наличие катализатора, температурный режим, др.).

– **Неопределяющий неагентивный субъект** (далее – НН субъект): субъект X является пациенсом, т. е. реализация действия P полностью зависит от внешней силы Z. Ср.: *Законы нарушаются постоянно*, где действие *нарушаться* не зависит от субъекта *законы*. Для осуществления данного действия, напротив, необходимо наличие внешней силы Z (группа людей, организация, др.).

– **Определяющий неагентивный субъект** (далее – ОН субъект) предполагает, что для реализации действия P субъект X полагается только на внутренний источник энергии, снимая тем самым необходимость в наличии внешней силы Z. Ср.: *Волосы чуть вьются*, где субъект *волосы* обладает определёнными характеристиками и свойствами, которые позволяют ему производить свою собственную энергию для последующей реализации действия P (*чуть вьются*).

Далее, с опорой на работы [7; 10], была составлена система семантических тестов, которые позволяют определить тот или иной тип субъекта, реализующийся в исходной квазисубъектной модели. Так, были выделены следующие преобразования и факторы:

- тест на сочетаемость с дополнением в творительном падеже;
- преобразование в неопределённо-личную конструкцию;
- преобразование типа «Субъект X возможно легко / быстро / др. подвергнуть действию P»;
- преобразование типа «Субъект X способен легко / быстро / др. выполнять действие P сам по себе»;

– наличие в модели глагола, в семантике которого присутствуют компоненты, фиксирующие способ и характер действительности, наличие и тип орудия;

– наличие в квазисубъектной модели глагола, семантика которого предполагает, что для реализации действия необходимы определённые внешние условия;

– наличие в квазисубъектной модели глагола движения на *-ся*.

Рассмотрим далее особенности данных семантических тестов применительно к вышеуказанным типам субъекта.

Определение типа субъекта в квазисубъектных моделях

Обратимся к семантическим тестам, позволяющим определить **НН субъект**, т. е. такой тип субъекта, который выступает в высказывании пациенсом. Среди тестов, которые позволяют выделить данный тип субъекта, можно отметить преобразование в неопределённо-личную конструкцию, при котором сохраняется семантика исходного высказывания, например:

Тема горячо обсуждается – Тему горячо обсуждают.

Дата записывается полностью – Дату записывают полностью.

Как представляется, сохранение семантики исходного высказывания можно объяснить тем, что описываемая ситуация не зависит от свойств и характеристик, которые присущи субъекту X (*тема, дата*). Соответствующие действия (*горячо обсуждаться, записываться полностью*) могут реализовываться лишь при условии, что некая внешняя сила Z (человек, группа людей и др.) прикладывает определённые для этого усилия.

Наряду с этим, тест на сочетаемость с дополнением в творительном падеже также позволяет выделить в высказывании НН субъект. Возможность данного преобразования обуславливается в том числе присутствием в высказывании глагола, в семантику которого входят компоненты, указывающие на характер и способ

действия или наличие инструмента или орудия. Ср.:

*Школы регулярно проверяются – Школы регулярно проверяются **специалистами** / **инспекционными комиссиями***, где возможность добавления дополнения в творительном падеже указывает на то, что для реализации действия Р (*проверяются*) необходимо присутствие постоянных лиц.

*Гвоздь легко забивается – Гвоздь легко забивается **молотком***, где для осуществления данного действия необходим ударный инструмент.

*Слово пишется полностью – Слово пишется полностью **ручкой***, где для осуществления данного действия необходим пишущий предмет.

Следующим семантическим тестом выступает возможность преобразования типа «Субъект Х возможно легко / быстро / др. подвергнуть действию Р». В данном случае предикат *возможно* указывает на необходимость наличия внешней силы, усилиями которой будет реализовываться указанное действие. Ср.:

Наркотики легко смешиваются – Наркотики возможно легко смешать.

Древесина хорошо обрабатывается – Древесину возможно хорошо обработать.

Таким образом, для определения НН субъекта используются следующие тесты: преобразование высказывания в неопределённо-личную конструкцию, в результате которого исходное и преобразованное высказывания остаются семантически равнозначными; преобразование типа «Субъект Х возможно легко / быстро подвергнуть действию Р»; возможность добавления дополнения в творительном падеже или наличие в высказывании глагола, денотат которого подразумевает использование инструмента или орудия для осуществления описываемого действия.

Далее обратимся к семантическим тестам, позволяющим определить **ОН субъект**, т. е. субъект Х полагается лишь на себя при осуществлении дей-

ствия Р, и наличие внешней силы Z в данном случае необязательно. Для выделения ОН субъекта также применяется преобразование высказывания в неопределённо-личную конструкцию, характерной чертой которой является изменение исходной семантики высказывания. Это объясняется тем, что ОН субъект полагается лишь на себя при реализации действия и не требует наличия стороннего агенса. Отсюда следует изменение семантики высказывания при перестройке его в неопределённо-личную конструкцию, либо невозможность её построения. Ср.:

Вода постоянно испаряется – Воду постоянно испаряют (происходит семантический сдвиг с субъекта высказывания *вода* на некую внешнюю силу или агенса, например, ***растения** постоянно испаряют воду*).

*Волосы чуть вьются – *Волосы чуть вьют* (в данном случае высказывание в неопределённо-личной форме не представляется адекватным).

По причине того, что субъект полагается лишь на внутренний источник энергии при продуцировании действия, к такому высказыванию невозможно добавить дополнение в творительном падеже. Например, к высказываниям ниже не представляется возможным подобрать дополнение в творительном падеже для того, чтобы преобразованное высказывание можно было считать приемлемым:

Топливо испаряется моментально – Топливо испаряется моментально кем? чем?

Дым медленно рассеивается – Дым медленно рассеивается кем? чем?

Поскольку у высказываний, содержащих ОН субъект, нет целеполагающего стороннего агенса, действие, наоборот, поддерживается лишь внутренней энергией субъекта. Отсюда следует, что такие высказывания позволяют трактовать действие как происходящее само по себе и зависящее лишь от заложенных в субъекте свойств. В данном случае возможно применить преобразование типа «Субъ-

ект X способен легко / быстро / др. выполнять действие Р сам по себе». Ср.:

Колеса вращаются быстро – *Колеса способны быстро вращаться сами по себе*, потому что составные механизмы могут быть хорошего качества.

Кровь быстро обращается – *Кровь способна быстро обращаться сама по себе*, поскольку система кровообращения продуцирует собственную энергию для обеспечения своей работы.

Сердце сильно бьётся – *Сердце способно сильно биться само по себе*, так как сердце продуцирует собственную энергию, которая обеспечивает его работу.

Следовательно, при реализации ОН субъекта в высказывании преобразование в неопределённо-личную конструкцию происходит с изменением исходной семантики высказывания, а тест на сочетаемость с дополнением в творительном падеже даёт отрицательный результат, что позволяет говорить о независимом от внешних факторов субъекте, который будет полагаться только на внутренний источник энергии.

Далее рассмотрим семантические тесты, позволяющие выделить в исходной квазисубъектной модели **НА субъект**, т. е. такой субъект X, который «прилагает» определённые усилия для осуществления действия Р, однако окончательный результат зависит от внешней силы Z. Для определения данного типа субъекта одним из основных тестов выступает проверка на наличие в конструкции глагола движения на -ся, при которых субъект высказывания рассматривается как каузатор движения и в высказывании можно наблюдать имплицитно заданный агент [2, с. 516–517], например:

Ракеты поднимаются непрерывно.

Лифт равномерно движется.

Звёзды заметно перемещаются.

В данным примерах глагол движения указывает на то, что субъект X (*ракеты, лифт, звёзды*) прилагают определённые усилия для осуществления соответствующих действий (работа определённых

систем ракет и механизмов лифта, продуцирование энергии звёздами, др.), однако результат осуществления действия зависит от внешних сил (работа систем запуска ракет, работа подъёмных механизмов, реализация конкретных космических явлений, др.).

Следующим тестом, позволяющим выделить в исследуемой модели НА субъект, является наличие в модели глагола, денотат которого подразумевает обязательное наличие внешних условий для реализации описываемого действия, например:

Болезнь быстро распространяется.

Куст равномерно разрастается.

В данных высказываниях соответствующие глаголы имплицитно подразумевают, что для реализации действия Р (*распространяться, разрастаться*) необходимо влияние определённых внешних факторов, т. е. приложение усилий со стороны внешней силы Z. Так, *болезнь* обладает определёнными свойствами, которые позволяют ей *распространяться*, однако процесс быстрого распространения зависит от определённых внешних условий (отсутствие превентивных мер, наличие близких контактов между людьми, др.). Аналогичная ситуация наблюдается во втором из данных высказываний: субъект X (*куст*) постоянно находится в процессе роста, однако равномерное разрастание куста также зависит от определённых внешних условий (температурный режим, свойства почвы, уровень влажности, др.). Таким образом, если ситуация предполагает обязательное наличие внешних условий, без которых результат действия не может наблюдаться, тогда в высказывании будет реализовываться НА субъект.

Следует отметить, что большинство из рассмотренных ранее тестов выдают в результате отрицательный языковой материал. Так, например, к высказываниям с НА субъектом невозможно подобрать дополнение в творительном падеже, так как возникает трудность подбора соответствующего дополнения. Ср.:

Мхи взбираются высоко – Мхи взбираются высоко кем? чем?

Ареал постепенно расширяется – Ареал постепенно расширяется кем? чем?

Данное положение объясняется тем, что в высказывании уже присутствует активный агенс, который прилагает усилия для осуществления действия, а также имеются внешние силы, обеспечивающие реализацию события, поэтому добавление дополнительного агенса в данном случае невозможно в силу того, что данная позиция уже занята другими элементами.

Тесты с применением таких преобразований, как «Субъект X возможно легко / быстро / др. подвергнуть действию Р» и «Субъект X способен легко / быстро / др. выполнять действие Р сам по себе», либо одновременно выдают в качестве результата отрицательный языковой материал, либо положительный языковой материал. Положительный результат на оба теста можно объяснить особенностями НА субъекта: он прилагает усилия для осуществления действия, но необходима внешняя сила для окончательной его реализации. Ср.:

*Плётка повторно образуется – *Плётку возможно повторно образовать – *Плётка способна повторно образовываться сама по себе.*

Форма существенно изменяется – Форму возможно существенно изменить – Форма способна существенно изменяться сама по себе.

Таким образом, в качестве основных характеристик квазисубъектных моделей, в которых реализуется НА субъект, выступают: глаголы движения; глаголы, денотат которых подразумевает обязательное наличие внешних условий для реализации описываемого действия; невозможность построения конструкции с дополнением в творительном падеже по причине наличия активного деятеля в структуре модели, а также ситуации, когда преобразования «Субъект X возможно легко / быстро / др. подвергнуть

действию Р» и «Субъект X способен легко / быстро / др. выполнять действие Р сам по себе» выдают либо одновременно отрицательный языковой материал, либо положительный.

Заключение

На данном этапе исследования анализ 250 высказываний, отобранных на материалах Национального корпуса русского языка, показал следующее: НА субъект и НН субъект реализуются в высказываниях чаще всего (37,2% от общего количества высказываний и 43,2% соответственно), тогда как ОН субъект реализуется значительно меньше (19,6%) [17, с. 191]. Данное положение можно объяснить особенностями национальной картины мира. Так, в национальном сознании носителя русского языка имеется устойчивая ориентация на мнение окружающих, направленность на другого¹. В отобранных высказываниях рассматриваются общие ситуации, когда изначально неодушевлённое лицо наделяется признаком одушевлённости и способностью выполнять какие-либо действия. В данном случае субъект, тем не менее, нуждается в посторонней помощи для реализации конкретных действий, поскольку в реальной жизни неодушевлённый предмет не способен сам выполнять какие-либо действия. Следовательно, наиболее частотными выступают такие модели, в которых субъект высказывания выступает пациенсом, т. е. он полностью полагается на внешнюю силу для реализации описываемого события. Вторыми по частотности являются конструкции с НА субъектом, в которых субъект высказывания частично прилагает усилия, но в конечном итоге всё равно нуждается в посторонней помощи. Наконец, примеров с моделями, в которых реали-

¹ Стилистические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова и др. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 176 с.

зуется ОН субъект, значительно меньше. Причиной данного разрыва можно считать особенность данного типа субъекта: ОН субъект полагается лишь на себя и собственную внутреннюю энергию и не нуждается в посторонней помощи (что противоречит особенностям русской национальной картины мира).

Результаты данной работы представляется возможным применить на языковом материале, отобранном из других типов источников для сравнения субъектной перспективы, что позволит опре-

делять место исследуемых квазисубъектных моделей в языковой картине мира носителей русского языка. Перспектива данного исследования состоит в возможности использования данных принципов выявления типов субъекта на материале иных языков, в проведении сопоставительного анализа субъектной перспективы таких моделей в сравниваемых языках и выявлении их сходств и различий.

Дата поступления в редакцию 22.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Алияришорехдели М. Особенности категории залога в русском языке (в сравнении с персидским языком): возвратные пассивные конструкции // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 6. С. 169–174.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001. 720 с.
3. Девятова Н. М. О качественных наречиях и их роли в организации моно- и полипредикативных высказываний // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 2 (42). С. 50–57. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.42.2.05.
4. Колесникова О. П. Некоторые модальные глаголы в энантиосемичных синтаксических конструкциях в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 48–56. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-48-56.
5. Летучий А. Б. Между пассивом и декаузативом: Русские модальные пассивы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2014. Т. 10. № 3. С. 365–395.
6. Никитина В. В. Когнитивная интерпретация синтаксических моделей типа X SHUDDERS TO V // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 191–194.
7. Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.
8. Петрова И. М. Об анализе порядка следования определений в атрибутивной группе в английском и русском языках на основе теории классов // Русистика и компаративистика: сборник научных трудов по филологии. Выпуск XIII. М.: Книгодел, 2019. С. 281–291. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.18.
9. Пивоненкова Т. Б. Новые английские образные фразовые глаголы с компонентом “to chew” (на материале публицистических текстов, размещённых в корпусе NOW) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. С. 63–70. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-63-70.
10. Пупынин Ю. А. О качественном пассиве в русском языке // Исследования по славянским языкам. 2001. № 6. С. 127–136.
11. Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. 370 с.
12. Сулейманова О. А., Водяницкая А. А., Фомина М. А. Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (2). С. 309–322. DOI: 10.21638/spbu09.2020.209.
13. Фомина М. А. Степень активности субъекта в моделях, описывающих природные процессы и явления // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4 (48). С. 126–136. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.10.
14. Фомина М. А. Субъект в безличных пространственных моделях типа *У меня в ухе звенит* // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 4 (20). С. 49–55.
15. Чаплин Е. В. Когнитивная интерпретация акта говорения (на примере эмоционально-волевых глаголов говорения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. С. 55–62. DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.11.

16. Шабанова Т. Д. Семантический язык описания ролевых актантов // Языковые значения: методы исследования и принципы описания (памяти О. Н. Селиверстовой). М.: МГПУ, 2004. С. 307–312.
17. Шестопалова А. М. Семантические компоненты квазисубъектных моделей типа *Книга легко читается* // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2 (46). С. 189–195. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.18.
18. Taylor J. R., Yoshimura K. The Middle Construction as a Prototype Category // Proceedings of the Sixth Annual Meeting of the Japanese Cognitive Linguistics Association (Ochanomizu University at Tokyo, 17 - 18 September, 2005). Tokyo: Japanese Cognitive Linguistics Association, 2006. P. 362–370.
19. Zwart J. W. Nonargument Middles in Dutch // Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik. 1998. No. 42. P. 109–128.

REFERENCES

1. Aliyarishorekhdeli M. [Peculiarities of the category of voice in Russian (as compared to Persian): reflexive passive constructions]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal], 2011, no. 6, pp. 169–174.
2. Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001. 720 p.
3. Devyatova N. M. [Adverbs of manner and their role in constructing mono- and polypredicative statements]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2021, no. 2 (42), pp. 50–57. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.42.2.05.
4. Kolesnikova O. P. [Some modal verbs in enantiosemy syntax constructions in German]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2022, no. 2, pp. 48–56. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-48-56.
5. Letuchiy A. B. [Between passive and anticausative: Russian modal passives]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 2014, vol. 10, no. 3, pp. 365–395.
6. Nikitina V. V. [Cognitive interpretation of syntactic models like X SHUDDERS TO V]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2021, no. 3 (46), pp. 191–194.
7. Paducheva Ye. V. [Causative verb and decausative verb in the Russian language]. In: *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2001, no. 1, pp. 52–79.
8. Petrova I. M. [On the analysis of the order of attributes in an attributive group in English and Russian based on the class theory]. In: *Rusistika i komparativistika: sbornik nauchnykh trudov po filologii. Vypusk XIII* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Pedagogy and Psychology", #13]. Moscow, Knigodel Publ., 2019, pp. 281–291. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.18.
9. Pivonenkova T. B. [New English phrasal verbs with the component “to chew” (study of publicistic texts in the NOW corpus)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 1, pp. 63–70. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-63-70.
10. Pupynin Yu. A. [About the qualitative passive in the Russian language]. In: *Issledovaniya po slavyanskim yazykam* [Research on Slavic languages], 2001, no. 6, pp. 127–136.
11. Seliverstova O. N. *Semanticheskiye tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 370 p.
12. Suleymanova O. A., Vodianskaya A. A., Fomina M. A. [Categorization and its linguistic representation]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2020, no. 17 (2), pp. 309–322. DOI: 10.21638/spbu09.2020.209.
13. Fomina M. A. [Subject in Russian models that convey information about elemental forces of nature and their semantic component being active (+/-)]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2022, no. 4 (48), pp. 126–136. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.10.
14. Fomina M. A. [The subject in impersonal spatial sentence models of *U menia v ukhe zvenit* (my ear is singing) type]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2015, no. 4 (20), pp. 49–55.

15. Chaplin E. V. [Cognitive interpretation of the speech act (study of emotional-volitional verbs of speaking)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 1, pp. 55–62. DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.11.
16. Shabanova T. D. [Semantic language for describing role actants]. In: *Yazykovyye znacheniya: metody issledovaniya i printsipy opisaniya (pamyati O. N. Seliverstovoy)* [Language meanings: research methods and principles of description (in memory of O. N. Seliverstova)]. Moscow, Moscow City University Publ., 2004, pp. 307–312.
17. Shestopalova A. M. [Semantic components of quasibject constructions such as *Kniga legko chitaetsya*]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2022, no. 2 (46), pp. 189–195. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.18.
18. Taylor J. R., Yoshimura K. The Middle Construction as a Prototype Category. In: *Proceedings of the Sixth Annual Meeting of the Japanese Cognitive Linguistics Association (Ochanomizu University at Tokyo, 17 - 18 September, 2005)*. Tokyo, Japanese Cognitive Linguistics Association, 2006, pp. 362–370.
19. Zwart J. W. Nonargument Middles in Dutch. In: *Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik*, 1998, no. 42, pp. 109–128.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шестопалова Анна Михайловна – аспирант кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета;
e-mail: anna-shestopalova@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna M. Shestopalova – Postgraduate Student, Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, Moscow City University;
e-mail: anna-shestopalova@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шестопалова А. М. Определение типа субъекта в квазисубъектных моделях типа *книга легко читается* // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 116–124.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-116-124

FOR CITATION

Shestopalova A. M. Defining the subject in quasi-subject constructions such as *kniga legko chitaetsya*. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 116–124.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-116-124

УДК 81.33

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-125-135

КВАНТИТАТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТКРЫТОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Ярыгина Н. Ю.*Московский государственный институт международных отношений (университет)**Министерства иностранных дел Российской Федерации**119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация**Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить количественные и лингвистические характеристики публичных выступлений в рамках открытого экономического дискурса на основе анализа выступлений одного из ключевых спикеров на Восточном экономическом форуме 2022 г. (ВЭФ-22) с позиций теории дискурса и количественной лингвистики.

Процедура и методы. В исследовании использовался компьютерный семантический анализ текста (SEO-анализ) и дискурс-анализ транскрибированных текстов публичных выступлений министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики А. О. Чекункова на ВЭФ-22 с последующей интерпретацией результатов.

Результаты. Рассмотрены и уточнены количественно-лингвистические особенности публичных выступлений в рамках экономического дискурса и его подвида – дискурса экономического форума, на основании чего сделан вывод об интердискурсивном характере рассматриваемого вида институционального дискурса, определён статус дискурса экономического форума среди других подвидов экономического дискурса.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в выявлении количественно-лингвистических характеристик публичного выступления ключевого спикера (доминирующая дискурсивная роль) и в жанре интервью в открытом экономическом дискурсе, а именно в рамках мультимодального дискурса экономического форума.

Ключевые слова: Восточный экономический форум, дискурс, интердискурсивность, интерпретация, количественный, семантический анализ

QUANTITATIVE AND LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF PUBLIC SPEECHES (BASED ON THE MATERIAL OF ECONOMIC DISCOURSE)

N. Yarygina*Moscow State Institute of International Relations (University)**Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation**Prospect Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation**State University of Education**ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal quantitative and linguistic characteristics of public speeches of economic discourse based on the analysis of speech and interview of one of the key speakers at the Eastern Economic Forum (EEF-22) from the standpoint of discourse theory and quantitative linguistics.

Methodology. The study used computer semantic text analysis (SEO analysis) and discourse analysis of the interview and transcribed public speeches by the Minister of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic A. O. Chekunkov at EEF-22 with subsequent interpretation of the results.

Results. The quantitative and linguistic features of public speeches within the economic discourse and its subspecies - the discourse of the economic forum are considered and clarified, the conclusion concerning the interdiscursive nature of the type of institutional discourse under consideration is made, the status of the economic forum discourse among other subspecies of economic discourse is determined.

Research implications Theoretical significance is in identifying the quantitative and linguistic characteristics of the public speech of the key speaker (the dominant discursive role) and in the genre of interviews in open economic discourse, namely in the framework of the multimodal discourse of the economic forum.

Keywords: Eastern Economic Forum, discourse, interdiscursivity, interpretation, quantitative, computer semantic analysis

Введение

Экономика как социальный институт является неотъемлемой составляющей функционирования общества, экономическая деятельность обеспечивает его материальную основу, оказывает влияние на все сферы жизни человека – политическую, духовную, культурную, коммуникативную и др. Экономика изначально содержит в себе коммуникационное начало, которое проявляется в определённых формах взаимодействия между экономическими субъектами.

Изучение дискурсивных характеристик экономического дискурса как одного из значимых видов институционального дискурса (по В. И. Карасику) вызывает постоянный интерес, однако системообразующие признаки самого междисциплинарного понятия *дискурс*, его определение, разновидности, структура и свойства остаются предметом научных дискуссий. М. В. Беляков относит к основным свойствам дискурса тематическую связанность, ситуативную обусловленность, динамичность, социальную ориентацию, неоднородную структурированность, недискретность [1, с. 6].

Функционирование дискурса соотносится со всеми сферами человеческой деятельности, в том числе с экономической. Институциональный дискурс – это одновременно социальный и лингвистический феномен, его основные характеристики, цели и пути развития зависят от ситуаций общения и общественного запроса. Изучением институционального дискурса и его видами занимались российские и зарубежные исследователи: И. А. Гусейнова, В. И. Карасик, Е. А. Красина, А. А. Кибрик, Т. Ван Дейк, М. Фуко и многие другие. Институциональный дискурс представляет собой систему взаимодействия между различными институтами, регулирующими коммуникативный процесс в профессиональной деятельности. Институциональная коммуникация – это протяжённый во времени и пространстве диалог, оформленный такими языковыми средствами, которые придают речевому поведению конвенциональный характер, соответствующий формальной данности и легитимности институтов [1, с. 7].

Исследованию экономического дискурса посвящены труды Е. Ю. Махницкой, К. В. Томашевской, Т. А. Евтуши-

ной, Н. А. Ковальской и др. В их работах приводятся различные определения этого термина. Например, Т. А. Евтушина и Н. А. Ковальская пишут, что «это совокупность речевых актов в сфере экономики, а также созданные профессионалами, неспециалистами и журналистами устные и письменные тексты или их фрагменты, которые отображают реалии экономического мира» [4, с. 44]. К. В. Томашевская под экономическим дискурсом понимает «речевое произведение, текст современника, отражающий концептуализацию экономических реалий, в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими, и другими факторами, существенными для взаимодействия людей и механизмов их сознания» [7, с. 25]. Отметим, что многочисленные определения экономического дискурса в основном не противоречат друг другу, а ставят своей целью уточнить понятие и более полно раскрыть его смысл с разных точек зрения.

Внутри экономического дискурса различают его подвиды, однако единой классификации не существует из-за растущего количества социальных институтов, формирующих новые виды и подвиды институционального дискурса. В качестве подвидов данного дискурса упоминают финансово-экономический дискурс, экономико-статистический, торгово-экономический и ряд других. Экономический дискурс в целом имеет ряд отличительных свойств: обладает признаками институционального и личностно-ориентированного типа дискурсов; является открытым, т. е. может интегрироваться в любой тип дискурса; и «доступным», т. е. экономическая информация проникает в различные сферы жизни общества [9].

Одной из современных форм экономической организации общественной жизни является экономический форум (ЭФ) – это, с одной стороны, экономическое и политическое событие (в рамках работы ЭФ проводятся панельные сессии,

круглые столы, бизнес-диалоги, интервью и т. д.), с другой – социально-культурное (для участников форума организуются торжественные приёмы, концерты, выставки, фестивали и др.). С точки зрения лингвосомиотики и собственно лингвистики ЭФ представляет собой сложный мультимодальный феномен, сочетающий широкое разнообразие кодов: вербального, иконического / визуального, аудиального. О. И. Максименко и В. В. Варова дают следующее определение дискурсу экономического форума: «разновидность экономического дискурса, которая отражает основные языковые аспекты речевой деятельности на международных мероприятиях такого рода» [5, с. 16].

Для определения места дискурса экономического форума в структуре институциональных дискурсов необходимо обратиться к системообразующим признакам институционального дискурса как такового, а именно участникам и целям форумов. Участниками ЭФ являются физические и юридические лица, чья профессиональная деятельность напрямую связана с экономико-политической сферой, политические и общественные деятели, научные сотрудники, журналисты, инфлюенсеры и др. Исходя из этого, участники ЭФ могут быть разделены на три основные категории: профессионалы, непрофессионалы и журналисты. Границы между данными категориями условны, поскольку, например, некоторых представителей СМИ, специализирующихся на написании аналитических материалов в экономической рубрике и имеющих экономическое образование, можно отнести к категории профессионалов, а среди инфлюенсеров могут быть профессиональные экономисты.

Развитие информационно-коммуникационных технологий сделало информацию, предназначением которой ранее было использование в основном в узкой профессиональной сфере, доступной для широкого круга лиц. Это явление позволяет зафиксировать такой вид коммуни-

кации, как публичная, представляющая собой вид устного общения, при котором информация в обстановке официально-сти передаётся значительному числу зрителей / слушателей. М. В. Беляков отмечает, что «для публичных коммуникаций характерна передача информации, затрагивающей общественный интерес, с одновременным приданием ей официального статуса» [2, с. 35]. Т. В. Воронцова определяет первостепенные особенности публичного дискурса: наличие одного и/или множества адресатов; коммуникация носит массовый характер; общественно значимая направленность коммуникации; адресантом является публичная личность, занимающая определённое положение в обществе; интеллектуализированная, но понятная широкой аудитории речь [3, с. 20].

Первоначально экономические форумы проводились с целью установления и дальнейшего развития взаимовыгодного партнёрства между политической элитой и представителями бизнес-сообщества [8, с. 63], затем цели ЭФ расширились, поэтому сегодня, на наш взгляд, к целям ЭФ могут быть отнесены такие, как: концентрация и/или передача значимой экономико-политической информации; профессиональная оценка в едином контексте явлений, факторов и фактов экономической, политической и социальной жизни общества; инициирование диалога либо обмена мнениями между участниками как внутригосударственных, так и международных экономических отношений; представление новых тенденций и направлений развития экономической сферы; демонстрация достижений; расширение международного сотрудничества; подписание договоров/соглашений; принятие экономических решений, в том числе влияющих на сферу политики; разрешение международных разногласий через экономический подход и т. д. – то есть то, что можно рассматривать в качестве конституирующих составляющих дискурса экономического форума.

Таким образом, дискурс экономического форума функционирует на стыке экономического, политического, публичного и медийного дискурсов и по сути представляет собой интердискурсивный лингвокультурный феномен современной картины мира.

Описание материала и методов исследования

В качестве источника языкового материала для анализа были отобраны выступления министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики А. О. Чекункова на Восточном экономическом форуме (ВЭФ) в 2022 г. ВЭФ проводится во Владивостоке с 2015 года и был учреждён для развития экономики и расширения международного сотрудничества на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В жизни нашей страны 2022 год стал поворотным, произошли кардинальные изменения во внешнеполитической, экономической, социальной и других сферах жизни общества, в связи с чем разработанная ещё в 2012 г. стратегия развития России «Поворот на Восток» приобрела особую актуальность. Несмотря на сложную геополитическую обстановку, в 2022 г. на ВЭФ прибыло более 7 тыс. участников из 68 стран, что говорит о масштабах и значимости данного мероприятия. Выступление на ВЭФ А. О. Чекункова о перспективах развития приоритетного российского региона Дальнего Востока и Арктики вызвало большой интерес среди участников и стало одним из важных событий форума. Этот факт определяет значимость события и подтверждает экстралингвистическую обоснованность проведения нами изучения данного выступления с позиций дискурсивного и квантитативного анализа.

В качестве источника для проведения исследования были использованы находящиеся в свободном доступе материалы ВЭФ, опубликованные на официальном

сайте Фонда Росконгресс¹. Во время работы ВЭФ-2022 министр РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики А. О. Чекунков принял участие в работе пяти сессий, дал несколько интервью и провёл встречу с представителями малого и среднего бизнеса, т. е. данная языковая личность была реализована в трёх коммуникативных жанрах. Общая продолжительность видеофрагментов выступлений составила около 60 минут. Для последующего анализа было необходимо провести транскрибирование отобранных видеофрагментов.

На сегодняшний день разработано и находится в свободном доступе немало бесплатных/платных, онлайн- / офлайн-программ для ручного/автоматического транскрибирования: GoogleDocs, oTranscribe, RealSpeaker и др. Большую популярность набирают нейросети для перевода аудио- / видеоматериала в текст, например, DeepScribe.ai, HappyScribe, TranscribeMe, Trint и т. д. [10]. Данные сервисы обладают возможностью транскрибирования большого объёма данных, позволяют загружать файлы различных форматов, поддерживают разные языки. Некоторые сервисы могут адаптироваться к использованию в речи сленга, диалекта и профессиональной терминологии, что способствует повышению качества и точности транскрибирования.

Транскрипты выступлений А. О. Чекункова, полученные в ходе обработки исследуемого материала с привлечением возможностей сервиса для транскрибирования Trint², были обработаны с помощью программы автоматического семантического анализа текста Miratext (SEO-анализ – Search Engine Optimization)³. SEO-анализ – метод се-

мантического анализа текста, его основная задача – оценить соответствие текста требованиям поисковых систем. Современные сервисы SEO-анализа, такие как Advego, Istio, Text.ru, Miratext и др., дают возможность получить количественную характеристику загружаемого текста для его дальнейшей интерпретации. Сервисы позволяют проводить анализ текста по основным параметрам: общий объём слов, водность текста (т. е. отношение незначимых слов: союзов, местоимений, предлогов и других так называемых стоп-слов к общему количеству слов в тексте); тошнота текста (т. е. соотношение ключевых слов к общему количеству слов в тексте); семантическое ядро текста (наиболее часто встречающиеся слова в тексте) и др. [6, с. 88]. В нашем исследовании для анализа были использованы возможности сервиса Miratext, особенность которого заключается в том, что, помимо вышеуказанных параметров, данный ресурс способен проводить оценку текста по закону Дж. К. Ципфа. Данный параметр позволяет определить естественность текста, т. к. предполагает, что в речи/тексте должна соблюдаться закономерность $FxR=C$, где F – частота слова в тексте, R – его номер в частотном списке (ранг), а C – постоянная величина (константа). Желательно, чтобы показатель, характеризующий естественность текста, превышал 50%.

Квантитативный анализ выступлений

Гипотетическое положение, основанное на экстралингвистических параметрах – месте проведения форума и должности выступающего – о присутствии в выступлениях А. О. Чекункова слов *дальний, восток, дальневосточный* было подтверждено результатами квантитативного анализа текста речей министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики на ВЭФ в 2022 г., проведённого с помощью сервиса SEO-анализа. Одним из результатов исследования текстов речей стало выявленное переключение языкового кода,

¹ См.: Фонд Росконгресс [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/> (дата обращения: 30.04.2023).

² См.: TRINT [Электронный ресурс]. URL: <https://trint.com/> (дата обращения: 30.04.2023).

³ См.: Миратекст [Электронный ресурс]. URL: <https://miratext.ru/> (дата обращения: 30.04.2023).

обусловленного, в частности, ориентированностью на целевую аудиторию, перед которой проходило выступление.

Целевая аудитория выступления на сессии «Новая жизнь дальневосточных регионов» предполагала присутствие ряда официальных лиц высокого уровня (Помощник Президента РФ М. С. Орешкин, Председатель ВЭБ И. И. Шувалов и др.). Полагаем, что это обусловило следующие характерные особенности, выявленные при анализе текста данной речи министра:

- лаконичность,
- ясность,
- чёткая структура,
- логичность и последовательность,
- минимальное использование терминов и эмотивной лексики.

Согласно полученным количественным показателям анализа (табл. 1), данное выступление оказалось самым коротким из проанализированной выборки: общее количество слов – 637 при водности текста 11% и тошноте – 4%. Семантическое ядро составили лексемы: *город* (10), *проект* (7), *развитие* (7), *дальневосточный* (6). Несмотря на то, что выступление структурно было приближено к спонтанной речи, количественные

характеристики говорят о максимальной сконцентрированности на тематике – развитии городов дальневосточного региона. Можно утверждать, что по стилистике и количественным параметрам выступление соответствует жанру презентации.

Анализ текста речи А. О. Чекункова на сессии «Сильный бизнес – сильная Россия» показал, что она наиболее продолжительна по времени из всех выступлений министра на сессиях форума, что подтверждают количественные данные (табл. 2). С нашей точки зрения, это объясняется двумя экстралингвистическими причинами: объективного (общего) и субъективного (личностного) характера. К объективным характеристикам можно отнести тот факт, что ВЭФ – это площадка для обсуждения именно экономических вопросов; а к субъективным то, что министр имеет большой опыт работы в бизнес-сфере и инвестиционно-банковском секторе. Целевой аудиторией были бизнесмены и промышленники, что определило параметры выступления. В семантическое ядро данного текста программа поместила следующие слова: *бизнес* (28), *восток* (14), *дальний* (14), *дальний восток* (13).

Таблица 1 / Table 1

Количественный анализ выступления А. О. Чекункова на сессии «Новая жизнь дальневосточных городов: стратегии развития» (06.09.2022)¹ / Quantitative analysis of A.O. Chekunkov's speech at the session "New Life of Far Eastern cities: Development Strategies" (06.09.2022)

Статистика текста / Statistics of the text

Наименование показателя	Значение
Количество слов	637
Количество уникальных слов	267
Водность текста, %	11
Тошнота документа, %	4
Качество текста по закону Ципфа, %	46

Источник: получено автором с помощью программы Miratext.

¹ Новая жизнь дальневосточных городов: стратегии развития [Электронный ресурс] // Фонд Росконгресс : [сайт]. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2022-novaya-zhizn-dalnevostochnykh-gorodov-strategii-razvitiya/translation/> (дата обращения: 19.06.2023).

Анализ текста речи министра на сессии «Муравьев-Амурский – 2030», посвящённой образовательной программе подготовки управленческих кадров на Дальнем Востоке, показал следующее: неинформативное семантическое ядро в речи министра состоит из слов *программа* (8), *восток* (7), *все* (7), *нужно* (6), *поэтому* (6). Целевой аудиторией данной речи А. О. Чекункова были участники образовательной программы, в большинстве своём молодые люди. Выступление соответствовало рамкам коммуникативного жанра приветствия и напутствия. Полученные данные показали наличие в речи разговорной и эмотивной лексики, которая была использована министром

с учётом возрастной категории и состава аудитории, например: «мы для вас просто *наизнанку*», «очень *по-товарищески* *впряглись* вместе с нами», «освещённость *совсем* *никуда* пока *не* *годится*», «часть людей *откололась*», «журналисты некоторые *ёрничают*». Вместе с тем наблюдается частичное переключение с разговорного стиля на профессиональный, маркером чего служат термины-англицизмы: *бенефициар*, *реципиент*, *тайминг* и т. д. Такое вербальное переключение можно рассматривать как речевое манипулирование и даже «заигрывание» с аудиторией, что подтверждает SEO-анализ данного выступления (табл. 3): качество текста по закону Ципфа довольно низ-

Таблица 2 / Table 2

Квантитативный анализ выступления А. О. Чекункова на сессии «Сильный бизнес – сильная Россия» (07.09.2022)¹ / Quantitative analysis of A. O. Chekunkov's speech at the session “Strong Business – Strong Russia” (07.09.2022)

Статистика текста / Statistics of the text

Наименование показателя	Значение
Количество слов	2051
Количество уникальных слов	629
Водность текста, %	8
Тошнота документа, %	6
Качество текста по закону Ципфа, %	42

Источник: получено автором с помощью программы Miratext.

Таблица 3 / Table 3

Квантитативный анализ выступления А. О. Чекункова на сессии «Муравьев-Амурский – 2030» (08.09.2022)² / Quantitative analysis of A. O. Chekunkov's speech at the session “Muravyov-Amursky – 2030” (08.09.2022)

Статистика текста / Statistics of the text

Наименование показателя	Значение
Количество слов	1128
Количество уникальных слов	399
Водность текста, %	11
Тошнота документа, %	4
Качество текста по закону Ципфа, %	35

Источник: получено автором с помощью программы Miratext.

¹ См.: Сильный бизнес – сильная Россия [Электронный ресурс] // Фонд Росконгресса : [сайт]. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2022-silnyu-biznes-silnaya-rossiya/translation/> (дата обращения: 19.06.2023).

² Муравьев-Амурский – 2030 [Электронный ресурс] // Фонд Росконгресса : [сайт]. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2022-muravev-amurskiy-2030/translation/> (дата обращения: 19.06.2023).

кое – 35%, что указывает на нарушение естественности речи.

Как отмечалось выше, исследование проводилось на основе транскриптов, т. е. письменных текстов, фиксирующих устную речь. К некоторого рода исключению из этого вектора исследования можно отнести интервью А. О. Чекункова от 03.09.2023 «Поворот на Восток происходит через Арктику», которое он дал журналу ВЭФ–2022, в нём говорится о влиянии политической ситуации на развитие региона, самом выгодном инфраструктурном проекте в истории России и о новом подходе к планированию городов. Отличие от вышерассмотренных результатов исследования, которые были получены в ходе анализа транскриптов выступлений на публике, заключается в том, что текст интервью проходит предварительное редактирование как журналистом, бравшим интервью, так и редактором издательства для размещения на сайте Фонда Росконгресс в официальном журнале ВЭФ. Транскрипт априори не предполагает подобного редактирования. Именно этот факт, с нашей точки зрения, является наиболее значимой причиной того, что в опубликованном

интервью министра выявлена самая низкая водность текста – 5%. Семантическое ядро данного текста составили слова: *развитие* (19), *восток* (16), *дальний* (14), *проект* (10). Это полностью отражает концепцию возглавляемого министром ведомства, ключевыми словами которой являются *развитие, регион, перспективные проекты*.

Таким образом, механизмы вербальных кодовых переключений, используемые выступающим на ВЭФ, позволяют обеспечить взаимопонимание между спикером и аудиторией, а также сделать процесс речевой коммуникации в дискурсе экономического форума более комфортным и эффективным.

Заключение

Экономический дискурс, как один из видов институционального дискурса, можно рассматривать как «зонтичный термин», включающий комплекс подвидов: профессиональный экономический дискурс, в котором статусно-ролевые параметры задаются участниками, являющимися профессионалами в данной сфере, при этом могут различаться дискурсы внешней и внутренней экономики;

Таблица 4 / Table 4

Квантитативный анализ интервью А. О. Чекункова «Поворот на Восток происходит через Арктику» (03.09.2022)¹ / Quantitative analysis of A. O. Chekunov's interview “The turn to the East takes place through the Arctic” (03.09.2022)

Статистика текста / Statistics of the text

Наименование показателя	Значение
Количество слов	1229
Количество уникальных слов	516
Водность текста, %	5
Тошнота документа, %	4
Качество текста по закону Ципфа, %	40

Источник: получено автором с помощью программы Miratext.

¹ Экспертное мнение «Поворот на Восток происходит через Арктику» [Электронный ресурс] // Фонд Росконгресс : [сайт]. URL: <https://roscongress.org/materials/povorot-na-vostok-proiskhodit-cherez-arktiku/> (дата обращения: 19.06.2023).

открытый экономический дискурс, широта участников которого больше, т. к. участниками могут быть и журналисты, специализирующиеся по данной тематике, и аналитики, и комментаторы, что, в свою очередь, будет определять вербальные стили и жанры его реализации, выбор которых обуславливается временем и местом его осуществления. Под этот «зонтичный термин» попадает и дискурс экономического форума, который можно отнести к современным мультимодальным интердискурсивным типам дискурса, поскольку он вбирает в себя параметры собственно профессионального, публицистического, мультимедийного дискурсов. От участников дискурса требуется соответствующее речевое поведение, ряд параметров которого, в частности, может быть определён средствами квантитативного анализа.

Рассмотренные четыре публичных выступления ключевого спикера, играющего согласно своему статусу профильного регионального министра доминирующую дискурсивную роль, показали чёткую зависимость квантитативных и лингвистических характеристик от экстралингвистических и жанровых параметров, т. е. от специфики аудитории и жанра выступления. Первое выступление, проходившее перед официальными лицами, максимально приближенное к спонтанной речи, по стилистике и количественным параметрам соответствует жанру презентации. Второе выступление на сессии «Сильный бизнес – сильная Россия» количественно (под объёму) и качественно (по лексическим параметрам) соответствует программным речам, кроме того, количественные пока-

затели отражают факт подготовленности речи, т. к. параметр по Ципфу приближен к оптимальному. Третье выступление перед участниками образовательной программы – молодёжной аудиторией – по показателям отвечает коммуникативному жанру приветствия и напутствия с активным использованием эмотивной лексики и переключением вербальных кодов с разговорного на профессиональный стиль речи. Количественные параметры четвёртого проанализированного текста в жанре интервью показали подготовленность речи с самой низкой водностью текста – всего 5%. Входящие в семантическое ядро данного текста с высокой частотностью слова *развитие, дальний восток, проект* уверенно доказывают основные интенции интервьюируемого. Стоит отметить, что хотя качественно-количественному анализу подверглись выступления одного спикера, что позволяет говорить об отражении идиолекта, в основном параметры выступлений, в первую очередь, определяются экстралингвистическими и прагматическими заданными параметрами (аудитория и интенции выступающего), а также жанровой спецификой.

В целом количественные данные, полученные с помощью SEO-анализа, отражают объективную реальность и могут рассматриваться в качестве источника для дальнейшего контент- и сентимент-анализа текстов разных жанров, реализуемых в рамках современного подвида институционального экономического дискурса – дискурса экономического форума.

Дата поступления в редакцию 30.06.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков М. В. Лингвоаксиология и лингвосомиотика дипломатического дискурса. М.: Издательство «Наука», 2021. 147 с.
2. Беляков М. В. Текстологический анализ сообщений для СМИ МИД РФ // Филологические науки в МГИМО: сборник научных трудов. № 56 (71). М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 30–41.
3. Воронцова Т. А. О соотношении понятий публичный дискурс – язык СМИ – публичная речь // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2008. № 3. С. 17–22.

4. Евтушина Т. А., Ковальская Н. В. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 42–46.
5. Максименко О. И., Варова В. В. Лингвостатистический анализ выступлений на Петербургском международном экономическом форуме (Санкт-Петербург 2018-2019 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 2. С. 13–21. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-13-21.
6. Максименко О. И., Беляков М. В. Квантитативный анализ речей открытой дипломатии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 86–96. DOI: 10.37482/2227-6564-V037.
7. Томашевская К. В. Лексическая составляющая экономического дискурса современника. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2000. 153 с.
8. Хлытчиев И. И. Экономические форумы в России как каналы эффективной GR –коммуникации // Власть. 2013. № 12. С. 63–67.
9. Шереметьева А. А. Основные характеристики экономического дискурса (на материале немецкого языка) // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии (электронный журнал). 2011. № 7 (13). URL: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/61> (дата обращения: 19.06.2023).
10. McMullin C. Transcription and Qualitative Methods: Implications for Third Sector Research // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations volume. 2023. Vol. 34. P. 140–153. DOI: 10.1007/s11266-021-00400-3.

REFERENCES

1. Belyakov M. V. *Lingvoaksiologiya i lingvosemiotika diplomaticheskogo diskursa* [Linguistics and semiotics of diplomatic discourse]. Moscow, Nauka Publ., 2021. 147 p.
2. Belyakov M. V. [Textological analysis “Texts for media” MFA RF]. In: *Filologicheskiye nauki v MGIMO*. № 56 (71) [Linguistics & Polyglot Studies. No. 56 (71)]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2014, pp. 30–41.
3. Vorontsova T. A. [On the correlation between the concepts public discourse, language of mass media and public speech]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2008, no. 3, pp. 17–22.
4. Yevtushina T. A., Kovalskaya N. V. [The economic discourse as object of linguistic research]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 6 (335), pp.42–46.
5. Maksimenko O. I., Varova V. V. [Linguostatistic analysis of speeches at the Petersburg International Economic Forum (St. Petersburg 2018-2019)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2020, no. 2, pp. 13–21. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-13-21.
6. Maksimenko O. I., Belyakov M. V. [Quantitative analysis of open diplomacy speeches]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”], 2020, no. 4, pp. 86–96. DOI: 10.37482/2227-6564-V037.
7. Tomashevskaya K. V. *Leksicheskaya sostavlyayushchaya ekonomicheskogo diskursa sovremennika* [Lexical component of contemporary economic discourse]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics and Finance Publ., 2000. 153 p.
8. Khlytchiev I. I. [Economic Forums in Russia as Effective GR-Communication Channels]. In: *Vlast* [The Authority], 2013, no. 12, pp. 63–67.
9. Sheremet'yeva A. A. [Main characteristics of economic discourse (based on the material of the German language)]. In: *Vestnik Kuzbasskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of the Kuzbass State Pedagogical Academy (e-journal)], 2011, no. 7 (13). Available at: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/61> (accessed: 19.06.2023).
10. McMullin C. Transcription and Qualitative Methods: Implications for Third Sector Research. In: *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations volume*, 2023, vol. 34, pp. 140–153. DOI: 10.1007/s11266-021-00400-3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ярыгина Надежда Юрьевна – старший преподаватель кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения;
e-mail: nad.yarygina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda Yu. Yarygina – Senior Lecture, Department of Russian Language, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Postgraduate Student, Department of Language Theory, English and Applied Linguistics, State University of Education;
e-mail: nad.yarygina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ярыгина Н. Ю. Квантитативно-лингвистические характеристики публичных выступлений (на материале открытого экономического дискурса) // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 125–135.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-125-135

FOR CITATION

Yarygina N. Yu. Quantitative and linguistic characteristics of public speeches (based on the material of economic discourse). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 125–135.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-125-135

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ И РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

УДК 81'271

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-136-143

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ПУЭРТОРИКАНЦЕВ

Говорова Л. А.

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление и анализ релевантных элементов коммуникативного поведения и мировоззренческих доминант, присущих пуэрториканцам.

Процедура и методы. Проведён лингвокультурологический анализ современных дискурсивных практик носителей пуэрториканского национального варианта испанского языка, посредством которого определялись ключевые параметры их идентичности.

Результаты. Выявлены и охарактеризованы основные речеповеденческие установки и дискурсивные параметры идентичности пуэрториканцев. Исследованием также установлено, что испанский код проявляет межпоколенческую устойчивость.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии особых культурных, языковых, когнитивных, социальных параметров пуэрториканской идентичности, формирующих и объясняющих культурное своеобразие данного этноса. Результаты исследования могут быть применены в преподавании испанского языка, истории и культуры стран изучаемого языка и других смежных дисциплин.

Ключевые слова: лингвокультурная идентичность, пуэрториканцы, дискурс, коммуникативное поведение, испанский язык

LINGUISTIC AND CULTURAL PARAMETERS OF THE IDENTITY OF PUERTO RICANS

L. Govorova

*Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
ulitsa Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify and analyze relevant elements of communicative behavior and ideological dominants inherent in Puerto Ricans.

Methodology. A linguoculturological analysis of the modern discursive practices of Puerto Ricans was carried out, through which the key parameters of their identity were determined.

© CC BY Говорова Л. А., 2023.

Results. The main speech and behavioral attitudes and discursive parameters of the identity of Puerto Ricans were identified and characterized. The study also stated that the Spanish code shows intergenerational stability.

Research implications. The study reveals the special cultural, linguistic, cognitive, social parameters of the Puerto Rican identity that form and explain the cultural identity of this ethnic group. The results of the study can be applied in teaching Spanish, history and culture of the countries of the studied language and other related disciplines.

Keywords: linguistic and cultural identity, Puerto Ricans, discourse, communicative behaviour, Spanish language

Введение

Язык располагает множеством средств, позволяющих нам выражать свою принадлежность к разным видам социальных общностей. Кроме того, «язык незаметно для нас пронизывает все области нашего опыта взаимодействия с внешним миром и все попытки заглянуть в себя, он незримо присутствует в нашей системе ценностей и системе жизненных установок...» [6, с. 6], именно поэтому исследование особенностей речевого поведения носителей языка даёт возможность выявить заложенные в их сознании доминанты, находящие воплощение в языке. Вместе с тем дискурсивное оформление варьируется в зависимости от языкового сообщества и естественным образом проявляется в процессе общения.

В данной статье рассматриваются лингвокультурологические, когнитивные, социальные параметры идентичности носителей пуэрториканского национального варианта испанского языка на материале современных речевых практик. Целью статьи становится выявление и анализ релевантных элементов коммуникативного поведения и мировоззренческих доминант, присущих пуэрториканцам. Опираясь на мнение В. И. Карасика о том, что «человек в языке проявляется прежде всего через свое коммуникативное поведение...» [4, с. 188], фокус нашего внимания обращён на особенности дискурса пуэрториканцев, посредством лингвокультурологического анализа которого устанавливаются присущие им языковые и культурно-мировоззренческие доминанты. В свою очередь, свой-

ственные данному этническому сообществу культурно-маркированные лексемы и дискурсивные реалии могут выступать в качестве инструментов, ведущих к пониманию механизмов формирования и функционирования их идентичности.

По мнению Е. В. Дзякович, идентичность представляет собой «результат процесса идентификации, устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных и цивилизационных параметров, их самоидентичность» [1, с. 11]. Наличие и совокупность этих и других признаков позволяет нам говорить о существовании особой пуэрториканской лингвокультурной идентичности.

Синтез культур признаётся одним из ключевых элементов при определении и характеристике важнейших кодов пуэрториканской идентичности [10]. При исследовании лингвокультурологических параметров идентичности пуэрториканцев, мы принимаем во внимание целый спектр различных лингвистических и экстралингвистических факторов, включая уникальный статус территории их проживания, историческое прошлое, государственность и существующие стереотипы, поскольку «весь этот набор представлений присутствует на групповом уровне идентичности» [3, с. 63].

Пуэрториканская идентичность

Мы разделяем точку зрения Л. В. Русских о том, что «причастность человека к определенной культуре основана на осознанном принятии им основополагающих культурных характеристик, принятых в данном обществе и на самоотождествле-

нии именно с этим обществом, с определенной культурной традицией» [7, с. 178], поэтому начнём рассмотрение сформировавшихся на этом фоне параметров пуэрториканской идентичности с анализа культурно-исторического контекста.

Свободно ассоциированное государство Пуэрто-Рико (*El Estado libre asociado*) «занимает особое положение» и несколько выделяется на фоне остальных латиноамериканских стран [8, с. 436]. В истории и культуре жителей Пуэрто-Рико можно обнаружить значимые факты, способствующие более глубокому пониманию существующих особенностей пуэрториканского языкового сообщества. Так, на протяжении нескольких столетий основное воздействие на пуэрториканскую лингвокультурную общность оказывали индейская (таино), испанская и африканская культуры [10]. Совокупность этих трёх элементов, являющихся немаловажной частью формирования национальной пуэрториканской ментальности, лежит в основе богатства и своеобразия того, что сегодня составляет пуэрториканскую идентичность.

В первую очередь обратим внимание на то, что следы индейского наследия сохраняются в самом наименовании этнической принадлежности пуэрториканцев (*boricuas*), которая является предметом их гордости. В подтверждение этому представим несколько строчек из песни “*Preciosa*” известного пуэрториканского шоумена Марка Энтони:

*Yo sé lo que son los encantos
De mi Borinquen hermosa
Por eso la quiero yo tanto
Por siempre la llamaré "Preciosa"
Por eso a mi tierra riquezaña
Por siempre la llamaré "Preciosa"
Isla del caribe
Borinquen
Y con orgullo repito
Yo te quiero, Puerto Rico¹.*

В данном случае мы можем наблюдать демонстрацию глубокой сердечной привязанности исполнителя к Пуэрто-Рико, а также подчеркнуть тот факт, что фундаментальной частью лингвокультурной идентичности борикау являются явные или опосредованные проявления национальной гордости. Кроме того, сохранившаяся до наших дней и активно употребляющаяся лексема *Borinquen* происходит от топонима “*Bori(n)ken*”, означающего название острова, который ранее населяли аравакские племена (таино) и который впоследствии был захвачен испанцами [8, с. 436].

Тем не менее, количество индихенизмов и африканизмов в современном испанском языке Пуэрто-Рико не очень велико, в основном данный лексический пласт составляют «топонимы и их производные, название флоры и фауны, национальных предметов быта» [8, с. 438]. Среди подобных лексических единиц, использующихся в разговорно-бытовом дискурсе на регулярной основе, можно также привести в пример лексическую единицу *borinqueño* (при этом более употребим вариант *boricua/bori*) или названия традиционных блюд *yuca al mojo boricua*, *mofongo de yuca puertorriqueña*, или танцев *bomba* [10]. Отметим, что сохранение этих наименований важно для поддержания культурной идентичности пуэрториканцев.

Однако даже если принимать во внимание тот факт, что африканское наследие в культуре питания и музыкальных ритмах не является базовым компонентом национальной и культурной идентичности именно пуэрториканцев, а в целом характерно для жителей Карибского бассейна, то ключевым отличием в этой связи можно назвать степень так называемой американизации пуэрториканского населения.

¹ Marc Anthony - Preciosa (Live from Madison Square Garden) // Random Popee: YouTube-канал. URL:

https://www.youtube.com/watch?v=_CCabfzkGwC (дата обращения: 10.10.2022).

Самоидентификация пуэрториканцев посредством родного языка

Известно, что в 1898 году остров перешёл от Испании под контроль США, спустя ещё полвека получил статус «свободно присоединившегося к США государства с правами самоуправления» [8, с. 437]. Языковая ситуация в настоящий момент на острове следующая: английский язык является одним из официальных языков, но «продолжает восприниматься как неродной», кроме того, жители Пуэрто-Рико до сих пор не владеют им свободно. В свою очередь, «испанский язык продолжает использоваться в качестве языка повседневного общения и служит основой для национально-этнической идентификации пуэрториканцев» [8, с. 438]. В качестве доказательства вышесказанного представим любопытную фразу из прошлогоднего интервью всемирно известного пуэрториканского исполнителя Бенито Антонио Мартинеса Окасио (Bad Bunny) Тревору Ноа:

– What do you think it is about your music that is able to cross the boundaries of language that people thought would stop an artist like you becoming successful?

– ... I'm latino, I'm Puerto rican. *Yo soy de Puerto Rico. No matter where ... No importa donde tú seas, vas a sentirlo*¹.

Прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что Бенито в этот момент находится в США и даёт интервью на английском языке, однако говоря о своих корнях, он будто бы чувствует необходимость произнести и повторить фразу «я родом из Пуэрто-Рико» на испанском языке, посредством которого он себя идентифицирует, тем самым лишней раз подчёркивая свою национальную принадлежность и трепетное отношение к родному языку, свойственные всем борикуа. Другими словами, в данном слу-

чае мы наблюдаем «осознанный выбор языкового ресурса внутри ситуации» для «самоидентификации себя на фоне другого ...» [5, с. 114].

В этой связи также представим отрывок из дискурса пуэрториканского певца Луиса Фонси на вручении премии Billboard в 2020 году, где он подчёркивает важность коллективной идентичности применительно к самосознанию жителей Пуэрто-Рико:

“Al final del día lo más que me llevo es que el mundo entero cantó en español, el mundo entero conoce nuestro “ay bendito” y el sonido puertorriqueño, así que este premio va para ustedes. ¡Puerto Rico, los amo mucho!”².

Дискурсивные параметры идентичности пуэрториканцев

Согласно нашим наблюдениям, пуэрториканцы убеждены в том, что они обладают множеством специфических черт, отличающих их от других этнических сообществ:

“Los puertorriqueños somos de una forma diferente a nuestros hermanos dominicanos, cubanos o a los estadounidenses ...”³.

Действительно, пуэрториканцев от остальных латиноамериканцев по меньшей мере отличает то, что они с рождения являются гражданами США. Впрочем, существуют и другие характерные признаки, в частности, особенности пуэрториканского произношения. Представим размышления известной медийной личности из Пуэрто-Рико по этому поводу:

“Yo soy boricua ...y para el puertorriqueño el castellano es un poquito tirao, entonces tengo un colombiano que me dice “eso está bien dicho, eso está mal dicho”. Es pa’ que la

¹ Bad Bunny – Getting Into Acting, Staying True to Who He Is & Training for the WWE // The Daily Show : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8ilaxXnPKkM&t=292s> (дата обращения: 10.10.2022).

² ‘Despacito’ gana el Billboard Canción Latina de la Década. Premios Billboard 2020 // Telemundo Entretenimiento : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FURX2mEUBPU&t=3s> (дата обращения: 20.10.2022). Далее – ‘Despacito’ gana el Billboard Canción Latina de la Década. Premios Billboard 2020.

³ Puerto Rico y el origen de su identidad cultural. HIST PR: Lección 4 // Profesor León : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=knxELScQRE0> (дата обращения: 05.11.2022).

visión sea perfecta a nivel mundial ... para que todo el mundo se pueda identificar, porque nosotros' decimo' identificar [identificar] y no decimo' identificar [identificar]. Entonces en las canciones yo digo identificar [identificar], bailar [bailar] y entonces' tengo el colombiano que me arregla eso... Porque no todos tienen esa *jerga callejera* que tenemos ...»¹

В том, что касается упомянутого *jerga callejera*, то есть так называемого уличного сленга, который является важной составляющей коммуникативного поведения пуэрториканцев отмечают, что «в обществе (среди молодёжи прежде всего и лиц среднего возраста) трансформируются речевые вкусы в сторону интимизации общения, раскованности, сближения дистанции между коммуникантами, непринуждённости, этической сниженности речи», в этой связи использование *jerga callejera* как в современных песенных текстах, так и в ситуациях бытового общения «становится нормативным» [9, с. 3–4].

Приведём примеры особо распространённых пуэрториканских культурно-маркированных лексических единиц:

- Mera (mera dímelo, mera diablo);
- Puñeta;
- ¡Acho! (¡acho, puñeta!);
- Cabrón;

Интересно, что все из представленных нами лексем, кроме типично пуэрториканской *mera*, обнаруживаются в онлайн-словаре американизмов Испанской королевской академии. Так, слово *mera* и его вариации могут употребляться в качестве приветствия или для привлечения внимания собеседника (вместо *oye*). Лексическую единицу *puñeta* можно перевести на русский язык как восклицание типа *чёрт* или *чёрт возьми*². Междометие *¡acho!* в

Пуэрто-Рико согласно словарю американизмов означает «невозможность сделать что-либо», тем не менее мы предполагаем, что его значение сильно зависит от контекста, и может в том числе означать негодование, нежелание, а также выражать своего рода несогласие с говорящим³. Лексема *cabrón* согласно словарю американизмов имеет несколько значений, два из которых противоположны:

1. *Referido a cosa, que produce perjuicio o supone molestia y dificultad.*

2. *Referido a persona o cosa, extraordinaria, excelente*⁴.

Кроме того, высокочастотным является использование этой лексической единицы в качестве обращения к друзьям или близким людям среди мужчин.

Представим обнаруженные нами примеры использования данных культурно-маркированных лексем в медийном дискурсе, поскольку «выступая в качестве вида дискурсивной практики», он «вербально и визуально конструирует происходящие в регионе события, отражает коллективные ценностные ориентиры, маркирует региональные культурные коды» [2, с. 47].

1. Контекст: Интервьюер просит известного певца поделиться деталями из личной жизни:

- ¿Cómo se conocen ustedes?
- La música, la música.
- ¿Pero quién le tiró a quién primero el ganchito?
- Este ... *acho*, pero no puedo tirar todas las balas ... porque ella no está aquí, ¿me entiendes?
- Noo, lo sé, pero la gente quiere saber.
- Sí, pero *acho* ... esa entrevista ...⁵

¹ Como componen sus canciones Nicky Jam y J Balvin – PREMIOS BILLBOARD // Cristiano Bladimir: YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Z9fZPPbXGgw&t=1s> (дата обращения: 12.10.2022).

² См.: Diccionario de americanismos: puñeta [Электронный ресурс] // Asociación de Academias de la Lengua Española : [сайт]. URL: <https://www.asale.org/damer/puñeta> (дата обращения: 25.10.2022).

³ См.: Diccionario de americanismos: jacho! (Afér. de muchacho) [Электронный ресурс] // Asociación de Academias de la Lengua Española : [сайт]. URL: <https://www.asale.org/damer/jacho!> (дата обращения: 25.10.2022).

⁴ См.: Diccionario de americanismos: cabrón [Электронный ресурс] // Asociación de Academias de la Lengua Española : [сайт]. URL: <https://www.asale.org/damer/cabrón> (дата обращения: 25.10.2022).

⁵ YouTube Shorts: Asi Es Como Rauw Alejandro Conocio

2. Контекст: Два исполнителя обсуждают выход песни, в написании и исполнении которой оба принимали участие:

- Creo que tú y yo coincidimos por allí en “Cuatro remix” ... que en verdad me jodiste, porque yo le metí *cabrón* y tú te robaste el show. *Mera*, en “wow rmx” me robaste el show.
- *Acho*, a mi me gustó bien *cabrón*, incluso yo dije “*mera*, diablo, ese tonito bajito te queda *cabrón*.”
- ¡Pero yo pensé que yo iba a *matar*! (англ. to kill it)
- ¡Tú mataste!
- ¡*Acho*, no, no, no! Yo pensé que iba a ser el mejor de la canción, y después viniste tú¹.

3. Отрывки из интервью с Бенито Антонио Мартинесом Окасио:

- *Mera*, tamó' activo, *puñeta* ¿Cuál es tu canción favorita del disco?
- *Acho*, me gustan ... es imposible, te lo juro *cabrón*, me gustan tanto to'as ...²

Кроме того, культурно маркированная единица *acho* также была обнаружена нами в припеве песни “Gracias Remix”, которая в июне 2022 года выиграла в номинации “Top canción cristiana” на премии “Premios Tu Música Urbano”:

- “¡*Acho*, gracias, bendición y gracias!”³.

Среди прочих, но не менее важных, лингвокультурологических параметров идентичности современных пуэрториканцев следует подчеркнуть важность разговоров о вере. Несмотря на то, что за последние годы произошли изменения

в рамках традиционного воспитания, включающего посещение церкви каждое воскресенье всей семьёй, Бог продолжает оставаться в центре картины мира борика:

- Quiero empezar agradeciendo a papito *Dios*, porque desde un principio puso su mano sobre esta canción, me rodeó de gente talentosa, de gente increíble, de gente buena de corazón ...⁴
- “Ser cristiano” no es tener la biblia aquí e ir todos los domingos a la iglesia ... es seguir a *Jesús* y ser un mejor ser humano y amar a tu prójimo como te amas a ti mismo. ¡Que *Dios* me lo bendiga!⁵
- *Dios* nos ama a nosotros cuando nosotros crecemos, que de ahí tenemos cordura y tenemos madurez ... *Dios* te ama desde que tú naciste. ¡*Dios* es amor! Y él aún sabiendo todos los errores que tú vas a cometer y si te conviertes en un delincuente. *So ... so*, sí se trata de ser feliz en realidad⁶.
- El camino correcto no es ese dinero, esa fama, toda esa victoria, sino que el amor de *Dios*. La verdad sí me doy cuenta que la única felicidad es *Dios*⁷.
- Mi único miedo en la vida sería... no conocer completamente a *Jesus*, porque soy un hombre de fe⁸.

Таким образом, ценностные ориентиры и доминанты, передающиеся из поколения в поколение и заложенные в сознании носителей пуэрториканско-

Rosalía!/? // DOMINICAN TV : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/shorts/Mriau5joSAs> (дата обращения: 25.10.2022).

¹ YouTube Shorts: Nicky Jam explota contra Arcangel // Luis machado : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/shorts/491Vhc-fYNU> (дата обращения: 25.10.2022).

² YouTube Shorts: Bad bunny dice que canción es su canción favorita de un verano sin ti // Jesuel Lara : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/shorts/z2N-UvZvfVg> (дата обращения: 25.10.2022).

³ Pedro Capó, Farruko – Gracias (Remix) // Pedro Capó : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3NGyBB60QDM> (дата обращения: 25.10.2022).

⁴ См.: ‘Despacito’ gana el Billboard Canción Latina de la Década. Premios Billboard 2020.

⁵ Farruko se hinca para agradecer el premio Top Canción Cristiana. Premios Tu Música Urbano 2022 // Telemundo Entretenimiento : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TgShvG5-V24> (дата обращения: 25.10.2022).

⁶ YouTube Shorts: Jay Wheeler sobre el amor de Anuel por Yailin // ncsvideomusic : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/shorts/2Bowa7NbTgQ> (дата обращения: 25.10.2022).

⁷ Ozuna, el Alfa, Arcángel, Anuel AA, Farruko, Nicky Jam y Daddy Yankee hablan de Dios en su vida // Cristiano Del Campo Blanco : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=P8Y7uyjVXz0> (дата обращения 25.10.2022).

⁸ Там же.

го национального варианта испанского языка, устойчиво представлены в их языковой концептуализации мира и коммуникативном поведении.

Заключение

Проведённое нами исследование показало, что духовное богатство, национальная самобытность и культурный потенциал, присущие пуэрториканской языковой общности, находят своё выражение на вербальном уровне, одновременно раскрывая релевантные элементы коммуникативного поведения и культурные, языковые, когнитивные, социальные параметры идентичности пуэрториканцев. Вместе с тем совокупность особенностей восприятия реальности отражается в личностных речеповеденческих установках и культурно-мировоззренческих доминантах носителей пуэрториканского национального варианта испанского языка.

Результаты исследования также позволили прийти к выводу о том, что, несмотря на многолетнее политическое, экономическое, историческое и культур-

ное доминирование со стороны США на территории Пуэрто-Рико, базовые ценностные доминанты пуэрториканской культуры и способы их репрезентации в дискурсивных практиках, заложенные в когнитивных структурах сознания носителей языка, не подверглись кардинальным изменениям. Это в том числе подтверждается тем фактом, что испанский продолжает оставаться первым и официальным языком государства, а также тем, что при использовании *Spanglish* испанский код обладает значительной устойчивостью и преобладает над английским.

Раскрытие особых параметров пуэрториканской идентичности, формирующих и объясняющих культурное своеобразие данного этноса, позволило нам получить данные, которые могут быть применены в преподавании испанского языка, истории и культуры стран изучаемого языка и других смежных дисциплин, а также могут предстать в качестве основы для дальнейших исследований в рамках данной тематики.

Дата поступления в редакцию 15.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзякович Е. В. Идентичность, идентификация, инсценировка в развитии глобальных и локальных социокультурных процессов современности // Обсерватория культуры. 2010. № 4. С. 10–14.
2. Ильичева И. Л. Семиотические ресурсы выражения идентичности в медийном кластере Брестского региона // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 47–56. DOI: 10.18721/JHSS.13205.
3. Иссерс О. С. Дискурсивная самоидентификация россиян в игровых жанрах Рунета (на материале демотиваторов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 59–83. DOI: 10.17223/19986645/79/4.
4. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
5. Молодыхенко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 1. С. 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106.
6. Радбиль Т. Б. Когнитивистика: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. 375 с.
7. Русских Л. В. Идентичность: культурная, этническая, национальная // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 2. С. 178–180.
8. Фирсова Н. М. Избранные труды. Том II. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. М.: РУДН, 2009. 524 с.
9. Фирсова Н. М. Испанская разговорная речь: учебное пособие; изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИД «Муравей-Ганд», 1999. 248 с.

10. Molina Fumero G., Barros Diaz O. La puertorriqueñidad. Nacimiento y desarrollo de una cultura de resistencia // *Revista Estudios del Desarrollo Social: Cuba y América Latina (EPub)*. 2019. Vol. 7. N. 3. e15. URL: http://scielo.sld.cu/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2308-01322019000300015&lng=es&tlng=es (дата обращения: 22.12.2022).

REFERENCES

1. Dzyakovich Ye. V. [Identity, identification, staging in the development of global and local sociocultural processes of our time]. In: *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2010, no. 4, pp. 10–14.
2. Ilyicheva I. L. [Semiotic resources for expressing identity in the media cluster of the Brest region]. In: *Terra Linguistica*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 47–56. DOI: 10.18721/JHSS.13205.
3. Issers O. S. [Discursive self-identification of Russians in the game genres of the Runet (on the example of demotivators)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2022, no. 79, pp. 59–83. DOI: 10.17223/19986645/79/4.
4. Karasik V. I. *Yazykovyye klyuchi* [Language keys]. Moscow, Gnozis Publ., 2009. 406 p.
5. Molodychenko E. N., Chernyavskaya V. R. [Representing the social through language: theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2022, vol. 19, no. 1, pp. 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106.
6. Radbil T. B. *Kognitivistika* [Cognitive science]. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskiy gosuniversitet Publ., 2018. 375 p.
7. Russkikh L. V. [Identity: cultural, ethnic, national]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"], 2013, vol. 13, no. 2, pp. 178–180.
8. Firsova N. M. *Izbrannyye trudy. Tom II. Sovremennyy ispanskiy yazyk v Ispanii i stranakh Latinskoy Ameriki* [Selected works. Volume II. Modern Spanish in Spain and Latin America]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2009. 524 p.
9. Firsova N. M. *Ispanskaya razgovornaya rech* [Spanish colloquial speech]. Moscow, «Muravey-Gand» Publ., 1999. 248 p.
10. Molina Fumero G., Barros Diaz O. La puertorriqueñidad. Nacimiento y desarrollo de una cultura de resistencia. In: *Revista Estudios del Desarrollo Social: Cuba y América Latina (EPub)*, 2019, vol. 7, no. 3, e15. Available at: http://scielo.sld.cu/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2308-01322019000300015&lng=es&tlng=es (accessed: 22.12.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Говорова Лилия Андреевна – аспирант, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
e-mail: govorovalilya@gmail.com, govorova_la@pfur.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liliya A. Govorova – Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of Foreign languages, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;
e-mail: govorovalilya@gmail.com, govorova_la@pfur.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Говорова Л. А. Лингвокультурологические параметры идентичности пуэрториканцев // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 136–143.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-136-143

FOR CITATION

Govorova L. A. Linguistic and cultural parameters of the identity of Puerto Ricans. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 136–143.
DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-136-143

УДК 811.133.1'373

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-144-153

ФРАНЦУЗСКИЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СМАРТ-КОНТРАКТАХ

Евсеева М. В.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрены юридические неологизмы корпоративных документов, в частности смарт-контрактов, зафиксированных в художественной и отраслевой литературе, с целью сравнения способов словообразования неологизмов из статей Гражданского Кодекса (Code Civil) Франции и судебных решений.

Процедура и методы. В процессе исследования проведена сплошная выборка юридических неологизмов из аутентичных французских текстов, опубликованных в период с 2008 по 2019 гг., на основании которых выявлены наиболее типичные юридические новообразования. Для определения степени их распространения в юриспруденции использовался корпусный анализ (франкоязычный корпус и корпус английского языка Google Ngram Viewer за 2019 г.). В целях определения способов словообразования и сопоставления данных неологизмов с терминами, зафиксированными в словаре, использован семантический анализ для выявления значений терминов-неологизмов, а также описательный и сравнительный общелингвистические методы.

Результаты. В результате проведённого исследования установлены тенденции и выявлены основные способы словообразования юридических неологизмов, связанных с использованием смарт-контрактов современного французского специального языка в период 2008–2019 гг.

Теоретическая и практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего применения в области современного контрактного права, контрактов на основе блокчейн и соглашений в электронной форме, анализа и прогнозирования.

Ключевые слова: блокчейн, смарт-контракт, оракул, неологизм, словоформа, соглашение в электронной форме, прогнозирование

FRENCH LEGAL NEOLOGISMS IN SMART CONTRACTS

M. Evseeva*State University of Education**ulitsa Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To review the legal neologisms of corporate documents, in particular, smart contracts, recorded in fiction and industry literature, in order to compare the ways of word formation of neologisms from articles of the Civil Code (Code Civil) of the French and court decisions.

Methodology. In the course of the study, a continuous sampling of legal neologisms from authentic French texts published between 2008 and 2019 was carried out, on the basis of which the most typical legal neologisms were identified. To determine the extent of their distribution in jurisprudence,

corpus analysis was used (French-language corpus and English-language Google Ngram Viewer corpus for 2019). In order to determine the methods of word formation and compare these neologisms with the terms recorded in the dictionary, semantic analysis was used to identify the meanings of neologism terms, as well as descriptive and comparative general linguistic methods.

Results. As a result of the conducted research, trends have been established and the main ways of word formation of legal neologisms associated with the use of smart contracts of the modern French special language in the period 2008–2019 have been identified.

Research implications. The results of the study can be used for further application in the field of modern contract law, contracts based on blockchain and agreements in the electronic form, analysis and prediction.

Keywords: blockchain, smart contract, oracle, neologism, word form, agreement in electronic form, prediction.

Введение

В правовом дискурсе, активно вовлечённом в социальные вопросы жизни общества и взаимодействующем с другими дискурсами, происходит постоянное обновление лексики и появляются неологизмы. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос неологизации в юридической сфере на материале терминологических единиц. В своём исследовании мы опирались на посвящённые проблеме неологизмов работы Скуратова И. В. [4; 6], Шанского Н. М. [9], Поповой Т. В. [3] и др.

Как отмечает И. В. Скуратов, новые слова и значения возникают в связи с потребностями, вызванными, во-первых, необходимостью обозначить новое явление и, во-вторых, создать более выразительное обозначение предмета, который уже имеет название [5].

Smart contract является одной из наиболее инновационных форм договоров. В российской юридической науке данный терминологический вариант используется в заимствованном варианте, образованном с помощью калькирования – смарт-контракт [2; 7]. Важно отметить, что французское законодательство не даёт понятия «смарт-контракт» (фр. *smart contrat*). Равно как не используются и синонимы указанного термина: «самоисполняющиеся контракты», «умные контракты» и пр. [8].

Франция, как и ряд других стран, отличается некоторым скептицизмом по отношению к смарт-контрактам, учи-

тывая, что большая часть мира узнала о существовании смарт-контрактов, *криптовалюте* и *блокчейне* только в 2000–2012 гг.¹. Тем не менее за два прошедших десятилетия этот способ заключения соглашений между сторонами получил дальнейшее развитие и, очевидно, подтвердил свою эффективность. Начиная с 2019 года, блокчейн-платформа² IBM используется коммерческим судом Франции для регистрации изменений юридического статуса компаний, государственная энергетическая компания EDF Group, подразделение Echaion, также присоединилась к блокчейн-платформе Tezos в качестве *бейкера*. Наконец, ЦБ Франции в июле 2020 г. назначил Société Générale в качестве компании, которая будет разрабатывать приложения для использования национальной цифровой валюты. Одновременно власти Франции убеждены, что цифровые деньги должны быть исключительно под контролем государственных регуляторов.

В целях понимания особенностей заимствованных терминов из новых отрас-

¹ См.: Giusti J. Les « smart contracts sont-ils des contrats? [Электронный ресурс] // Jérôme Giusti : [сайт]. URL: <https://jeromegiustiblog.wordpress.com/2016/05/27/les-smart-contracts-sont-ils-des-contrats/> (дата обращения: 21.04.2022); Mounousamy L. Le smart contract, acte ou hack juridique? [Электронный ресурс] // Actu-Juridique : [сайт]. URL: <https://www.actu-juridique.fr/affaires/le-smart-contract-acte-ou-hack-juridique/> (дата обращения: 21.04.2022).

² Большинство смарт-контрактов заключаются с использованием технологии blockchain.

лей знаний во франкоязычной юридической среде стоит упомянуть ряд мер по защите французского языка, предпринимаемых правительствами франкоговорящих стран с конца XX в., направленных на исключение англоязычных заимствований или их полный перевод на французский без лексического калькирования, то есть без сохранения иностранной словоформы в исходном виде. Внимание, которое уделяется регулированию использования англоязычных терминов в юридическом французском языке, подтверждается многочисленными примерами, среди них есть, например, судебное решение¹, в котором разъясняется допустимость использования английского наименования "iNote" вместо "l'ordinateur portable" (ноутбук) в названии торговой марки, реализуемой на территории Франции. Подобные решения правительства Франции направлены также на расширение популярности французского языка в деятельности Европейского Союза².

Следует отметить, что предпринятые выше усилия дали некоторые результаты в сфере терминологии смарт-контрактов во Франции. При определении наиболее распространённых неологизмов была учтена техническая компонента таких контрактов, например, при упоминании смарт-контрактов в большинстве справочных ресурсов. Практика смарт-контрактов постоянно связана с такими неологизмами, как блокчейн, код и кибербезопасность³.

¹ См.: Tribunal de grande instance de Paris, Chambre civile 3, 18 décembre 2007, 06/04560 [Электронный ресурс] // Legifrance : [сайт]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000018952589> (дата обращения: 15.12.2022).

² См.: McGleenon B. Battle to SAVE French: Quebec panics- English set for dominant language in Canadian region // Daily Express : [сайт]. URL: <https://uk.newschant.com/world/battle-to-save-french-quebec-panics-english-set-for-dominant-language-in-canadian-region-world-news/> (дата обращения: 07.04.2022).

³ Ivanova E. Y. Grammas frequencies for English words in France [Электронный ресурс] // Blogger : [сайт]. URL: <https://ElenIvanova1267.blogspot.com> (дата обращения: 15.12.2022).

Функционирование юридических неологизмов

В результате выборки из французских юридических текстов были выявлены и проанализированы следующие неологизмы:

– La chaîne de blocs – the blockchain (блокчейн).

– Le réseau (de) pair à pair (réseau P2P) – peer-to-peer network (одноранговая сеть).

– Les puces⁴ électroniques – the microchips (микрочипы). Данный неологизм отличается полифункциональностью, что позволяет использовать его в области юриспруденции при описании электронного компонента, воспроизводящего одну или несколько более или менее сложных электронных операций, что упрощает реализацию схемы. Те же параметры характерны для терминов le hashage, code de hashage (fr.) [1].

La puce électronique nous vient tout droit de la nanotechnologie, de la physique quantique, c'est la prochaine étape du développement technologique humain⁵ / Электронный чип пришёл к нам прямо из нанотехнологий, из квантовой физики, это следующий шаг в технологическом развитии человека.

– La clé privée – закрытый ключ.

Анализ юридических неологизмов потребовал уточнения ряда терминов:

– Децентрализованная платформа (la plate-forme décentralisée) – онлайн-ресурс, типа Ethereum, и надстройки такой платформы. Правовой аспект этого понятия состоит в том, что такая платформа должна быть юридическим лицом.

– Блокчейн-платформа представляет собой комбинацию программной платформы и термина блокчейн: program for implementing blockchain software.

– Блокчейн-сервис. Блокчейн в этом случае является базовым термином, к ко-

⁴ puces – блоха (фр.).

⁵ La Puce Electronique (Microchip) [Электронный ресурс] // Le Nouvel Ordre Mondial : [сайт]. URL: <https://www.nouvelordremondial.cc/la-puce-electronique-microchip/> (дата обращения: 10.04.2022).

торому добавляются по мере их возникновения другие определения, как правило, второе существительное.

– Электронная подпись – signature électronique simple.

– Усиленная подпись – signature électronique sécurisée.

– Квалифицированная подпись – signature électronique présumée fiable.

Неологизму «смарт-контракт» соответствуют два термина: один французского происхождения, а другой термин заимствован из английского языка (le contract intelligent – the Smart contract).

Одним из признаков заимствования являются окончания (s) во множественном числе; в статьях на французском языке на тему криптовалюты и смарт-контрактов превалирует термин на английском языке, что, вероятно, является логическим результатом того, что концепция смарт-контракта была сформулирована и опубликована американским специалистом по информатике, криптографом Н. Сабо в 1990 г. [11]. В большинстве статей можно встретить англоязычный термин, но частотность использования smart contracts и его кальки les contrats intelligents практически не отличается (рис. 1). Необходимо заметить, что встречаемость англоязычных терминов резко и синхронно возросла, начиная с 2012–2013 гг.

Большинство рассмотренных в статье неологизмов де факто отсутствуют в праве Франции, а для регулирования смарт-контрактов используют уже существующие законодательные положения.

Blockchain (блокчейн)

Блокчейном называют децентрализованную базу данных, проверяющую и хранящую информацию обо всех транзакциях в сети. Технология блокчейн не является единственной средой реализации смарт-контракта. Следует учитывать специфику каждого проекта и понимать, нужно ли использовать в данном случае

блокчейн¹. Считается, что он необходим при отсутствии доверия между сторонами, в другом случае можно обойтись без его использования. Технология блокчейн не является главным признаком смарт-контракта, тем не менее термин активно внедряется в бизнес (что демонстрируется на рис. 2), поскольку в той или иной степени отсутствие доверия между сторонами имеет место в большинстве случаев.

Oracle (оракул)

Неологизм the oracle (оракул) возник задолго до появления смарт-контрактов. Следует отметить его большое распространение во Франции (рис. 3). Историческое значение данного термина допускает множественное истолкование, так как означает пророчество или того, кто его высказывает. Таким образом, заранее подразумевается, что оракул не является последней инстанцией и полной гарантией разрешения спорных моментов смарт-контракта². Термин является заимствованием из области программирования и его значения не определены окончательно. Считается, что в сфере смарт-контрактов оракул ограничивается предоставлением запрашиваемых данных, но не ставит подпись, при этом полномочия оракула включают проставление только одной подписи при транзакциях биткойна. Очевидно, что значение термина oracle, как и его место в смарт-контракте, будут впоследствии существенно дополнены.

Согласно М. Мекки, оракул – это лицо или компьютерное приложение, соединяющее события, происходящие в виртуальном мире блокчейна, и события, происходящие вне сети, в мире реальном. Оракулом может выступать физическое или юридическое лицо, программа, физи-

¹ Karionov E. Понимание оракулов в блокчейне (Перевод статьи Thomas Bertani из блога компании Oraclize) [Электронный ресурс] // Хабр: [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/post/332678/> (дата обращения: 07.05.2022).

² Там же.

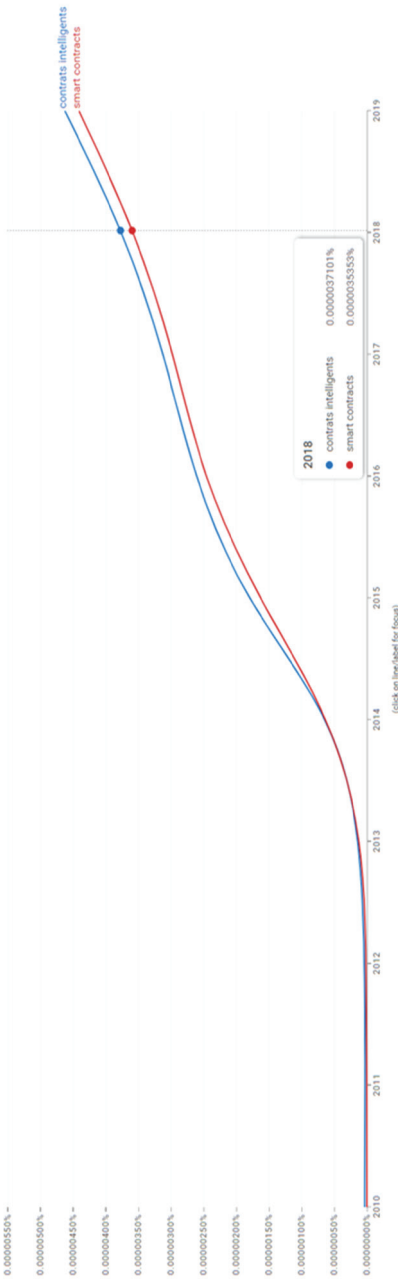

Рис. 1 / Fig. 1. Встречаемость терминов 'les contrats intelligents' и 'smart contract' (корпус fra_2019). Встречаемость выражена в % на 1 млн словоформ / The occurrence of the terms 'les contrats intelligents' и 'smart contract' (corpus fra_2019). Occurrence is expressed as % per 1 million word forms

Источник: Google Ngram Viewer¹.

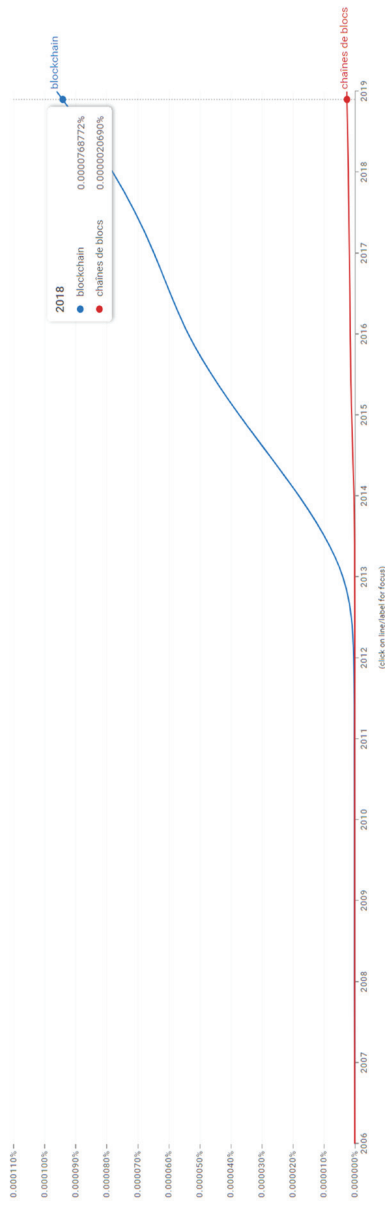

Рис. 2 / Fig. 2. Встречаемость неологизмов, образованных комбинацией прилагательное + существительное. Сравнение популярности термина blockchain и его калькирования chaines de blocs. Встречаемость выражена в % на 1 млн словоформ / The occurrence of neologisms formed by the combination of adjective + noun. The comparison of the popularity of the term blockchain and its calculus chaines de blois. Occurrence is expressed as % per 1 million word forms

Источник: Google Ngram Viewer.

¹ Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: 05.05.2022).

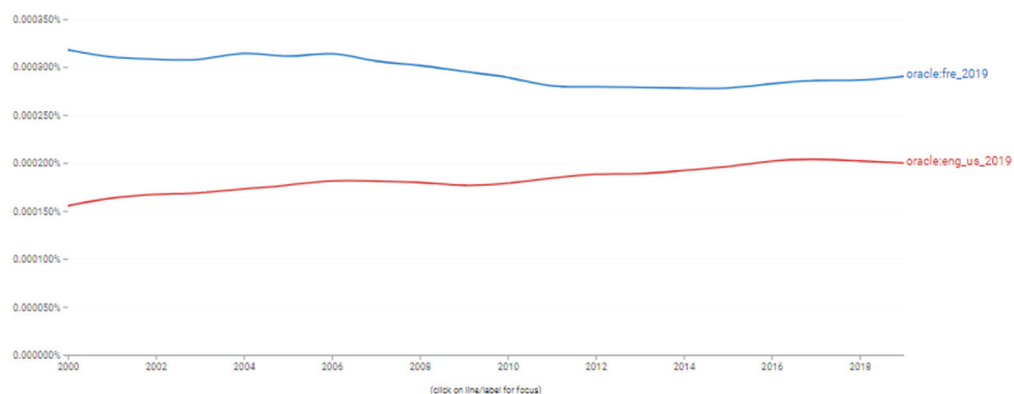

Рис. 3 / Fig. 3. Термин 'oracle': во франкоязычном корпусе – синий цвет, в американском корпусе – красный. Встречаемость выражена в % на 1 млн словоформ / The term 'oracle': in the French-language corpus – blue, in the American corpus – red. The occurrence is expressed in % per 1 million word forms

Источник: Google Ngram Viewer.

ческие устройства и организации, обладающие необходимой компетенцией [10].

Хэш-код (hash-code)

The hash в общеупотребительной лексике означает смесь мелко нарезанных разных ингредиентов, фарш, в техническом языке – селектор, информационный мусор, хеширование. *Code de hashage* или хэш-код – hash (eng.), code de hashage (fr.), hash code (eng.), или более распространённый неологизм *table de hashage* (таблица символов хеширования) или hash table (eng.), является программной функцией, шифрующей данные (главное свойство hash-таблиц – все три селекторские операции: вставка, поиск и удаление).

Le hashage est utilisé pour vérifier qu'un fichier (ou n'importe quel autre contenu) n'ai pas été altéré (sinon son hash change)¹ / Хеширование используется для провер-

ки того, что файл (или любое другое содержимое) не был изменён (в противном случае его хэш изменяется).

Профессиональное сообщество, включая юристов и технических экспертов, допускает возможность применения *code de hashage* как официального доказательства в суде. Таким образом, предоставление хэш-кода в суде может являться нарушением конфиденциальности сторон, которая, как утверждается, относится к основным преимуществам смарт-контракта.

Способы образования неологизмов в смарт-контрактах

На основании рассмотренных терминов-неологизмов выявлено, что распространённым способом словообразования в области смарт-контрактов является калькирование или полностью переведённое заимствование, что означает перевод всех лексем термина на собственный язык, например: the smart contracts (фр. les contrats intelligents), the blockchain, (фр. chaînes de blocs).

Les Smart Contracts (ou contrats intelligents) s'appuient sur la technologie de Blockchain et offrent une multitude de possibilités quant à l'exécution de contrat et la gouver-

¹ Комментарий пользователя Iradrille к материалу: Stéphane Le Calme. Arrêtez d'utiliser SHA-1 ! Des chercheurs affirment être parvenus à casser l'algorithme de hachage. Et recommandent des versions plus sécurisées [Электронный ресурс] // Développez : [сайт]. URL: <https://www.developpez.com/actu/119391/Arretez-d-utiliser-SHA-1-Des-chercheurs-affirment-etre-parvenus-a-casser-l-algorithme-de-hachage-et-recommandent-des-versions-plus-securisees/> (дата обращения: 13.05.2022).

nance des entreprises¹ / Умные контракты основаны на технологии «блокчейн» и предоставляют множество возможностей для исполнения контрактов и корпоративного управления.

Среди рассмотренных неологизмов отмечено аффиксальное словообразование с помощью суффикса *-age*, где существительное *hash* преобразуется по нормам переводного языка из существительного английского языка в форму существительного французского языка, например: *le hashage* или *le code de hashage*.

Les structures de données sont un moyen spécialisé de stocker les données. Les deux principaux objets de **hachage* qui exécutent cette fonction sont les pointeurs et les listes liées² / Структуры данных – это специализированный способ хранения данных. Двумя основными **хеш-объектами*, которые выполняют эту функцию, являются указатели и связанные списки.

Основным типом словообразования французских лексем является известное в классической лингвистике сложение различных основ или *словосложение*. Словосложение образуется в случае рассматриваемых неологизмов помимо разделения дефисом, разделением предложением *de*. Принимая во внимание латинское происхождение предлога *de*, его появление в области словообразования юридических терминов вполне обосновано и указывает на образование термина из двух существительных: *hydrates de carbone* (углеводы), *chaînes de blocs* (блокчейн). Исключением можно считать неологизм: *réseau (de) pair à pair* (одноранговая сеть), который является калькой *peer-to-peer*, где *peer* – ровесник, узел приёма и передачи, независимый (англ.), которая

переводится на русский как существительное + прилагательное (одноранговая сеть). Например:

La chaîne de blocs est une technologie qui a vu le jour en 2008 dans la communauté des experts en cryptographie³ // Блокчейн – это технология, которая впервые появилась в 2008 году в сообществе экспертов по криптографии.

Данная новая словоформа в области смарт-контрактов состоит из суммы существительное + прилагательное (*la plate-forme décentralisée, la clé privée* etc.) почти в 90% случаев. Существенно реже встречаются: существительное + существительное и глагольная форма + существительное, например:

La relation mathématique entre les deux clés permet de vérifier la signature créée avec la clé privée⁴ // Математическая взаимосвязь между двумя ключами позволяет проверить подпись, созданную с помощью закрытого ключа.

Les plateformes décentralisées ne sont pas gérées par un organe central comme leur nom l'indique⁵ // Децентрализованные платформы не управляются центральным органом, как следует из их названия.

Почти не применяется в области смарт-контрактов суффикс *-ure* (*coupure*). Более распространено окончание *-é(ee)* прилагательного, являющегося частью 2-граммы – *la clé privée*. Использование артиклей *le, la, les* достаточно распространено в терминологии смарт-контрактов и демонстрирует намерение

¹ Laurendeau A. Smart Contracts: Définition, Fonctionnement Et Avantages [Электронный ресурс] // Le blog du dirigeant : [сайт]. URL: <https://www.leblogdudirigeant.com/les-smart-contracts-cest-quoi/> (дата обращения: 11.05.2022).

² Qu'est-ce que le hashing? [Электронный ресурс] // Cryptosous : [сайт]. URL: <https://www.crypto-sous.fr/blockchain-fonctionnement/hashing/> (дата обращения: 09.05.2022).

³ Ganne E. La chaîne de blocs peut-elle révolutionner le commerce international? [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/french/res_f/booksp_f/blockchainrev18_f.pdf (дата обращения: 17.05.2022).

⁴ Giusti J. Les « smart contracts » sont-ils des contrats? [Электронный ресурс] // Jérôme Giusti : [сайт]. URL: <https://jeromegiustiblog.wordpress.com/2016/05/27/les-smart-contracts-sont-ils-des-contrats/> (дата обращения: 21.04.2022).

⁵ Guillaume M. Tout savoir sur les plateformes d'échange décentralisées (DEX) [Электронный ресурс] // Cointribune : [сайт]. URL: <https://www.cointribune.com/guides-crypto/comment-acheter/tout-savoir-sur-les-plateformes-dechange-decentralisees-dex/> (дата обращения: 17.05.2022).

конкретизировать термин, указав на его принадлежность к определённой области деятельности.

В рассмотренных примерах отсутствуют семантические кальки, т. е. слова, которые под влиянием иноязычного слова с аналогичным значением приобрели новое.

Встречаемость или продуктивность существительных в сфере смарт-контрактов может быть как высокой, так и минимальной, и зависит от универсальности термина; существительное 'hashage' (хэширование), связанное с программированием и криптографией, например, встречается реже других терминов-неологизмов (см. рис. 4).

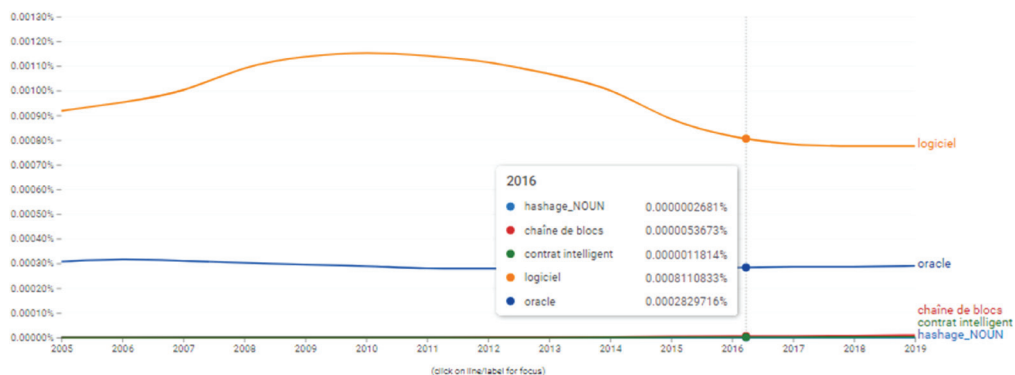

Рис. 4 / Fig. 4. Встречаемость неологизмов logiciel, oracle и hashage. Встречаемость выражена в % на 1 млн словоформ / The occurrence of neologisms logiciel, oracle, and hashage. The occurrence is expressed in % per 1 million word forms

Источник: Google Ngram Viewer

Заключение

В результате проведённого исследования определены основные неологизмы и их предметная область. Аргументированно доказано, что основная часть распространённых юридических неологизмов связана скорее с технологией и программированием, чем непосредственно с правом, что является универсальной тенденцией в настоящее время.

Установлено, что основными средствами словообразования французских лексем в смарт-контрактах являются:

- калькирование или полностью переведённое заимствование;
- добавление суффикса -age;
- словосложение (неологизм образуется разделением дефисом и реже предлогом *de*).

Подтверждена меньшая распространённость (практически полное от-

сутствие) комбинации существительное + существительное по сравнению с комбинацией существительное + прилагательное, в том числе установлено, что изменение окончаний в случае неологизмов встречается реже, за исключением окончаний (-s) и (-age), чем сочетание термин + термин или комбинация основа + термин. Доказано, что часть неологизмов являются англицизмами, оформленными определёнными артиклями "le", "les", которые используются параллельно с переводным французским аналогом.

Полученные результаты подтверждают, что смарт-контракты являются новым явлением во французском праве, которому предстоит дальнейшая эволюция, так как в современном мире существует общая тенденция к использованию информационных технологий.

Дата поступления в редакцию 29.03.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьева А. С. Лингвопрагматический и дискурсивный анализ лексических новообразований (на материале франкоязычных сериалов и интервью Республики Кот-д'Ивуар): дисс. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 189 с.
2. Котлярова Т. Я. Вкрапления и заимствования из английского языка во франкоязычном интернет-пространстве: языковая политика и узус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 1. С. 254–258. DOI: 10.30853/filnauki.2020.1.51.
3. Попова Т. В. Русская неология и неография. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. 96 с.
4. Скуратов И. В. К вопросу об интерпретации неологизмов (на материале французского языка) // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж. Р. Р. Толкина): сборник материалов Международной конференции (г. Москва, 20 апреля 2017 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 25–27.
5. Скуратов И. В. Лексикализация как способ образования неологизмов в современном французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 108–111.
6. Скуратов И. В. *Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain* = Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке: монография: на франц.яз.; 2-е изд., доп. М.: МГОУ, 2021. 154 с.
7. Чеметева Ю. В. Неологизация в юридическом дискурсе // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 395–399. DOI: 10.20310/2658-5383-2021-4-395-399.
8. Чуб Д. В. Правовое регулирование смарт-контрактов во Франции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 151–158. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.151-158.
9. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1964. 423 с.
10. Mekki M. Le smart contract, objet du droit (Partie 2) // Dalloz IP/IT : droit de la propriété intellectuelle et du numérique. 2019. No. 1. P. 27–36.
11. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Free Markets // Extropy: Journal of Transhuman Thought. 1996. No. 16. P. 50–53, 61–63.

REFERENCES

1. Kondratyeva A. S. *Lingvopragmaticheskiy i diskursivnyy analiz leksicheskikh novoobrazovaniy (na materiale frankoyazychnykh serialov i interv'y u Respubliki Kot-d'Ivuar): diss. ... kand. filol. nauk* [Linguo-pragmatic and discursive analysis of lexical new formations (based on the material of French-language TV series and interviews of the Republic of Côte d'Ivoire): PhD thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2022. 189 p.
2. Kotlyarova T. Ya. [The English inclusions and borrowings in the French-language Internet space: language policy and customary usage]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, vol. 13, no. 1, pp. 254–258. DOI: 10.30853/filnauki.2020.1.51.
3. Popova T. V. *Russkaya neologiya i neografiya* [Russian neology and neography]. Yekaterinburg, Ural State Technical University Publ., 2005. 96 p.
4. Skuratov I. V. [The problem of neologisms interpretation (on the basis of the French language)]. In: *Aktual'nyye problemy lingvistiki, perevodovedeniya, literaturovedeniya, leksikografii, teorii i praktiki obucheniya inostrannym yazykam (k yubileyu Dzh. R. R. Tolkina)* [Current problems of linguistics, translation studies, literary criticism, lexicography, theory and practice of teaching foreign languages (for the anniversary of J. R. R. Tolkien)]. Moscow, MRSU Ed. Office Publ., 2017, pp. 25–27.
5. Skuratov I. V. [Lexicalization as a way of forming neologisms in modern French]. In: *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik* [Verkhnevolzhskiy philological bulletin], 2018, no. 1, pp. 108–111.
6. Skuratov I. V. *Caractéristiques typologiques des néologismes en français contemporain*. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2021. 154 p.
7. Chemeteva Yu. V. [Neologization in legal discourse]. In: *Gosudarstvenno-pravovyye issledovaniya* [State Legal Research], 2021, no. 4, pp. 395–399. DOI: 10.20310/2658-5383-2021-4-395-399.
8. Chub D. V. [Legal regulation of smart contracts in France]. In: *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 8 (105), pp. 151–158. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.151-158.

9. Shanskiy N. M. *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1964. 423 p.
10. Mekki M. Le smart contract, objet du droit (Partie 2). In : *Dalloz IP/IT : droit de la propriété intellectuelle et du numérique*, 2019, no. 1, pp. 27–36.
11. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Free Markets. In : *Extropy: Journal of Transhuman Thought*, 1996, no. 16, pp. 50–53, 61–63.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евсеева Мария Владимировна – аспирант кафедры романской филологии Государственного университета просвещения;

e-mail: evseewamaria@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariia V. Evseeva – Postgraduate student, Department of Romance Philology, State University of Education;

e-mail: evseewamaria@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евсеева М. В. Французские юридические неологизмы в смарт-контрактах // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 144–153.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-144-153

FOR CITATION

Evseeva M. V. French legal neologisms in smart contracts. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 144–153.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-144-153

УДК 811.134.2

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-154-165

ПЕСЕННЫЙ ДИСКУРС АРГЕНТИНСКИХ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Чеснокова О. С.*Российский университет дружбы народов**117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Интерпретировать лексико-семантические особенности, риторические средства, прецедентные явления отдельных композиций аргентинских футбольных болельщиков как отражение аксиологических ценностей аргентинцев, установить их интертекстуальные связи в семиосфере идентичности аргентинцев.

Процедура и методы. Основные методы исследования: семантический, интерпретационный, лингвокультурологический анализ, культурологическое комментирование.

Результаты. Проведённый анализ показал, как интеграция смыслов, их коннотаций, лексико-семантических средств, прецедентных явлений, риторических приёмов реализует главное эстетическое послание песенного дискурса футбольных болельщиков – аргентинскую идентичность, как групповую (футбольные фанаты), так и общенациональную ввиду значения футбола в культурном пространстве страны.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья развивает парадигму прецедентной филологии, а её результаты могут быть применены в преподавании испанского языка с углублённым изучением культуры.

Ключевые слова: аргентинский национальный вариант испанского языка, идентичность, лингвокультурология, песенный дискурс, прецедентные явления, семиосфера, футбол

SONG DISCOURSE OF ARGENTINE FOOTBALL FANS THROUGH THE PRISM OF NATIONAL IDENTITY

O. Chesnokova*RUDN University**ulitsa Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze lexical and semantic features, rhetorical means, precedent phenomena of various Argentine football fans' compositions as a reflection of the axiological values of the Argentines, as well as to establish their intertextual links in the semiosphere of the Argentines' identity.

Methodology. The main research methods are semantic, interpretive, linguistic and cultural analysis, cultural commentary.

Results. The author highlights how the integration of meanings, their connotations, lexical and semantic means, precedent phenomena, and rhetorical devices implements the main aesthetic message of the football fans' song discourse which is the Argentine identity, both group (football fans) and national, as football is of great importance for the cultural space of the country.

Research implications. The article develops the paradigm of precedent philology, and its results can be applied in teaching Spanish with in-depth study of culture.

Keywords: Argentine Spanish, identity, linguoculturology, song discourse, precedent phenomena, semiosphere, football

Введение

В настоящее время, по справедливому замечанию В. Е. Чернявской, идентичность приобрела в гуманитарных науках «статус “зонтичного” и ключевого понятия, обеспечивающего точки доступа к анализу человека, его поведения, форм (само)выражения в различных социокультурных практиках» [20, с. 7]. Методологически важно, что «изучение идентичности связано с реконструированием на основании отдельных фрагментов более общих ценностей культуры – национальных, региональных, локальных, этнических» [9, с. 25], а также с систематизацией прецедентных явлений этноса [18]. Исходя из определения, что «семиясфера – и результат, и условие развития культуры» [12, с. 190], на примере песенного дискурса аргентинских футбольных болельщиков мы рассмотрим, как его отдельные тексты стали образцами аргентинской культуры и проявлением идентичности аргентинцев. Среди текстов, анализируемых в статье: 1) “*Vamos, vamos Argentina*”¹, 2) “*A los ingleses los corrimos*”², 3) “*Brasilero que pasó*”³, 4) “*Muchachos*”⁴. Особое внимание будет уделено ком-

позиции “*Muchachos*” и интерпретации того, как этот текст, созданный из «готового» текстового и музыкального материала и получивший популярность в связи с Чемпионатом мира по футболу в Катаре в 2022 году, стал знаковым воплощением аргентинской культуры и проявлением идентичности аргентинцев. Гипотеза статьи заключается в том, что тексты песенного дискурса футбольных болельщиков отражают национальную идентичность аргентинцев.

Национальная идентичность аргентинцев и футбольный дискурс

На формирование аргентинской нации оказали влияние массовые миграции европейцев⁵, при этом аргентинцы являются одной из самых европеизированных латиноамериканских наций с чувством гордости за свою историю и страну⁶. «Король спорта»⁷ футбол – это не только спорт как таковой, это социальное событие, арена эмоций, страстей, амбиций. Футбол с его зрелищностью и духом борьбы входит в приоритеты идентичности аргентинцев⁸, а имена футболистов Диего Марадоны и Лионеля Месси стали, наряду с именами таких знаменитых ар-

¹ См.: *Vamos Vamos Argentina* [Электронный ресурс] // Wikipedia: la enciclopedia libre : [сайт]. URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Vamos_Vamos_Argentina (дата обращения: 09.04.2023). Далее – *Vamos, vamos Argentina*.

² См.: *vamos vamos seleccion* // UNIDAD NACIONAL ni izquierda, ni derecho : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1Ozlv78fuOM> (дата обращения: 09.04.2023). Далее – *A los ingleses los corrimos*.

³ См.: *Brasilero, qué pasó? Arrugó el pentacampeón. La nueva canción del vestuario argentino para la final* // EFM – EuropeFreeMarket : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r1af0p9b1F8> (дата обращения: 09.04.2023).

⁴ См.: *Muchachos (Video Oficial) The palmers – Cumbia* // The Palmers : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=DBzG_Pyjr0 (дата обращения: 09.04.2023). Далее – *Muchachos*.

⁵ См.: *Аргентинцы* [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия : [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аргентинцы> (дата обращения: 10.01.2023).

⁶ Обычаи и традиции в Аргентине [Электронный ресурс] // Travel : [сайт]. URL: <http://guide.travel.ru/argentina/people/traditions/> (дата обращения: 08.03.2023).

⁷ ¿Por qué se dice que el fútbol es el deporte rey? [Электронный ресурс] // El Tiempo : [сайт]. URL: <https://www.eltiempo.com/deportes/futbol-internacional/por-que-el-futbol-es-considerado-el-deporte-rey-742418> (дата обращения: 08.03.2023).

⁸ Страсть, слезы, любовь: почему в Аргентине обожают футбол [Электронный ресурс] // РИА новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20191210/1562226155.html> (дата обращения: 08.03.2023).

гентинцев, как жена двадцать девятого Президента страны Эвита де Перон, латиноамериканский революционер Эрнесто Че Гевара, исполнитель танго Карлос Гардель, композитор Астор Пьяццолла, писатели Хорхе Луис Борхес, Хулио Кортасар, национальными символами Аргентины и прецедентными именами [8, с. 278–279], семиосфера которых выходит при этом за пределы национального аргентинского культурного пространства.

В современной лингвистике и межкультурной коммуникации футбол исследуется как особый вид дискурса [1; 3; 4; 5; 6; 7; 10; 11; 16; 17]. Аргентинский национальный вариант испанского языка является одним из наиболее изученных, при этом общепризнано влияние на его становление, как и на становление аргентинской культуры, языковых контактов и социолекта лунфардо [13; 14, с. 140; 19; 23]. Одним из проявлений аргентинской культуры и самосознания аргентинцев является футбольный дискурс. Симптоматично, что в аргентинском национальном варианте испанского языка фразеологизм с лексемой *fútbol*: *No pesca un fútbol* [22, р. 61] – ‘не ловить (даже) футбол’ – означает «ничего не понимать», что словесно подтверждает укоренённость футбола в языковом сознании, мире повседневности и в семиосфере идентичности аргентинцев.

Талантливая и амбициозная сборная Аргентины по футболу (*Selección de fútbol de Argentina*) поэтически именуется по цветовой гамме формы, совпадающей с цветами аргентинского флага, – *La Albiceleste* «Бело-голубые», а с недавнего времени – *Scaltoneta*, что является производным от фамилии главного тренера сборной Лионеля Скалони (Lionel Sebastián Scaloni, 1978)¹. В 2022 году в

Катаре сборная Аргентины по футболу в третий раз стала чемпионом мира. Предыдущие титулы чемпиона мира были завоёваны в 1978 г. в Аргентине в матче с Нидерландами и в 1986 г. в Мехико в матче с Великобританией. Аргентинцы 15 раз первенствовали на Кубке Америки (*Copa América*)².

Образцы песенного дискурса в аргентинской семиосфере

Футбольные болельщики – одна из составляющих семиотики футбола и футбольного дискурса, в том числе песенного. Песенный дискурс имеет две базовые составляющие: вербальную – словесный текст и невербальную – музыку. Исполнение добавляет визуальный ряд в песенный дискурс, расширяя грани его поликодовости. Один из самых известных образцов песенного дискурса аргентинских футбольных болельщиков “*Vamos, vamos, Argentina*” («Вперёд, Аргентина!»), который был приурочен к чемпионату мира по футболу в 1978 году, но получил в стране такую популярность, что исполняется и на соревнованиях по другим видам спорта. Песенная композиция содержит призыв к победе, заменяет и одновременно объединяет по принципу синекдохи «целое», Аргентину как страну, и «часть» – сборную по футболу. Болельщики «по-свойски» названы *banda quilombero* «беспокойная банда / орава», при том, что прилагательное *quilombero* является аргентинизмом значений «беспокойный, беспорядочный» [22, р. 51]³. Хотя песня была создана перед чемпионатом мира 1978 года, она уже рисует команду на футбольном поле и содрогающийся от восторга голов своей сборной

¹ Scaltoneta: qué es y por qué le dicen así a la Selección Argentina [Электронный ресурс] // TyC Sports: [сайт]. URL: <https://www.tycsports.com/seleccion-argentina/scaltoneta-que-es-y-por-que-le-dicen-asi-a-la-seleccion-argentina-id477800.html> (дата обращения: 08.03.2023).

² Сборная Аргентины по футболу [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сборная_Аргентины_по_футболу (дата обращения: 08.03.2023).

³ Diccionario de americanismos. Lima: Santillana Ediciones Generales, Asociación de Academias de la Lengua Española, ASALE, 2010. P. 1803. Далее – Diccionario de americanismos.

стадион. Междометная конструкция *dale con el corazón* с лексемой *corazón* («сердце») в значении главного вместилища эмоций передаёт страстную поддержку и веру в победу, которая действительно состоялась в 1978 г. матче с Нидерландами:

*Vamos, vamos, Argentina,
vamos, vamos a ganar,
que esta banda quilombero
no te deja, no te deja de alentar*
«Вперёд, Аргентина! Мы победим!
Твоя беспокойная ватага не переста-
нет тебя воодушевлять!»¹.

*El equipo está en la cancha,
el partido ya empezó,
el estadio se estremece
cada vez que la Argentina hace un gol.*
«Команда на поле / Матч начался /
Стадион содрогается / Когда Аргенти-
на забивает гол.»

*Vamos, vamos, Argentina,
dale con el corazón,
del Mundial '78
vas a ser, vas a ser el gran campeón*².
«Вперёд, Аргентина! / Только вперёд /
Ты станешь великим чемпионом 78
года!».

В 2022 году в матче отборочного тур-нира чемпионата мира Аргентина обыграла Венесуэлу со счётом 3:0, что вызвало всеобщее ликование аргентинцев и популярность композиции «*A los ingleses los corrimos*»³ на основе хорошо известной в стране песни Андреса Каламаро (Andrés Calamaro) «*La parte de adelante*»⁴. Если ритм танго, в котором написана песня «*La parte de adelante*», устойчиво входит

в семиосферу аргентинской идентичности, то слова о страстной любви к женщине, обладании её телом, эмоциями и душой неоднозначны в восприятии и нередко получают оценку как machistские⁵. Но именно энергетика полного и безоговорочного обладания стала прецедентным фоном для дискурса футбольных болельщиков⁶, нацеленного на обладание чемпионскими титулами. Примечательны, на наш взгляд, следующие ресурсы выразительности текста: аллюзия знаковой для коллективной памяти и идентичности аргентинцев войны 1982 года с Великобританией (исп. *La guerra de las Malvinas*, англ. *Falklands War*) за Фолклендские (Мальвинские) острова [2; 21; 24], использование типичного для Рио-Платской зоны обращения на *vos* (*no sabés*), графическое отражение разговорно-обиходного произношения *los* как *lo*; упоминание стадиона Ла-Бомбонера в Буэнос-Айресе, обещание отдать жизнь за родину. Таким образом, хронотоп композиции эксплицитно связан с семиосферой идентичности аргентинцев как футбольных болельщиков и как нации:

*A los ingleses los corrimos en todos lados,
los alemanes tienen miedo de cruzarnos,
ay brasilero no sabés la que te espera
cuando vengas a jugar a La Bombonera.
Por lo colores de mi patria doy la vida,
como lo hicieron los soldados en Malvinas,
cuando me muera no quiero nada de flores,
yo quiero un trapo que tengan estos colores.
Y vamos vamos vamos vamos Selección
Y vamos vamos vamos vamos Selección.*
«Мы прогнали англичан / Нас боятся немцы / Ты, бразилец, не знаешь, что тебя ждёт, / Когда ты будешь играть

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи – О. Ч.

² См.: *Vamos, vamos Argentina*.

³ См.: *A los ingleses los corrimos*.

⁴ См.: Andrés Calamaro – *La Parte De Adelante* (Video clip) // Warner Music Spain : YouTube-канал. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1VYM_pGiCWc (дата обращения: 09.04.2023).

⁵ Carbonell H. P. *La parte de adelante: de los versos al feminicidio* [Электронный ресурс] // *Al Derecho* : [сайт]. URL: <https://clck.ru/35qGRY> (дата обращения: 09.04.2023).

⁶ Vázquez A. *La nueva canción de la Selección argentina* [Электронный ресурс] // *Goal* : [сайт]. URL: <https://www.goal.com/es/noticias/la-nueva-cancion-de-la-seleccion-argentina/ecldad94ugeg12zmkdb5ym825> (дата обращения: 09.04.2023).

на Ла-Бомбонера / За флаг (дословно «цвета») моей родины я отдам жизнь, / как это сделали солдаты на Мальвинах / Когда я умру, мне не нужно цветов / я хочу лишь кусок ткани с цветами флага / Вперёд, команда!».

Следующий образец дискурса аргентинских футбольных фанатов связан с первым в истории розыгрышем Финалиссима – матчем 1 июня 2022 г. на лондонском стадионе Уэмбли между Италией как победителем Евро-2020 и Аргентиной как победителем Кубка Америки-2021, закончившегося победой Аргентины со счётом 3:0. В образце песенного дискурса вновь примечательна аллюзия войны за Фолклендские острова, отождествление лирическим героем себя с *banda argentina* («аргентинская ватага»), мечта о победе на Чемпионате мира 2022 года. Разговорная тональность передаётся и как бы небрежным катойконимом *brasileiro*, который не является испанским (нормативное *brasileño*), ни португальским (*brasileiro*), что создаёт спонтанность текста, написанного «своими» и для «своих»:

*Brasileiro qué pasó, arrugó el pentacampeón.
Messi se fue para Río y con la copa se quedó.
Somos la banda argentina y siempre vamos a
alentar,*

*Porque tenemos el sueño de salir campeón
mundial.*

*Yo soy así, soy argentino, Ingleses putos de
Malvinas no me olvido.*

*Yo soy así, vengo a alentarte, a la Argentina
yo la sigo a todas partes*

«Ну что, бразилец? Сплющил тебя пятикратный чемпион / Месси отправился в Рио и вернулся с победой / Мы аргентинская банда и всегда будем болеть за своих / потому что мечтаем стать чемпионом мира / Я такой, Я аргентинец. Я не забываю проклятых англичан на Мальвинах / Я такой, я иду вперёд / Повсюду иду за Аргентиной».

Композиция “*Muchachos*” и её интертекстуальные связи

Вероятно, самый яркий на сегодняшний день образец песенного дискурса аргентинских футбольных болельщиков – это композиция “*Muchachos*”¹, ставшая хитом и неофициальном гимном Аргентины на Чемпионате Мира по футболу в Катаре в 2022 году. Музыка песни “*Muchachos*” хорошо известна в стране: это композиция “*Muchachos, esta noche me emborracho*” из альбома “*Tango latino*” 2003 г. группы *Mosca tse-tse* в исполнении вокалиста Гильермо Новеллиса (Guillermo Novellis)², которую, с точки зрения прецедентной филологии, можно расценивать в качестве прецедентного текста композиции “*Muchachos*” как песни аргентинских футбольных болельщиков. Слова песни болельщиков были написаны Фернандо Ромеро (Fernando Romero) на основе песни “*Muchachos, esta noche me emborracho*” после победы Аргентины над Бразилией на Кубке Америки в 2021 г. Если текст “*Muchachos, esta noche me emborracho*” развивает характерные для символики аргентинского танго темы одиночества и покинутости, то риторика модифицированного Фернандо Ромеро текста другая. Как и прецедентный текст, текст Фернандо Ромеро адресован друзьям, близким, «своим», но «свои» в тексте Фернандо Ромеро – это прежде всего аргентинские футбольные болельщики и аргентинцы как нация.

Текст открывается констатацией рождения лирического героя в Аргентине, на родине футболистов Диего Марадоны и Лионеля Месси, названных только по именам *Diego y Lionel* («Диего и Лионель»), что создаёт доверительную тональность повествования «для своих»: *En Argentina nació, tierra de Diego y Lionel / Я родился в Аргентине, на родине Диего и Лионеля.*

¹ См.: Muchachos.

² См.: La Mosca Tse-Tse – Muchachos, Esta Noche Me Emborracho // La Mosca Oficial : YouTube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KnS2gG-1n2o> (дата обращения: 09.04.2023).

Диего Армандо Марадона (Diego Armando Maradona; 1960–2020) известен как *Pibe de oro* «Золотой парень», *Pelusa* «Пушок», *El barrilete cósmico* «Космическая комета»¹. Примечательно, что лексема *pibe*² означает в Аргентине и в Рио-Платской зоне в целом «парень» [22, р. 47], а лексема *barrilete*³ является южно-американизмом значения «комета». В 1986 г. в финале Чемпионата мира по футболу в Мехико Диего Марадона забил в матче с Великобританией так называемый *gol del Siglo* «гол столетия» и гол, получивший название *Mano de Dios* «Рука Бога», что имело для аргентинцев особое значение триумфа на фоне проигранной Великобритании войны за Фолклендские (Мальвинские) острова. Марадону аргентинцы ставят в один ряд с такими знаковыми для национального сознания личностями, как Президент Хуан Перон, его супруга Эвита Перон, Кристина Фернандес де Кишнер, как ср. в следующем контексте: *Los grandes líderes carismáticos de la Argentina fueron (Juan Domingo) Perón, Eva (Duarte), (Diego) Maradona y Cristina (Fernández)*⁴.

Личность Марадоны занимает важное место в семиосфере аргентинской идентичности, например в мемориальной топонимии: имя Марадоны носит стадион футбольного клуба «Архентинос Хуниорс» (Argentinos Juniors): *“El Estadio Diego Armando Maradona”*. Звёздные голы Марадоны, а также свойственное ему неуравновешенное поведение мотивировали появление в аргентинском националь-

ном варианте испанского языка глагола *maradonear* с несколькими значениями⁵: 1) иметь взлёты и падения; 2) вести роскошную жизнь; 3) забить желанный гол; 4) предавать; 5) вести себя как Марадона.

Лионель Месси (Lionel Andrés Messi Cuccittini; 1987), известный как *La Pulga* «Блоха», *Astro rosarino* «Звезда из Росарио», – капитан сборной Аргентины по футболу. Блестящая игра Месси мотивировала игровое прилагательное-неологизм *inmessionante: Calificativo referente a Messi, a su manera perfecta de jugar al fútbol, a su capacidad ilimitada de autosuperación. Dícese del mejor futbolista de todos los tiempos*⁶ («Определение, относящееся к Месси, его блестящей игре в футбол, безграничным возможностям преодоления себя. Определение, относящееся к лучшему футболисту всех времён»). Любопытно, что в неологизме *inmessionante*, имеющем явную фонемную параллель с прилагательным *impresionante*, сохранено двойное *s* итальянской фамилии игрока, что противоречит структуре испанского слова, не имеющего двойных щелевых фонем. Поскольку Месси родился в Росарио, аргентинцы могут сравнивать его с известным харизматичным латиноамериканским революционным лидером, также родившемся в Росарио, – Эрнесто Че Гевара⁷.

После констатации рождения лирического героя на земле знаковых для аргентинцев выдающихся футболистов Диего Марадоны и Лионеля Месси, патриотическая риторика развивается обещани-

¹ Relaño A. El barrilete cósmico y la «mano de Dios» (1986) [Электронный ресурс] // Diario AS : [сайт]. URL: https://as.com/futbol/2016/06/22/mas_futbol/1466580327_949957.html (дата обращения: 08.03.2023).

² Diccionario de americanismos. P. 1682.

³ Diccionario de americanismos. P. 224.

⁴ Bianculli F. La diferencia esencial entre Maradona y Messi, según el sociólogo que más estudió la cultura del fútbol [Электронный ресурс] // El Economista : [сайт]. URL: <https://eleconomista.com.ar/deportes/la-diferencia-esencial-maradona-messi-sociologo-mas-estudio-cultura-futbol-n56980> (дата обращения: 10.03.2023).

⁵ См.: Significado de maradonear [Электронный ресурс] // Diccionario Abierto de Español : [сайт]. URL: <https://www.significadode.org/maradonear.htm> (дата обращения: 10.03.2023).

⁶ 'Inmessionante' ya forma parte del diccionario [Электронный ресурс] // Marca : [сайт]. URL: <https://clck.ru/35qGn4> (дата обращения: 12.03.2023).

⁷ Portiglia J. I. 30 curiosidades sobre Lionel Messi que tal vez no conocías [Электронный ресурс] // Bolavip : [сайт]. URL: <https://bolavip.com/europa/20-curiosidades-sobre-Lionel-Messi-que-tal-vez-no-conocias-20200917-0027.html> (дата обращения: 12.03.2023).

ем не забывать «парней Мальвин». Использована типичная для Рио-Платской зоны лексема *pibe*¹ «парень». Аллюзия же Мальвин воскрешает память о погибших в 1982 г. в 72-дневной войне между Великобританией и Аргентиной (исп. *La guerra de las Malvinas*, англ. *Falklands War*) из-за давнего территориального спора между странами об архипелаге Фолклендских (Мальвинских) островов [2; 21; 24] аргентинцах: *de los pibes de Malvinas que jamás olvidaré*. Обещание не забывать погибших соотечественников в мечтах о футбольном триумфе усиливает тональность единения аргентинцев в памяти о трагических событиях в истории их родины.

Далее лирический герой говорит о невозможности объяснить, потому что это не поддаётся пониманию, сколько времени он лил слезы из-за проигранных финалов, что вновь подчёркивает адресацию текста «своим», «посвящённым». Слезы закончились, когда аргентинцы одержали победу над бразильцами. Бразильцы (нормативное *brasileños*) названы разговорно-уничижительным катойконимом *brazucas*, представляющим ксенофобное топонимическое прозвище бразильцев, образованное по той же модели, что и ксенофобное обозначение португальцев как *portugas* [15, с. 58]. Матч, принёсший победу аргентинцам, не назван эксплицитно, потому что композиция адресована «своим». Любители футбола расшифровывают аллюзию финала Кубка Америки в 2021 г. на стадионе «Маракана» (*Maracanã*) в Рио-де-Жанейро, закончившегося победой Аргентины над Бразилией:

*No te lo puedo explicar
porque no vas a entender
las finales que perdimos, cuántos años las lloré.
Pero eso se terminó porque en el Maracanã
la final con los brazucas la volvió a ganar papá ...*

Для аргентинцев победа в 2021 году на Кубке Америки стала триумфальным событием: это была первая победа Лионеля Месси в составе сборной Аргентины, а по количеству побед на Кубке Америки Аргентина сравнялась с Уругваем, поскольку у обеих ярких южноамериканских команд стало по 15 чемпионских титулов. Риторически примечательно использование лексемы *papá* «папа», символизирующей силу и превосходство, как обозначения победивших аргентинцев. Победа на Кубке Америки в 2021 году и стала тем стимулом, который, по содержанию текста и его риторике, мог принести Аргентине такую желанную победу на Чемпионате мира в Катаре. «Я» начала песни заменяется на коллективное «мы», объединяющее всех аргентинцев и их мечту стать в третий раз чемпионами мира, при этом первое лицо единственного числа и первое лицо множественного числа сливаются, что создаёт образ «своего», «понимающего без слов» и диалогическое взаимоотражение с адресатом:

*Muchachos, ahora nos volvimos a ilusionar
Quiero ganar la tercera, quiero ser
campeón mundial*

«Ребята, к нам вернулась мечта выиграть в третий раз и стать чемпионом мира».

Следующая часть композиции примечательна упоминанием не только Диего Марадоны, но и его родителей. Дон Диего Марадона-отец (Diego Maradona; 1927–2015), мать Дальма Сальвадора Франко Кариоличи (Dalma Salvador Franco Cariolichi; 1930–2011), называемая, как это понятно каждому аргентинцу, Ла-Тота, и сам Диего Марадона становятся небесными покровителями сборной и с небес поддерживают Лионеля Месси:

*y al Diego, en el cielo lo podemos ver
con don Diego y con la Tota, alentándolo
a Lionel*

¹ Diccionario de americanismos. P. 1682.

«На Небесах мы видим Диего, донна Диего и Ла-Тота, поддерживающих Лионеля».

Мать Диего Марадоны сыграла важную роль в судьбе футболиста, а аргентинцами она часто называется «матерью футбола»: *La 'Madre del fútbol' así es considerada 'Doña Tota', progenitora de Diego Armando Maradona, y cuyo deceso es llorado a rabiar por la prensa argentina* («Донью Тоту, мать Диего Армандо Марадоны, считают «матерью футбола». Её кончина горько оплакивается аргентинскими СМИ»)¹. Влияние Доньи Тоты на Марадону ёмко сформулировано журналистами: *Es que 'Doña Tota' era una de las pocas personas en el mundo que lograba que Maradona dejara de ser Maradona para ser Diego. O Pelusa* («Донья Тота была одним из немногих людей, которым удавалось, чтобы Марадона переставал быть Марадоной и становился Диего, или Пелусой»)². Донна Диего-отца и самого Марадону аргентинцы часто называют *Los Diegos*. Таким образом, тесные семейные узы Диего Марадоны становятся тем, что в тексте песни призвано сплотить и саму команду, и всех аргентинцев в вере в победу. Газета *La Nación* писала 21 декабря 2022 года: *La canción de Romero y la Mosca no es la causa de haber ganado el Mundial, pero ha ayudado mucho: funcionó y sigue funcionando – como un mito que posibilita un duelo y que justifica y proyecta hacia un futuro una ilusión compartida por millones de argentinos y materializada por una generación joven de extraordinarios jugadores que cuando se abrazan y juegan con Messi tienen un sentimiento que no nos pueden explicar*³ («Песня Ромеро и Ла-Моска

не стала причиной победы на Чемпионате Мира: она была и остаётся мифом, который делает возможным сражение и который оправдывает и направляет в будущее мечту миллионов аргентинцев, воплощённую целой плеядой выдающихся игроков, которые, играя вместе с Мессеи, создают необъяснимые эмоции»).

Несмотря на авторское переложение Фернандо Ромеро текста из альбома группы *Mosca tse-tse*, после триумфа Аргентины в Катаре появились альтернативные финалы песни, который констатирует уже состоявшуюся победу Аргентины: *ya ganamos la tercera, otra vez campeón mundial* («Мы выиграли в третий раз, мы снова чемпионы мира»), что развивает у текста фольклорные признаки, а именно возможность варьирования. Такая судьба песни *Muchachos* подтверждает мысль выдающегося семиолога Юрия Лотмана, что «одновременно текст формирует свою аудиторию, а аудитория – свой текст» [12, с. 111].

Заключение

Рассмотренные в статье образцы песенного дискурса аргентинских футбольных болельщиков реализуют как главное эстетическое послание аргентинскую идентичность. Все образцы выдержаны в разговорно-обиходном, доверительном стиле повествования для «своих», с опорой на хорошо известные аргентинцам прецедентные явления футбола, прецедентные явления истории страны, прецедентные имена, национальную специфику аргентинского национального варианта испанского языка. Языковые особенности текстов песен, таким образом, выходят за пределы их самих, отражая и формируя интертекстуальные связи семиосферы идентичности аргентинцев, как групповой (футбольные фа-

¹ Doña Tota considerada como la Madre del fútbol en Argentina [Электронный ресурс] // RPP Noticias : [сайт]. URL: <https://rpp.pe/futbol/mas-futbol/dona-tota-considerada-como-la-madre-del-futbol-en-argentina-noticia-424030> (дата обращения: 12.03.2023).

² Там же.

³ Argentina campeón del mundo: el mito creado por "Muchachos", la canción de La Mosca [Электронный

ресурс] // La NACIÓN : [сайт]. URL: <https://www.lanacion.com.ar/deportes/futbol/argentina-campeon-del-mundo-el-mito-creado-por-muchachos-la-cancion-de-la-mosca-nid21122022/> (дата обращения: 12.03.2023).

наты), так и общенациональной, ввиду значимости футбола в культурном пространстве Аргентины и в аксиологических ценностях мира повседневности аргентинцев.

Дата поступления в редакцию 21.06.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус Н. Г. Языковая личность британского футбольного комментатора // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2016. № 12. С. 148–151.
2. Бабик А. О. Историография «фолклендской проблемы» в системе международных отношений (1976–1990 гг.) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 5–9.
3. Белютин Р. В. К вопросу о дискриминации в дискурсе немецких футбольных фанатов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 119–129.
4. Белютин Р. В. Метафоризация эмоций в дискурсе немецких футбольных фанатов // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 3 (59). С. 130–138. DOI: 10.35785/2072-9464-2022-59-3-130-138.
5. Болховитянов И. В. Влияние науки о переводе на развитие лингвокультурологического аспекта переводоведения (на примере анализа лексики американского футбола) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 60–65.
6. Быкова Т. Ю. Национальная идентичность в российском спортивном дискурсе (на примере чемпионата мира по футболу 2018) // Поволжский вестник науки. 2019. № 2 (12). С. 51–53.
7. Врублевская О. В. Антропонимы футбольного дискурса: развитие коннотативных значений // Ономастика Поволжья: материалы XX международной научной конференции (Элиста, 05–07 октября 2022 г.) / сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. С. 66–69.
8. Журавлева Е. В. Вымышленная реальность. Символизм Аргентинской национальной культуры // Древняя и Новая Романия. 2019. № 23. С. 277–286.
9. Загряжина Т. Ю. «Вехи идентичности» в межкультурном и языковом аспектах (от Прованса к Окситании) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 24–38.
10. Калашова А. С., Чаплыгина Т. С. Лингвостилистические особенности испаноязычного спортивного дискурса (на материале текстов футбольной тематики) // Modern linguistics and methodology of language learning: theory, practice, innovations: materials of the I European international research and practice conference (Prague, December 20th 2017). Prague: Scientific publishing center “Open knowledge”, 2017. P. 35–40.
11. Корнева В. В., Снимщикова Ю. О. Метафора «футбол – это театр» в испанской спортивной прессе // Инновационные технологии обучения иностранному языку в вузе и школе: реализация современных ФГОС: сборник научных трудов по материалам Четвертой Международной научно-практической конференции (Воронеж, 19–20 февраля 2019 г.). Часть 2. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. С. 320–326.
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
13. Невокшанова А. А. Лингвистическая интерпретация основных грамматических особенностей аргентинского варианта испанского языка // Гуманитарные исследования. 2012. № 4 (44). С. 68–74.
14. Овчинникова Ю. С. Программа лекционного курса «Традиционная музыка в культуре народов мира» // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 135–143.
15. Радович М. Топонимы, катойконимы и топонимические прозвища Бразилии: морфологический и культурологический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 4. С. 56–64.
16. Раевская М. М., Перетятко А. В. Метафоры современного испанского спортивного дискурса как отражение национальной ментальности // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 94–105.

17. Сабельникова Е. А. Анализ концепта «футбол» в современном англоязычном спортивном дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 8. С. 145–148. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.08.24.
18. Стародубова О. Ю. Лингвокультурная ситуация сквозь призму прецедентного феномена как отражение интертекстуальности в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 5. С. 100–112. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-100-112.
19. Ю Е. Д. О социолекте лунфардо: таксон и узус // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2018. Т. 7. № 4. С. 56–62. DOI: 10.12737/article_5b5ff4c5860d7.52439148.
20. Чернявская В. Е. Языковые модусы идентичности: слово от редактора // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 7–10. DOI: 10.18721/JHSS.13201.
21. Мишев Л. Фолклендская криза през 1982 г.: военно-дипломатически ходове и психологически операции. София: Аскони-издат, 2012. 139 с.
22. Bracken J. Che boludo: a gringo's guide to understanding the Argentines; 1a ed. 4a reimp. Martínez: Magiart, 2019. 72 p.
23. Donni De Mirande N. Estudio Del Español En La Argentina. Buenos Aires, 1993. 202 p.
24. Freedman L. The Official History of the Falklands Campaign. Vol. I–II. Abingdon: Routledge, 2005–2007.

REFERENCES

1. Asmus N. G. [The language personality of the British football commentator]. In: *Perevod i сопоставител'ная лингвистика* [Translation and comparative linguistics], 2016, No. 12, pp. 148–151.
2. Babik A. O. [Historiography of the “Folkland Issue” in the system of international relations in 1976–1990]. In: *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities], 2020, no. 2, pp. 5–9.
3. Belyutin R. V. [On discrimination in German football fans' discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], 2022, no. 3, pp. 119–129.
4. Belyutin R. V. [Metaphorization of emotions in German football fans' discourse]. In: *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Smolensk State University], 2022, no. 3 (59), pp. 130–138. DOI: 10.35785/2072-9464-2022-59-3-130-138.
5. Bolkhovityanov I. V. [Impact of translation studies on the development of linguistic and linguocultural aspect of translation (analysis of American football lexicon)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2014, no. 5, pp. 60–65.
6. Bykova T. Yu. [The national identity in the Russian sports discourse (on the example of The World Cup 2018)]. In: *Povolzhskiy vestnik nauki* [Volga Bulletin of Science], 2019, no. 2 (12), pp. 51–53.
7. Vrublevskaya O. V. [Anthroponyms of football discourse: development of connotative meanings]. In: *Onomastika Povolzh'ya: materialy XX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Elista, 05–07 oktyabrya 2022 g.)* [Onomastics of the Volga region: materials of the XX international scientific conference (Elista, October 05–07, 2022)]. Volgograd, PrinTerra-Dizayn Publ., 2022, pp. 66–69.
8. Zhuravleva Ye. V. [Fictional reality. Symbolism of Argentinian national culture]. In: *Drevnyaya i Novaya Romaniya* [Ancient and New Romania], 2019, no. 23, pp. 277–286.
9. Zagryazkina T. Yu. [“Milestones of identity” in the intercultural and language aspects (from Provence to Occitania)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], 2020, no. 3, pp. 24–38.
10. Kalashova A. S., Chaplygina T. S. [Linguistic stylistic features of Spanish-language sports discourse (based on texts on football topics)]. In: *Modern linguistics and methodology of language learning: theory, practice, innovations: materials of the I European international research and practice conference (Prague, December 20th 2017)*. Prague, Scientific publishing center “Open knowledge”, 2017, pp. 35–40.
11. Korneva V. V., Snimshchikova Yu. O. [Metaphor “football is theater” in the Spanish sports press]. In: *Innovatsionnyye tekhnologii obucheniya inostrannomu yazyku v vuze i shkole: realizatsiya sovremen-*

- nykh FGOS: *sbornik nauchnykh trudov po materialam Chetvertoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Voronezh, 19–20 fevralya 2019 g.). Chast 2 [Innovative technologies for teaching foreign languages at universities and schools: implementation of modern Federal State Educational Standards: a collection of scientific works based on the materials of the Fourth International Scientific and Practical conference (Voronezh, February 19–20, 2019). Part 2]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2019, pp. 320–326.
12. Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside thinking worlds]. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2016. 448 p.
 13. Nevokshanova A. A. [Linguistic interpretation of the basic grammatical features of Argentine variant of the Spanish language]. In: *Gumanitarnyye issledovaniya* [Humanitarian Researchers], 2012, no. 4 (44), pp. 68–74.
 14. Ovchinnikova J. S. [The program of the lecture course ‘Traditional music in the culture of peoples of the world’]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], 2020, no. 3, pp. 135–143.
 15. Radovich M. [Toponyms, demonyms and toponymic nicknames in Brazil: morphological and cultural aspects]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2016, no. 4, pp. 56–64.
 16. Rayevskaya M. M., Peretiatko A. V. [Metaphors of the modern Spanish sports discourse as a reflexion of national mentality]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], 2022, no. 1, pp. 94–105.
 17. Sabelnikova E. A. [Analysis of “Football” concept in modern English sport discourse]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Modern Science: actual problems of theory and practice. Series “Humanities”], 2022, no. 8, pp. 145–148. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.08.24.
 18. Starodubova O. Yu. [Linguo-cultural situation through the prism of precedent phenomenon as a reflection of intertextuality in the epoch of globalization]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 5, pp. 100–112. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-100-112.
 19. Yu E. D. [About the sociolect of Lunfardo: taxon and usage]. In: *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies], 2018, vol. 7, no. 4, pp. 56–62. DOI: 10.12737/article_5b5fff4c5860d7.52439148.
 20. Chernyavskaya V. E. [Introduction to special issue on ‘Language and identity’]. In: *Terra Linguistica*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 7–10. DOI: 10.18721/JHSS.13201.
 21. Mishev L. Falklands crisis prez 1982: Military-diplomatic moves and psychological operations. Sofia, Askony-Izdat, 2012. 139 p.
 22. Bracken J. Che boludo: a gringo’s guide to understanding the Argentines; 1a ed. 4a reimpr. Martínez, Magiart, 2019. 72 p.
 23. Donni De Mirande N. Estudio Del Español En La Argentina. Buenos Aires, 1993. 202 p.
 24. Freedman L. The Official History of the Falklands Campaign. Vol. I–II. Abingdon, Routledge, 2005–2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чеснокова Ольга Станиславовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; e-mail: chesnokova_os@pfur.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; e-mail: chesnokova_os@pfur.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чеснокова О. С. Песенный дискурс аргентинских футбольных болельщиков сквозь призму национальной идентичности // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 154–165.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-154-165

FOR CITATION

Chesnokova O. S. Song discourse of Argentine football fans through the prism of national identity. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2023, no. 4, pp. 154–165.

DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-154-165

Памяти Новодрановой Валентины Фёдоровны

(26 октября 1934 г. – 14 августа 2023 г.)

In memory of Valentina Fedorovna Novodranova

(October 26, 1934 – August 14, 2023)

Российское терминоведение понесло тяжелейшую утрату: 14 августа 2023 года скончалась Валентина Фёдоровна Новодранова – известнейший терминовед, чьи работы цитируются практически всеми исследователями, занимающимися как общей теорией термина, так и частными направлениями (медицинское терминоведение, когнитивное терминоведение, латинистика).

Все, кто хотя бы раз общался с Валентиной Фёдоровной, отмечают её огромнейшую порядочность, сердечную отзывчивость, неослабевающую работоспособность, неуёмную тягу к знаниям, искромётное остроумие, чёткую организованность, постоянное стремление к творчеству.

Валентина Фёдоровна была чутким и мудрым человеком, она всегда была готова поддержать друга, помочь, подтолкнуть к какому-либо делу, защитить.

Валентина Фёдоровна получила классическое образование на классическом отделении филологического факультета МГУ им. Ломоносова. Любовь к латинскому языку она пронесла через всю свою профессиональную жизнь, с лёгкостью могла цитировать тексты античных

философов, писателей, поэтов и также легко сочиняла сама на латинском языке посвящения юбилярам, подругам, друзьям и просто коллегам.

Валентина Фёдоровна несколько десятков лет возглавляла кафедру латинского языка и основ терминологии Московского государственного медико-стоматологического университета им. А. И. Евдокимова (МГМСУ).

За заслуги в профессиональной деятельности Валентина Фёдоровна была удостоена таких званий, как Заслуженный работник Высшей школы РФ, Отличник здравоохранения.

Перу Валентины Фёдоровны принадлежат 5 монографий и 12 учебных пособий и терминологических словарей, более 270 научных работ по проблемам общего языкознания, когнитивной лингвистики и терминоведения. Как педагог, наставник, научный руководитель и научный консультант Валентина Фёдоровна подготовила и выпустила на защиту множество аспирантов и докторантов. Во многих университетах России успешно работают специалисты, на защитах кандидатских и докторских диссертаций которых оппонентом выступала Валентина Фёдоровна.

Трудно перечислить все научные конференции (как региональные, так и международные), в работе которых активное участие принимала Валентина Фёдоровна. Стремительно она создавала доклад для предстоящей конференции и с поразительной лёгкостью отправлялась в путь.

Необходимо подчеркнуть то, что Валентина Фёдоровна является одним из организаторов и активных пропаганди-

стов нового направления в языкознании – антропологистики.

Мы потеряли очень многое с уходом Валентины Фёдоровны. Но остались её книги, её статьи, её учебные пособия ...

Выражаем глубокие соболезнования родным и близким Валентины Фёдоровны. Она осталась в памяти огромного количества людей по всей России и за рубежом.

Светлая ей память!

*Доктор филологических наук, профессор С. В. Гринев-Гриневич
(Университет в Белостоке, Польша),
доктор филологических наук, профессор Э. А. Сорокина
(Государственный университет просвещения)*

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» основан в 1998 г.

Сегодня Государственным университетом просвещения выпускается одиннадцать научных журналов по разным отраслям науки. Все журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Государственного университета просвещения (www.journals-gup.ru, www.linguamgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2023. № 4

Над номером работали:
Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайты:
www.linguamgou.ru;
www.journals-gup.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10,5, уч.-изд. л. 13.

Подписано в печать: 30.09.23. Выход в свет: 01.11.23. Заказ № 2023/09-02.

Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2